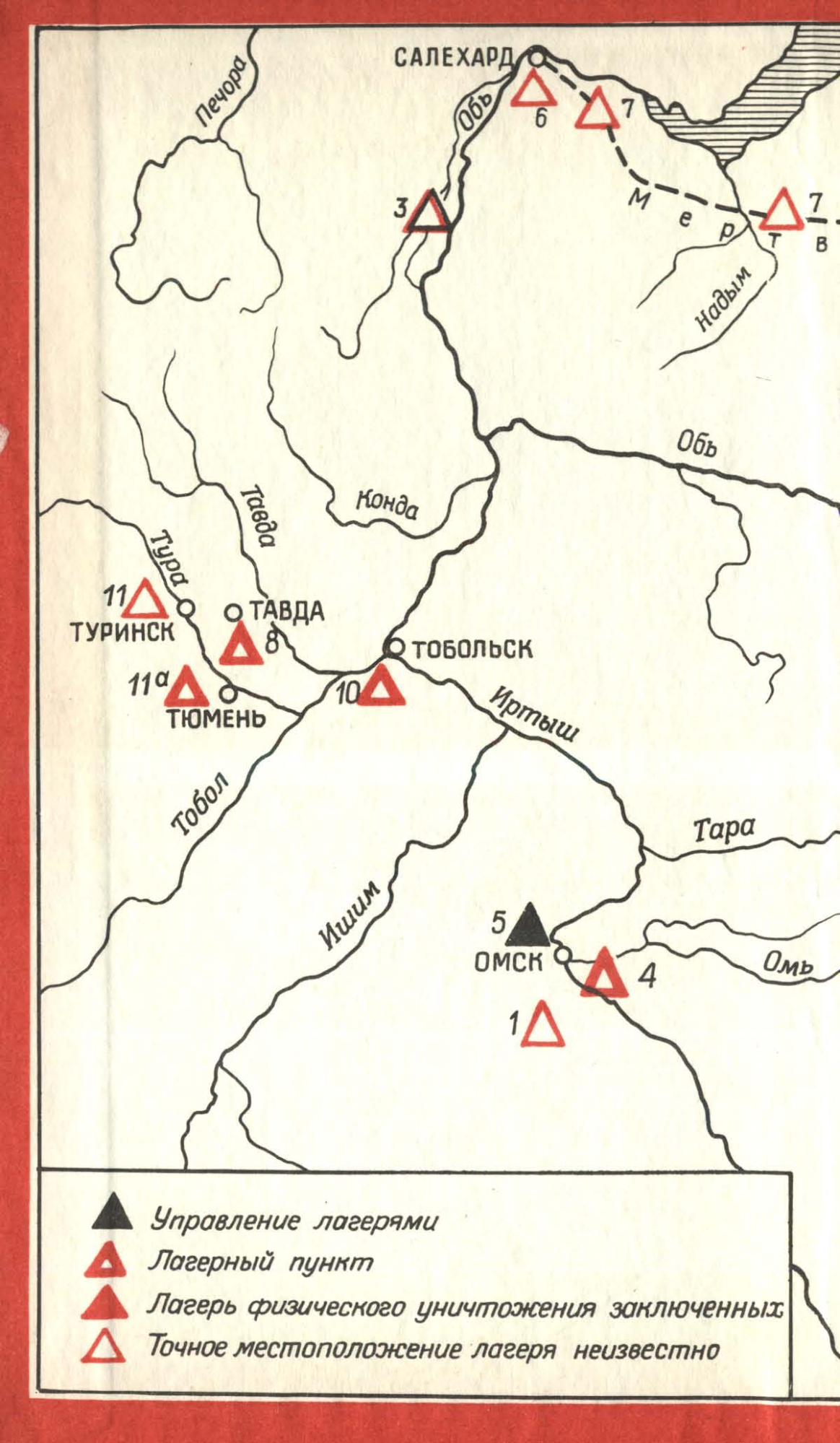
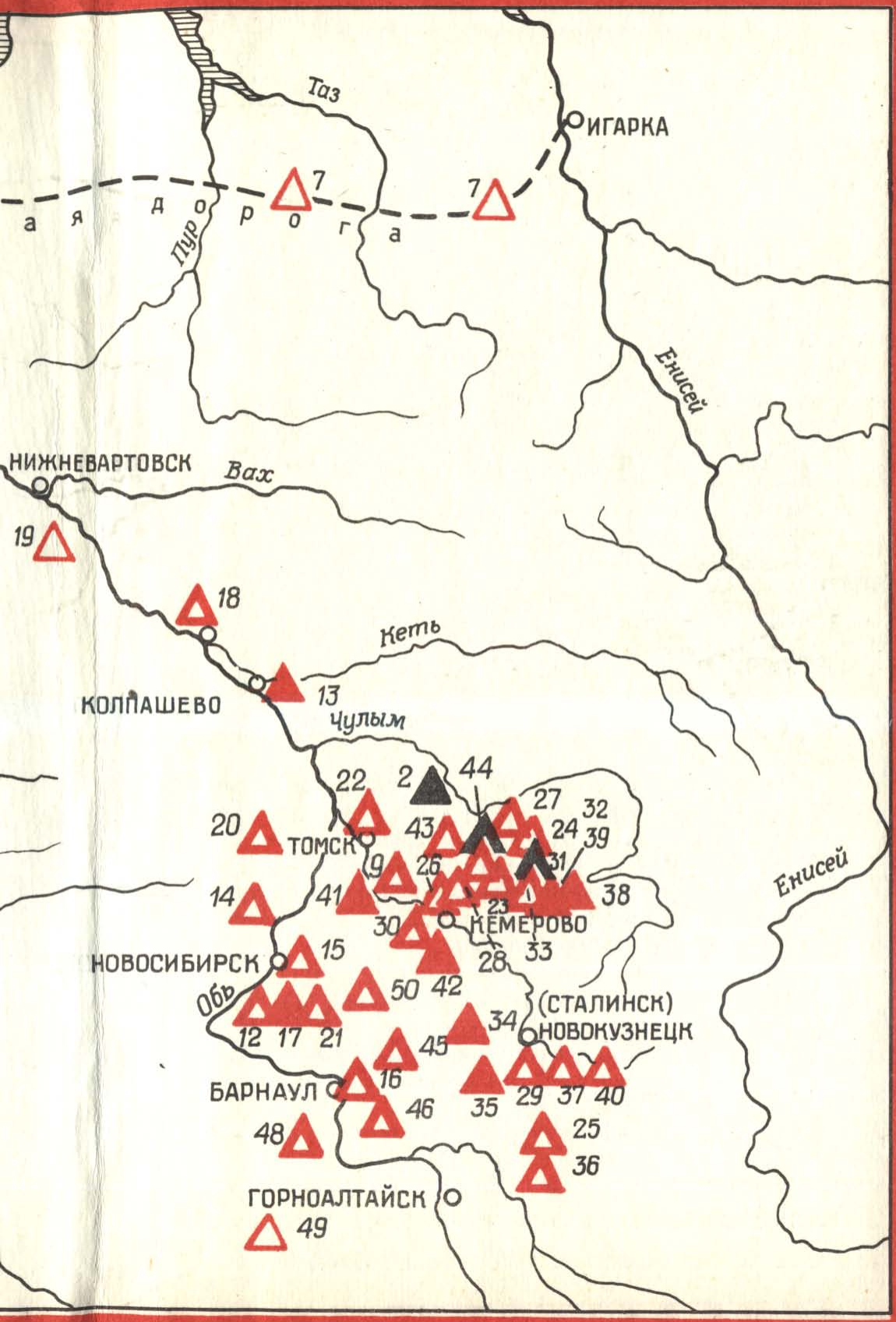
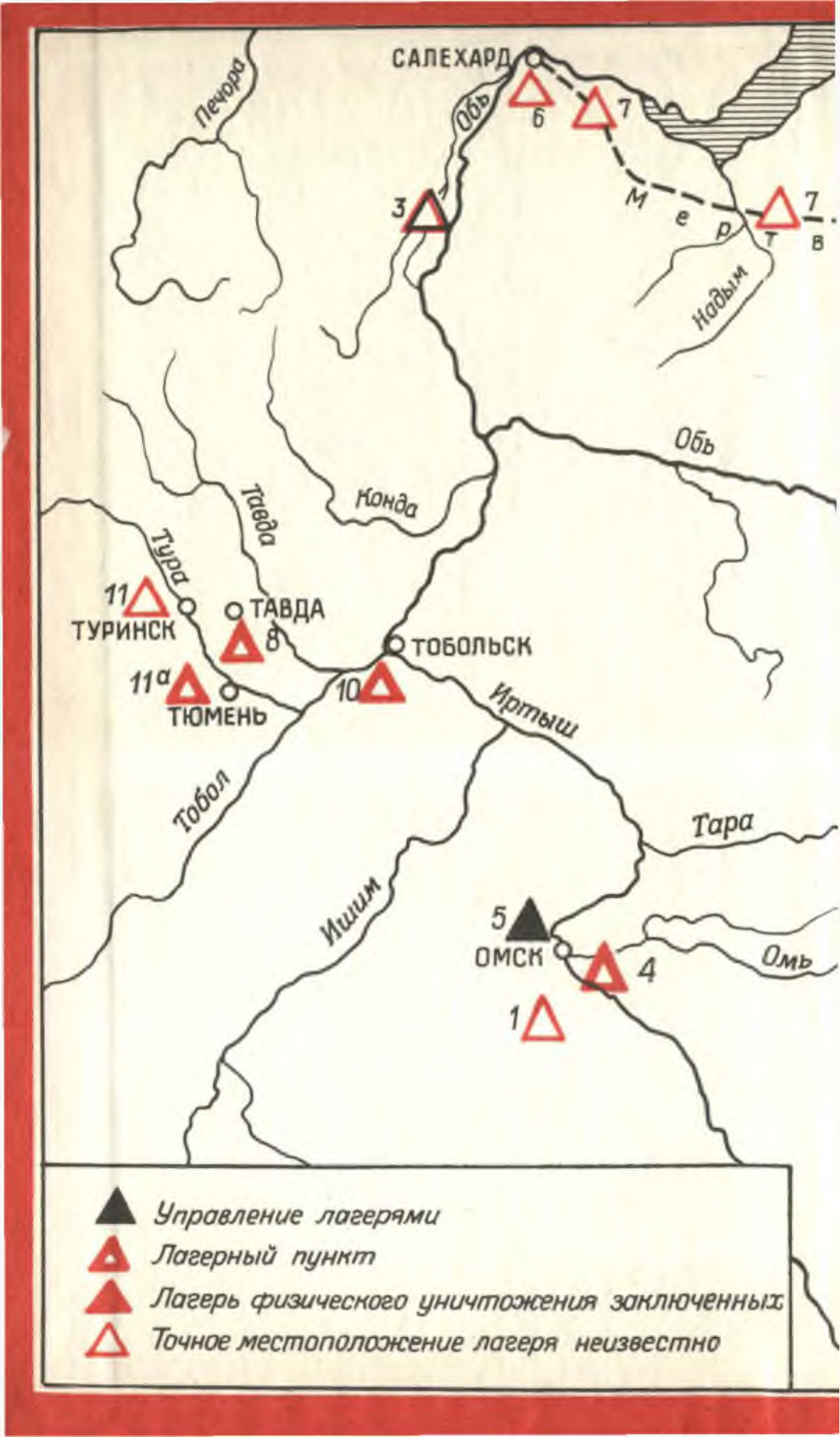
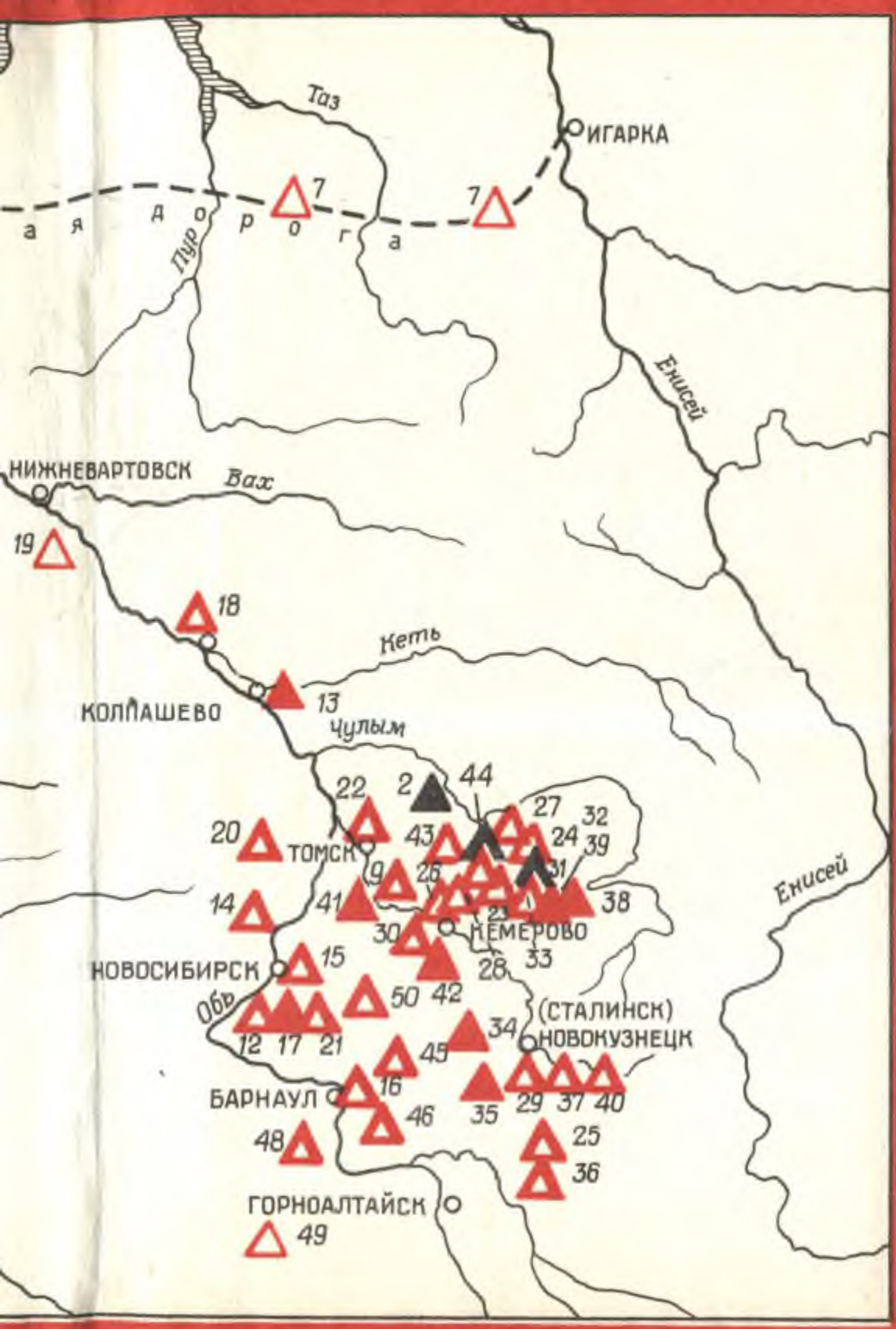
Возвращение ПАМЯТИ


САЛЕХАРД
Печора
Обь
6
7
3
М е р т в
7
Надым
Обь
Конда
Тавда
Тура
11
ТУРИНСК
ТАВДА
8
ТОБОЛЬСК
11а
ТЮМЕНЬ
10
Иртыш
Тобол
Тара
Ишим
5
ОМСК
4
Омь
1
Управление лагерями
Лагерный пункт
Лагерь физического уничтожения заключенных
Точное местоположение лагеря неизвестно


Таз
ИГАРКА
7
7
а я д о р о г а
Пур
Енисей
НИЖНЕВАРТОВСК
Вах
19
18
Кеть
13
КОЛПАШЕВО
Чулым
22
2
44
27
32
20
ТОМСК
43
24
39
9
26
31
14
41
23
38
30
КЕМЕРОВО
33
НОВОСИБИРСК
15
28
Обь
50
42
(СТАЛИНСК)
12 17 21
34
НОВОКУЗНЕЦК
45
16
БАРНАУЛ
29 37 40
46
35
48
25
36
ГОРНОАЛТАЙСК
49
Енисей


САЛЕХАРД
Печора
Обь
6
7
3
М е р т в
7
Надым
Обь
Конда
Тавда
Тура
11
ТУРИНСК
ТАВДА
8
ТОБОЛЬСК
11а
ТЮМЕНЬ
10
Иртыш
Тобол
Тара
Ишим
5
ОМСК
4
Омь
1
Управление лагерями
Лагерный пункт
Лагерь физического уничтожения заключенных
Точное местоположение лагеря неизвестно



Таз
ИГАРКА
7
7
а я д о р о г а
Пур
Енисей
НИЖНЕВАРТОВСК
Вах
19
18
Кеть
КОЛПАШЕВО
13
Чулым
22
2
44
27
32
20
ТОМСК
43
24
39
9
26
31
14
41
38
Енисей
23
30
КЕМЕРОВО
15
33
НОВОСИБИРСК
28
50
42
Обь
(СТАЛИНСК)
34
НОВОКУЗНЕЦК
12
17
21
45
16
БАРНАУЛ
29
37
40
46
35
48
25
36
ГОРНОАЛТАЙСК
49

Раскрытые лагеря Западной Сибири

1. Алтай — лагерь на границе Омской обл. и Казахской ССР.

2. Асино, поселок — Томско-Асинское управление лагерей.

3. Березово — лагерь. (Кемеровская обл? Низовья Оби, около 64-й параллели?)

4. Омск — лагерь, примерно в 5 км вверх по Иртышу от Омска.

5. Омлаг — управление лагерей.

6. Салехард, поселок — лагерь.

7. Стройка 501 — непостроенная жел. дор. Салехард — Игарка.

8. Тавда — лагерь, предназначен для лесоповала и сплава.

9. Тайга — лагерь, Кемеровская обл.

10. Тобольск — лагерь, политический изолятор.

11. Тура — лагерь. (Нижняя Тунгуска? Свердловская обл.— Богословлаг?)

11а. Тюмень — лагерь.

12. Дзержинский, поселок — лагерь, Искитимский район, Новосибирская обл.

13. Колпашево, поселок — лагерь, места расстрелов.

14. Колывань, поселок — женский лагерь.

15. Кривощековские лагеря № 5, 6, 7 — использовались для строительства левобережной части Новосибирска.

16. Куета — пересыльный пункт, примерно в 5 км западнее окраины Барнаула.

17. Ложок, поселок — отдельный лагерный пункт (ОЛП) № 4, на окраине Искитима, Новосибирская обл.

18. Нарым — место ссылки кулаков Западной Сибири, 1930—1933 гг.

19. Остров — на р. Оби около пос. Александровского. Местные жители называют его «островом смерти». Весной 1933 г. сюда было завезено около 7 тыс. чел., большинство из которых погибли.

20. Пихтовка, поселок — лагерь на севере Новосибирской обл.

21. Саплаг — лагерь на окраине Искитима, Новосибирская обл.

22. Томсклаг — лагерь жен врагов народа.

23. Бекет — лагерь, Кемеровская обл.

24. Воскресенка — лагерь, Кемеровская обл.

25. Горношорские лагеря — строительство жел. дор. до ст. Таштагол Кемеровской обл.

26. Кемерлаг — использовался на строительстве химкомбината.

27. Кольгон — лагерь-высел, Кемеровская обл., заключенные работали без конвоя — «расконвойка».

28. Котовский — женский лагерь, совместное содержание политических и уголовников. Кемеровская обл.

29. Кузнецклаг — использовался для строительства металлургического комбината в г. Сталинске (Новокузнецк).

30. Майск-1, Майск-2 — лагеря, Кемеровская обл.

31. Мариинск — сибирское управление лагерей особого назначения — СИБУЛОН. Здесь был лагерь для инвалидов.

32. Новоивановка — лагерь, Кемеровская обл.

33. Новый свет — лагерь, Кемеровская обл.

34. Прокопьевск — места расстрелов.

35. Сосновка — места расстрелов, Кемеровская обл.

36. Спасск, поселок — лагерь золоторудного прииска, Кемеровская обл.

37. Сталинск (Новокузнецк) — лагерь.

38. Тисуль, поселок — места расстрелов, Кемеровская обл.

39. Чумай — места расстрелов, Кемеровская обл.

40. Южкузбасслаг — управление лагерей в Сталинске (Новокузнецк).

41. Юрга — пересыльный лагерь, места расстрелов.

42. Ягуновка, поселок — места расстрелов, Кемеровская обл.

43. Яя — женский лагерь, Кемеровская обл., использовался на лесозаготовительных работах, существовал уже в 1931 г.

44. Яялаг — управление лагерей.

45. Аламбай, поселок — лагерь, Алтайский край.

46. Боровлянка (или Сосновка), поселок — лагерь, Алтайский край.

47. Кзыл-Озек — пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске.

48. Письяново, поселок — лагерь, Алтайский край.

49. Сектелет — лагерь на р. Белой, Алтайский край.

50. Чудиновка, поселок — лагерь, Новосибирская обл., образован еще в 1931—1933 гг.

Возвращение
ПАМЯТИ

НОВОСИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1991

ББК 84 Р7-4
В64

Составитель
кандидат исторических наук
И. В. ПАВЛОВА.

Карту сталинских лагерей Западной Сибири составил
инженер-геодезист В. Н. КОМИССАРОВ.

*Бумагу на издание альманаха предоставил
Новосибирский союз журналистов*

Возвращение памяти.
В64 Историко-публицистический альманах.— Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 296 с., ил.
ISBN 5—7620—0399—X

Нравственная задача новосибирского отделения общества «Мемориал» — вспомнить и назвать имена всех жертв сталинского террора. Первый выпуск альманаха включает научно-публицистические статьи по истории Сибири, воспоминания репрессированных и их родственников, документы, фотографии тех страшных лет.

В $\frac{0503020901-52}{М143(03)-91}$ 5—91 ББК 84 Р7-4

ISBN 5—7620—0399—X © Новосибирское книжное издательство, 1991.

ПОКАЯНИЕ И НЕНАСИЛИЕ

В нашей сегодняшней бурной общественной жизни, когда идет стремительная политизация населения, одна за другой оформляются новые партии и общественные организации и, как снежный ком, нарастают все новые и новые социально-экономические проблемы, как-то затерялся голос Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Вначале, когда людям только открывалась правда о преступлениях сталинщины, идея Мемориала привлекла к себе широкие массы сочувствующих. Я помню вечер памяти жертв сталинизма, состоявшийся 1 декабря 1988 г. в большом зале Дома ученых Новосибирского академгородка. Зал на тысячу мест был полон, люди стояли в проходах. Необычайное единение охватило присутствующих, когда была объявлена скорбная минута молчания. Вспоминается и первая учредительная конференция Новосибирского общества «Мемориал» 15 апреля 1989 г., на которую собрались разные по настроению и мыслям люди — от бывших репрессированных до молодых людей из «Демократического союза». Но их всех объединила тогда идея Мемориала.

Прошел ровно год, и на научно-публицистической конференции «Великий перелом в человеческом измерении» в малом зале Дома ученых 9 декабря 1989 г. собралось лишь несколько десятков человек, на вторую конференцию Новосибирского общества «Мемориал» 15 апреля 1990 г.— 53 человека. Но, пожалуй, самое сильное впечатление произвел зал Дома ученых во время благотворительного концерта в фонд «Мемориала» 16 мая 1990 г. В нем было всего 50 человек...

Что же произошло? Почему оказалось, что сегодня «Мемориал» нужен только репрессированным и их родственникам, да горстке энтузиастов. И такое положение характерно не только для Новосибирска. Оно типично в целом по стране. Каковы же место и роль «Мемориала» в нашем обществе? И готово ли общество к тому, чтобы воспринять идею Мемориала? Все эти вопросы далеко не праздные. Они прямо связаны с раздирающими сегодня общество проблемами. Попытаемся дать на них ответ. Но сначала немного истории.

Идея Мемориала возникла в годы оттепели после известного доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Вспомним, как тогда ставился вопрос — предлагалось «увековечить память видных деятелей партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в период культа личности». Но тогда вопрос и в такой постановке не был решен.

Лишь в 1987 г. почти одновременно с созданием Комиссии Политбюро ЦК, которая начала прерванную в середине 60-х гг. работу по изучению материалов, связанных с репрессиями, вновь возникла, вернее возродилась, идея Мемориала, теперь уже не только как памятника, но и как неформальной организации.

По стране движение за создание «Мемориала» стало разворачиваться в 1988 г. На XIX Всесоюзной партийной конференции, спустя почти 27 лет, вновь была высказана мысль о памятнике, но теперь уже всем жертвам сталинских репрессий. В конце января 1989 г. прошла учредительная конференция «Мемориала» как всесоюзного общества, которое, к слову сказать, до сих пор официально не зарегистрировано. В 164 городах оформились местные общества «Мемориал». Одно из них существует в Новосибирске. Хотя каждое общество имеет свой устав, цели и задачи всех схожи. Общество «Мемориал», как записано, к примеру, в новосибирском уставе, объединяет граждан, «отвергающих политическое насилие и убежденных в недопустимости забвения страшных уроков репрессий и террора сталинизма, их мучеников и жертв и считающих необходимым воплотить свои убеждения и свою сопричастность этой народной трагедии путем создания особого места для поклонения жертвам и покаяния вольных или невольных виновников злодеяний сталинизма — Мемориала, включающего в себя, помимо памятника жертвам, информационно-исследовательский и просветительский центр с общедоступным архивом, музеем и библиотекой».

«Мемориал» не ограничивает свою деятельность по сбору и изучению материалов, связанных с репрессиями, хронологическими рамками 30—40—50-х гг. У многих в этом отношении сложилось неверное представление о целях и задачах «Мемориала». Члены этого общества, что хотелось бы особо подчеркнуть, выступают против всех политических репрессий, против политического насилия вообще. Отрицание политического насилия является той чертой, от которой начинается превращение «Мемориала» из организации в общественно-политическое движение. Пока в нашей стране «Мемориал» существует только в виде неформальной общественной организации. Надо признать, что и не все члены общества осознали эти глобальные задачи Мемориала как общественно-политического движения. Многие, в том числе и бывшие репрессированные, готовы вести работу по разоблачению сталин-

ских репрессий 30—40—50-х гг., но не вмешиваться, как они говорят, в большую политику. Уже сам факт свидетельствует о том, как далеко еще наше общество от решения задач Мемориала — общественно-политического движения. Эти задачи намного шире, чем задачи «Мемориала» — неформальной организации. Это не только установление памятников в местах массовых расстрелов и захоронений, а также на месте бывших лагерей. Это не только сбор материалов о преступлениях сталинщины и помощь оставшимся в живых репрессированным и их родственникам. Это не только воспитание граждан в духе осуждения сталинизма. Цель Мемориала как общественно-политического движения — освобождение общества от политического насилия.

В мире нет и не было движений, подобных нашему Мемориалу, потому что ни одна страна не пережила за такой короткий срок столько насилия в своей истории, как наша.

Насилие в российском обществе было всегда. Это чисто наше явление, которое в особенно явном виде существует в России с XVI века, с момента установления власти самодержавия — государства-хозяина в своей собственной стране. Но с 1917 г. насилие в России приобрело новое качество. Оно стало основным средством решения социальных проблем. Сначала это было насилие против враждебных классов. Троцкий признался в 1927 г.: «Насилие может играть огромную революционную роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике. Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками, над эсерами дало — при определенных исторических условиях — гигантские результаты». Но очень скоро это насилие над классовым противником превратилось в насилие против оппозиционно настроенных членов самой большевистской партии. И как бы страстно ни писал Троцкий в 20-е годы о коренной ошибке руководящей фракции во главе со Сталиным, думающей, что при помощи насилия можно достигнуть всего, насилие нарастало неотвратимо. В конце концов оно стало универсальным, превратившись в насилие против собственного народа. Где, в какой другой стране пролилось такое море крови, где, в какой другой стране было заплачено миллионами человеческих жизней за установление нового общественного порядка! Как никакая другая, наша страна за короткий срок — немногим более семи десятилетий — пережила величайшие потрясения — гражданскую войну, коллективизацию, голод 1921 г., 1932—1933 гг., 1947 г., Великую Отечественную войну, массовую депортацию народов с родных мест, архипелаг ГУЛАГ. И та критическая черта, у которой оказалась страна сегодня, со всей очевидностью показала, что путем насилия невозможно решить никакие социально-экономические проблемы, что этот путь ведет только в исторический тупик, из которого мы до

сих пор даже не знаем, как выбраться. Самый трагичный результат всех этих преобразований — советский человек, все наше люмпенизированное общество, зараженное ядом насилия. Здесь речь идет не о росте преступности, а о том, что в нашей стране люди в подавляющем большинстве не представляют себе иного способа решения социальных проблем, как путем насилия.

Революция, ожесточенная гражданская война, последующее развитие советского общества, через всю историю которого проходит перманентный поиск внутреннего врага, виновного в бедах и неудачах страны, привели к тому, что слово «расстрелять» люди произносят, не задумываясь, оно не повергает их в отчаяние. Это слово произносится именно тогда, когда речь заходит о борьбе с тем или иным, по их представлениям, негативным явлением. Причем произносят это слово люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы и на разных уровнях образованности — от простой работницы до доктора наук.

Сегодня общество много узнало о преступлениях сталинщины, но этот трагический опыт и наша настоящая жизнь находятся как бы в разных плоскостях. Пройденный исторический путь пока ничему не научил общество. Казалось бы, в этой стране, истерзанной, уставшей от насилия, нетерпимости, должно было наступить насыщение, после которого новое насилие становится невозможным. Но, к сожалению, все повторяется на новом уровне. Сегодня на окраинах страны врагами оказались люди других национальностей, в самой России часть общества видит врагов в евреях и масонах, возлагая на них всю вину за происшедшее, другая часть — в партаппаратчиках и т. д. На митингах со всей страстью произносятся речи, направленные против определенного врага. Нынешние демократы при всем благородстве их целей и устремлений в своих действиях в большинстве своем остаются ленинцами, плоть от плоти людьми, воспитанными на насилии. Поэтому, яростно выступая против Ленина, они не предлагают других методов решения наших сегодняшних проблем, чем те, которыми руководствовались большевики, призывая к свержению существовавшего правительства. Такие настроения далеко не изжиты и в самом обществе «Мемориал». К примеру, сегодня, говоря о Колпашевской трагедии, случившейся в 1979 г., когда размыло крутой берег реки и в результате обнаружились остатки массового захоронения 30-х гг., многие члены общества возлагают вину на конкретного человека — Е. К. Лигачева, бывшего в то время первым секретарем Томского обкома КПСС. Никто не снимает с него ответственности за происшедшее. Но хочется задать вопрос: «А где же были другие руководители? Что думали непосредственные исполнители? Где в конце концов были люди — свидетели творившегося надругательства над трупами людей, уже ставших од-

нажды жертвами репрессий? Почему все молчали?» Ведь это были не 30-е годы, а конец 70-х, когда уже не существовало прямой угрозы быть репрессированными.

И вот здесь я подхожу к самой сложной для нашего общества проблеме всеобщего покаяния. Без этого общество не сможет перейти к своему новому состоянию, где не будет места насилию. Надо признать, что самый перестроечный фильм «Покаяние» Т. Абуладзе оказался непонятым. Не понята его основная идея — в том, что произошло в нашей стране, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них земле. В том, что произошло, виноваты мы сами. Эта вина разной степени тяжести: одна — вина руководства страны, другая — вина активных исполнителей, а третья — это вина народа, принявшего новый режим и участвовавшего в его действиях. Маркс, которому тоже сегодня досталось за наши проблемы, в свое время писал: «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие». Эти слова относятся и к нам.

Простое решение вопроса — возложить вину за Октябрьскую революцию только на Ленина и большевиков. Но историческая действительность гораздо сложнее простых схем, и историки еще долго будут биться над одной из самых трудных ее загадок — почему Россия в 1917 г. приняла ленинизм, который предполагал насилие в качестве основного средства решения социальных проблем? Почему Россия пошла за Лениным и большевиками, почему огромная масса населения повернулась своею «азиатской рожею», т. е. оказалась способной на насилие? Простое решение вопроса — возложить ответственность и за коллективизацию только на Сталина и его окружение. А где же была партия, под руководством которой вершилась коллективизация во всех уголках необъятной России? Вот почему так трудно разграничить правых и виноватых, палачей и жертв в нашей советской истории. Очень остро встал этот вопрос и на учредительной конференции всесоюзного общества «Мемориал» в январе 1989 г. Тогда конференция приняла мудрое решение признать массовые незаконные репрессии преступлением против человечности и провести общественный суд над Сталиным и его подручными в интересах гуманности и милосердия, отказавшись от уголовного преследования живых.

Сегодня взгляд на нашу историю стал гораздо объемнее, чем в период хрущевской оттепели, когда деятели партии и государства однозначно рассматривались только как жертвы культа личности Сталина. Сегодня уже достаточно ясно, что такой подход далек от реальной действительности, но от этого не становится легче. Как, например, относиться к М. Н. Тухачевскому, расстрелянному 12 июня 1937 г., и к Тухачевскому, жестоко подавившему Тамбов-

ское восстание крестьян в 1921 г.? К Р. И. Эйхе, расстрелянному 4 февраля 1940 г. после невероятных мучений, когда ему во время пыток сломали позвоночник, и к Эйхе, инициативному исполнителю всех директив Сталина в Сибири? И даже к М. Н. Рютину, который широко известен сегодня как человек, решительно выступивший в 1932 г. против Сталина и возглавлявшегося им режима. Можно ли однозначно говорить о нем как о герое, зная о том, как активно он боролся в 20-е гг. с троцкистами, будучи секретарем Краснопресненского райкома г. Москвы, и таким образом внес свой вклад в победу сталинской фракционной группы в партии и становление сталинизма? Все сплелось в нашей истории в жестокий кровавый клубок.

Ну, а при чем тут мы,— скажет современный читатель,— мы-то не жили во времена сталинщины. Но и Сталин умер в 1953 г. и не несет прямой ответственности за развал нашей экономики, социальной сферы, распад нашей нравственности и культуры. Признание вины не только системы, а каждого из нас за то состояние общества, к которому мы сегодня пришли, дается труднее всего. Сейчас всем кажется, что они-то уж не виноваты, что они-то уж все понимали и до 1985 года. Это тоже ложь. Вспомните себя, вспомните, какими вы были несколько лет назад, и многие ли следовали завету А. И. Солженицына «жить не по лжи», многие ли сохранили свое человеческое достоинство? Такое признание и будет покаянием.

Трагедия нашего народа состоит в том, что террор и страх, стремительное падение цены человеческой жизни, начавшееся с 1917 г., с одной стороны, а с другой — каждодневный разрыв между словом и делом, безудержное славословие и ложь изменили природу человека, сделали его безынициативным и, как очень верно отметил историк М. Я. Гефтер, «лишенным ответственности за происходящее в стране, лишенным права на эту ответственность и привыкшим жить вне ее и даже сумевшим это худшее из современных лишений превратить в своего рода комфорт». Все это сделало в итоге советского человека не только жертвой, но и соучастником творившихся в стране преступлений.

Тех людей, которые действительно противостояли существующему режиму, которые сохранили свое достоинство, было немного. Они и сегодня остаются нашими нравственными ориентирами.

Это такие люди, как А. А. Ахматова, не согнувшаяся в годы сталинщины и написавшая свой «Реквием» не в 60-е годы, а в 1935—40 гг., который впервые был опубликован в нашей стране лишь в 1988 г., а до этого не пропускался простыми советскими людьми, работавшими в издательствах, отделах культуры и т. д. и т. п. Это А. И. Солженицын, в 60 — 70-е гг. писавший свой «Архипелаг ГУЛАГ», А. Д. Сахаров, не побоявшийся один выступить

против системы государственной лжи, в частности, против войны в Афганистане. Это диссиденты, получавшие в 70-е гг. обычные тогда 7 лет лагерей и 5 ссылки, в то время, как большинство советских людей спокойно жило при этом режиме и более того, многие клеймили и Сахарова, и Солженицына, не зная их взглядов и не читая их произведений, осуждали диссидентов, не имея представления о их деятельности. Вот это наше недавнее прошлое заставляет ощущать свою собственную вину за происшедшее особенно остро. Только в таком признании каждым своей вины и покаянии в своем соучастии во лжи я вижу спасение общества и начало его пути к консолидации. Не надо строить на этот раз никаких иллюзий. Это будет долгий и трудный путь. Но только на этом пути возможно действительное созидание, возрождение того лучшего, что было в российском обществе и лучших черт нашего народа.

А пока... страна не может вырваться из замкнутого круга проблем, в который она попала в 1917 году. Снова раздаются голоса «расстрелять», «надо браться за оружие», и не только голоса — во многих регионах страны уже пролилась кровь. Сердце сжимается при взгляде на сегодняшний развал и нагнетание нового насилия. Неужели у России такая судьба, и ей не вырваться из этого круга иначе, как с помощью нового насилия, новой гражданской войны?!

Единственной основой, на которой только и может произойти консолидация нашего общества на его трудном пути к своему будущему, в котором не будет места политическому насилию, я считаю идею Мемориала. В этом смысле эта идея представляется мне спасительной для общества, но, к сожалению, далеко еще не осознанной в этом своем качестве.

Как никогда, сейчас велика роль интеллигенции. Наступил тот час, когда советская интеллигенция должна показать, действительно ли она таковой является, действительно ли понимает проблемы страны и болеет за ее судьбу. Настоящая интеллигенция должна направить свои усилия в этот критический для страны период не на выяснение групповых интересов и удовлетворение собственных амбиций, не на поиски врагов, виновных в бедах страны, а на сплочение людей на основе покаяния и ненасилия, на основе идеи Мемориала.

Как бы ни была трудна и неустойчива сегодняшняя жизнь, я верю в то, что когда-нибудь в этой стране Мемориал станет действительно общественно-политическим движением, движением всех за возрождение российского общества на основе идей ненасилия.

Путь к гражданскому обществу в нашей стране лежит через нравственные испытания историей своей страны. На этом пути потеряно уже более 30 лет и потеряно безвозвратно. Если бы этот

процесс развернулся тогда, после XX съезда! Поэтому так важно, чтобы сегодня мы были последовательными и стойкими в своих делах. Поэтому так важно сегодня сделать все возможное, чтобы не погасла та свеча, опутанная колючей проволокой, что является эмблемой «Мемориала». Не погасла от злобы, нетерпимости, нового насилия.

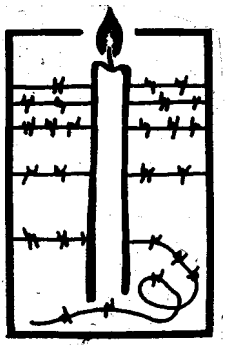
Мемориал, о котором говорится сегодня, нужен в первую очередь нам и нашим детям, чтобы они стали не «каэрами», не «винтиками», не трудовыми ресурсами, не населением, с чьим мнением не считается начальство, а свободными людьми, знающими свое прошлое, ответственными за настоящее и будущее своей страны. И не кусок холодного гранита нужен нам в качестве мемориала, а правда, вся без изъятия, вся, которую добудем, не исказив и не утаив ничего.

* * *

Свой альманах мы назвали «Возвращение памяти». В нем представлены очерки и рассказы о людях, ставших жертвами репрессий, их документы и воспоминания. Это лишь малая часть материалов о нашей реальной истории, той истории, о которой мы не знали или предпочитали не знать, забыть, от которой хотели отгородиться. Основу альманаха составляют материалы, хранящиеся в архиве Новосибирского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал».

И. ПАВЛОВА

ПУБЛИЦИСТИКА



И. ПАВЛОВА

ТРАГЕДИЯ «СТАЛЬНЫХ» ЛЮДЕЙ

Варвара Николаевна Яковлева в ВКП(б) с 1904 г., в разные годы кандидат в члены ЦК и секретарь Московского областного комитета РСДРП(б), председатель Петроградской ЧК, секретарь Сиббюро ЦК партии, нарком финансов РСФСР. Расстреляна в 1941 г.

Иван Никитич Смирнов — большевик с 1899 г., член ЦК в 1920 г., член Реввоенсовета республики, председатель Сибревкома, зам. председателя исполкома Петроградского Совета, нарком почт и телеграфов. Расстрелян в 1936 г.

Этих людей связало не только общее дело, но и судьба. В первые годы революции эти имена гремели, сегодня их знают единицы, главным образом историки.Как и имена других коммунистов, находившихся в разное время в оппозиции к сталинскому режиму, они старательно обходились в нашей исторической литературе. Имя Смирнова, проявившего наибольшую стойкость и последовательность в неприятии режима Сталина, фактически было вычеркнуто из нашей истории. Яковлевой «повезло» больше. Ее имя встречается в энциклопедических изданиях с непременной концовкой «отошла от троцкистской оппозиции», что на языке просталинской историографии означало: имя может быть упомянуто. Однако за исключением двух-трех небольших статей, затрагивающих в основном участие В. Н. Яковлевой в подготовке Октябрьской революции, едва ли найдется о ней что-либо еще в безбрежном море исторических сочинений.

* * *

В марте 1938 г. в Москве проходил процесс по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока. На нем были окончательно раздавлены и осуждены Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский и другие. Но приговор,

прозвучавший на процессе, стал приговором не только для подсудимых, но и для выступавших на нем свидетелей. Они обвиняли своих товарищей в чудовищных преступлениях — предательстве, шпионаже, заговоре против Советской власти, намерении убить Ленина, Свердлова, Сталина... Одним из свидетелей на процессе выступала Варвара Николаевна Яковлева. В начале 1918 г. она вместе с Бухариным входила в группу левых коммунистов, выступивших против заключения Брестского мира, вместе с ним и еще девятью большевиками подписала заявление в адрес ЦК партии и в знак протеста вышла из состава ВСНХ...

Давая показания против Бухарина, Яковлева свидетельствовала и против себя. Это была уже не та гордая, независимая, непреклонная Яковлева, некогда возглавлявшая Петроградскую ЧК. В последнем акте трагедии, трагедии «стальных» людей,— как назвал ее А.Кестлер*, ей была отведена роль свидетеля, а затем обвиняемой.

Сегодня уже много написано о страшной судьбе ленинской гвардии, почти полностью уничтоженной в 1930-е годы. Фабрикуя процессы и дела и расстреливая большевиков, делавших революцию, Сталин преследовал двоякую цель — устранение свидетелей и участников событий, фальсифицированных в его версии истории Октября и гражданской войны, и нагнетание атмосферы подозрительности и страха, в которой только и возможен был тот невиданный размах репрессий, обрушившихся уже на все общество.

Варвара Николаевна Яковлева вступила в большевистскую партию в 1904 г. в девятнадцатилетнем возрасте. В это время она училась в Москве на Высших женских курсах, готовясь стать астрономом. Многим тогда запомнилась прехорошенькая курсистка-математичка, выделявшаяся среди слушательниц курсов своим твердым характером. Став большевиком, Варвара Николаевна сразу оказалась в гуще событий. В декабре 1905 г. она уже сражалась на баррикадах вооруженного восстания в Москве, а в следующем году была первый раз арестована. До 1910 г. таких арестов было четыре. Находясь между арестами на полулегальном положении, в 1907 г. сумела-таки закончить курсы. Некоторое время работала учительницей, занималась

---

* Артур Кестлер (1905—1983) род. в Будапеште, жил в Австрии, Германии и Франции. В середине 1930-х гг. предпринял большое путешествие по Центральной Азии и год прожил в Советском Союзе. Автор романа «Слепящая тьма», изданного на Западе в 1940 г., а у нас опубликованного лишь в 1988 г. в журнале «Нева» (№ 7,8).

IV Сибирская партийная конференция
(Новониколаевск, август 1921 г.).
В центре — В. Н. Яковлева, слева от нее — И. Н. Смирнов.

переводами с немецкого и французского. В это же время Варвара Николаевна стала женой известного профессора астрономии П. К. Штернберга.

Казалось, в жизни все складывается удачно, и будущее могло быть спокойным и уверенным. Она любима, увлечена работой, есть дом, родители, друзья... Но революция манила и притягивала ее неодолимо. В 1910 г. в очередной раз Варвара Николаевна была арестована и отправлена в ссылку в Нарым. Там она познакомилась с В. М. Косаревым, В. В. Куйбышевым, И. Н. Смирновым и др. Конечно же, такая бунтовщица, как Яковлева, долго не могла пребывать в бездействии.

В начале 1912 г. она бежала из ссылки. Этот отчаянный побег был организован с помощью И. Жилина, В. Куйбышева и В. Косарева, которым удалось некоторое время скрывать ее отсутствие в Нарыме. Варвара Николаевна успела перебраться за границу, но пробыла там недолго. Ее тянуло в Россию. В начале 1913 г. она возвращается и становится агентом ЦК РСДРП в Центральном промышленном районе. Сила духа, вера в правоту своего дела, пора-

зительная целеустремленность производили сильное впечатление на людей, общавшихся с В. Н. Яковлевой. Она вовлекла в революцию своего младшего брата Николая, ставшего в 1918 г. председателем Центросибири — верховного органа сибирских Советов.

Но в этом же 1913 г. Варвара Николаевна была арестована и вновь отправлена в Нарым. Снова побег, но на этот раз неудачный. Она сломала ногу, была арестована и отправлена в ссылку в Астраханскую губернию в г. Енотаевск, где почти не было политических ссыльных. Однако Варваре Николаевне удалось поддерживать связь со своими единомышленниками, находясь даже в таком изолированном положении. В этой ссылке родилась ее первая дочь.

Летом 1916 г. она возвращается в Москву и входит в состав Московского областного бюро ЦК РСДРП(б), а после Февральской революции избирается его секретарем. Фигура Яковлевой в партии столь же масштабна, как и фигуры Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай. Вместе с И. Арманд В. Н. Яковлева занималась выпуском журнала «Жизнь работницы». Дружила с Надеждой Константиновной, а впоследствии многие годы работала с ней в Наркомпросе. В 1917 г. Варвара Николаевна входила в тот узкий круг большевиков, которые были заняты непосредственной подготовкой социалистической революции. Не раз встречалась она с В. И. Лениным. Энергия и деловые качества создали ей авторитет в партии. На VI съезде в августе 1917 г. Яковлева избирается кандидатом в члены Центрального Комитета. 10 октября она участвует в историческом заседании ЦК, принявшем решение о вооруженном восстании. Варвара Николаевна была секретарем этого заседания. К ней стягивались все нити по подготовке восстания в Москве. Газета «Известия» в первую годовщину Октября написала, что «Варвара Николаевна — один из крупнейших организаторов восстания в Москве и области».

После победы революции она некоторое время была заместителем Дзержинского в ВЧК, затем работала в ВСНХ. «Аппарат сколачивала В. Яковлева,— писал А. Ломов (Г. И. Оппоков),— ... с утра до ночи с упрямством и энергией». С сентября 1918 г. по февраль 1919 г. Варвара Николаевна возглавляет Петроградскую ЧК, затем работает в коллегии Наркомата продовольствия. Воображение рисует Яковлеву в образе комиссара из «Оптимистической трагедии» — непреклонной, твердой рукой подписывающей приговоры тысячам людей...

В апреле 1920 г. по решению ЦК Яковлева вошла в состав Сиббюро ЦК партии. Варвара Николаевна поехала в Сибирь, с которой была связана памятью о близких людях — в январе 1920 г. во время похода 5-й Красной Армии против Колчака умер от воспаления легких ее муж П. К. Штернберг, а раньше, осенью 1918 г., от рук белобандитов в Олекминской тайге погиб брат Николай Николаевич Яковлев. В Сиббюро ЦК партии работали и ее товарищи по ссылке Смирнов и Косарев. Здесь Варвара Николаевна сближается с Иваном Никитичем Смирновым. Они были знакомы еще со времени Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., затем встречались в Нарымской ссылке, откуда Смирнов также два раза бежал. Последний раз перед встречей в Сибири работали вместе в Москве, где Смирнов в Октябрьские дни также активно содействовал подготовке вооруженного восстания.

К моменту приезда Яковлевой Смирнов уже был легендарной личностью. Председатель Сибревкома, руководитель сибирских коммунистов, освободитель Сибири от Колчака. Популярность и авторитет Смирнова были огромны. Его называли сибирским Лениным, крестным отцом Сибири, а Сибревком — сибирским Совнаркомом.

Смирнов передает Варваре Николаевне все дела по Сиббюро, и она становится первым в современном смысле этого слова секретарем Сиббюро ЦК партии.

Колчак разгромлен, но Сибирь по-прежнему охвачена бандитизмом, разрушен транспорт, рабочий класс не организован... Яковлевой приходилось решать массу самых разных вопросов, и делала она это быстро, решительно и основательно. Все документы готовились самой Варварой Николаевной — в архиве сохранились черновики писем, телеграмм, постановлений, распоряжений, написанных ее рукой. Кроме этого, поездки на места, восстановление, а нередко и создание новых коммунистических ячеек. Выступая 1 августа 1920 г. на II Сибирском совещании РКП(б), И. Н. Смирнов подвел первые итоги: «Сиббюро, имевшее только одного постоянного работника (т. Яковлеву), сумело выполнить в короткий срок свои задания с бо́льшим успехом, чем это сделали прочие окраины Советской России. Это признается не только здесь, но и в центре... При непосредственном идейном участии Сиббюро РКП в Сибири в течение нескольких месяцев была собрана распыленная при Колчаке рабочая сила рудников, каменноугольных копей, окончательно налажен транспорт, причем восстановлено на Сибирской магистрали около 100 железнодорож-

ных мостов. Наконец, самое главное, в ряде крупных городов Сибири созданы коммунистические Советы рабочих и крестьянских депутатов. В результате неутомимой деятельности Сиббюро в Сибири в короткий срок из ничего создана самая мощная коммунистическая армия, насчитывающая около 50.000 членов». Высокая оценка, данная Смирновым работе Сиббюро во главе с Яковлевой, была в то же время оценкой деятельности самого Смирнова. так как ни один вопрос не решался без его участия.

Заслуги Смирнова и Яковлевой оценены. Смирнов вновь предложен X съезду партии для избрания в состав ЦК, а Варвару Николаевну вместе с Н. Н. Крестинским сибирская делегация на съезде рекомендовала в Оргбюро ЦК РКП(б).

Известно мнение Ленина о В. Н. Яковлевой. 20 декабря 1920 г. на Пленуме ЦК после состоявшегося накануне разговора с Варварой Николаевной и под впечатлением этого разговора Ленин обменялся записками с Каменевым. В одной он высказал мнение о том, что Яковлеву можно рекомендовать в секретари Московского комитета РКП(б), а в другой записке — что он накануне более часа беседовал с ней и вынес очень хорошее впечатление.

После разговора с Лениным Яковлеву отзывают из Сибири, и с декабря 1920 г. она возглавляла Московский комитет партии, но из Омска, где тогда размещались Сибревком и Сиббюро, одна за другой шли телеграммы с просьбой вернуть ее в Сибирь. 15 марта 1921 г. в телефонном разговоре со Смирновым К. Х. Данишевский, делегат X съезда партии, сообщил, что планируется новое назначение Яковлевой в Главтоп и что для откомандирования ее обратно в Сибирь телеграмму надо дать непосредственно Ленину.

Многочисленные просьбы возымели свое действие. В апреле 1921 г. Варвара Николаевна вернулась в Сибирь, но и в этот раз проработала здесь недолго. В начале 1920-х гг. имела широкое распространение практика переброс членов партии из региона в регион и с должности на должность. Известные в партии коммунисты И. Н Смирнов, И. И. Ходоровский, С. Е. Чуцкаев, М. М. Лашевич, С. В. Косиор и др. проработали в Сибири недолго, но за короткий период успели сделать главное — поставить дело. Собственно говоря, их усилиями проведены в жизнь первые мероприятия Советской власти.

19 августа В. Н. Яковлева делает последний доклад на совещании секретарей губкомов, состоявшемся во время IV

Сибирской партийной конференции. Это был доклад о красном бандитизме, с которым она незадолго до этого выступала на заседании Оргбюро ЦК. В связи с красным бандитизмом в Сибири сложилась крайне опасная ситуация, которая вела к продолжению гражданской войны. Красный бандитизм возник как негативная реакция бедняцких слоев деревни, привыкших к продразверстке и живших за счет внутреннего перераспределения излишков продовольствия, на переход к нэпу. В него оказались вовлеченными участники партизанского движения, члены партии, низшие органы ЧК и милиции, считавшие, что Советская власть недостаточно решительно борется со своими врагами. Проявлениями красного бандитизма были самочинные расправы с зажиточными крестьянами и реквизиции хлеба.

Для того, чтобы разобраться в этой критической ситуации, требовались незаурядный политический ум, практический опыт и твердость. Яковлевой, Смирнову и другим членам Сиббюро удалось быстро разобраться в природе этого явления и принять решительные меры по его преодолению.

Через неделю после выступления Варвара Николаевна сдала дела новому секретарю Сиббюро И. И. Ходоровскому и вернулась в Москву. В сентябре из Сибири уехал и Иван Никитич, вызванный телеграммой Молотова, в которой сообщалось о назначении его заместителем Зиновьева в исполкоме Петроградского Совета.

Смирнов работал в Петрограде недолго, с мая 1922 г. он был переведен в Главвоенпром ВСНХ, являлся членом президиума, затем председателем ВСНХ. С 1923 г. назначен наркомом почт и телеграфов. Яковлева работала сначала заведующей Главпрофобром, затем заместителем Наркомпроса.

Переломным в их судьбе стал 1923 год. Новое руководство партии в лице Зиновьева-Сталина-Каменева, которое стало складываться после первого приступа болезни Ленина 25-27 мая 1922 г., по целому ряду позиций проводило иную политическую линию. Эта линия, начавшаяся с поддержки сталинского плана автономизации, в дальнейшем выразилась в зиновьевско-сталинской политике «диктатуры партии», а также курсе на свертывание нэпа.

Результатом такой политики стало стремительное обособление партийных аппаратов от партии и как следствие этого резкое ограничение внутрипартийной демократии. Партийно-аппаратная система управления страной с самого начала вступила в противоречие с целями и задачами но-

вой экономической политики. Это противоречие выразилось осенью 1923 г. в «ножницах» цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами и кризисе сбыта, когда товары, несмотря на острую нужду в них в деревне, оставались на складах непроданными. В основе этого кризиса лежало стремление руководства начать индустриализацию страны за счет деревни уже в 1923 г. Валютный фонд для нее создавался за счет экспорта хлеба, скупленного у крестьян по очень низким ценам, и в условиях, ограничивающих его свободную торговлю. Однако эти попытки, как и стремление ликвидировать дефицит в государственном бюджете за счет широкой продажи водки и т. п., в 1923 г. не привели к ожидаемым результатам. Они натолкнулись на сопротивление в партии и стране.

С заявлением в адрес ЦК 15 октября 1923 г. выступили 46 большевиков, участники революции, многие из которых в свое время были членами ЦК. «Чрезвычайная серьезность положения,— говорилось в этом заявлении,— заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года финансовый и хозяйственный кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе внутрипартийными, последствиями безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений». В числе 46-ти большевиков, подписавших это заявление, были И. Н. Смирнов и В. Н. Яковлева. Они оба присутствовали 25-27 октября на заседаниях объединенного Пленума ЦК и ЦКК, который отверг предложенную представителями 46-ти резолюцию о расширении внутрипартийной демократии, осудил выступления 46-ти и Троцкого и постановил их документы не оглашать.

Во время дискуссии, которая началась с опубликованной в «Правде» 7 ноября статьи Зиновьева «Новые задачи партии», Смирнов и Яковлева были на стороне оппозиции. Особенно активно выступал Смирнов. Дискуссия продемонстрировала полное незнание рядовыми членами партии того, что происходит в эшелоне высших партийных руководителей, и это незнание было особенно очевидным за пределами Москвы. Коммунисты обсуждали проблемы внутрипартийной демократии, не зная ни писем Троцкого, ни заявления 46-ти, которые, собственно, и дали толчок этой дискуссии.

Победила линия ЦК. Подобранные аппаратом делегаты XIII Всесоюзной партийной конференции поддержали решение, сформулированное Сталиным в докладе о партийном строительстве, осудить выступление Троцкого и 46-ти как мелкобуржуазный уклон. Делегаты поддержали также решение закрепить резолюцию «О единстве партии», что делало ее с этого времени фактически законом жизни партии, и опубликовать пункт 7 этой резолюции, дававший право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов переводить из членов в кандидаты или исключать из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности. Это предопределило судьбу внутрипартийной демократии. Зловеще прозвучали на конференции слова Сталина: «...Некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна... демократии развернутой, полной демократии, очевидно, не будет».

Происшедшие события оказали на И. Н. Смирнова и В. Н. Яковлеву чрезвычайно сильное влияние. Большевики, привыкшие к свободе выражения своих мнений, были поставлены перед жестоким выбором: или смириться с усиливающимся диктатом, или оказаться в оппозиции, что автоматически означало оказаться вне закона. Для таких гордых и независимых людей, как Смирнов и Яковлева, принятие этого означало бы отречение от себя. А они были известны в партии именно своим независимым поведением. Не случайно И. Н. Смирнов не был переизбран в ЦК на X съезде партии в марте 1921 г., а предложенная кандидатура В. Н. Яковлевой отклонена в ходе выборов в Оргбюро ЦК. Они оба не приняли ленинскую платформу десяти — Иван Никитич был сторонником Троцкого, а Варвара Николаевна при голосовании воздержалась. В чрезвычайно критической ситуации, возникшей в партии в связи с дискуссией о профсоюзах и обострившейся начавшимся Кронштадским мятежом, сам Ленин предпочел независимо мыслящим коммунистам — таким, как И. Н. Смирнов, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков, своих послушных сторонников. Смирнов не отказался от своих убеждений и после 1923 г. и оставался верен им все последующие годы.

В 1925 г. у Варвары Николаевны и Ивана Никитича родилась дочь. Прожили они после этого вместе недолго, но, и расставшись, были неравнодушны к судьбе друг друга.

Варвара Николаевна постепенно отошла от политической деятельности. Иван Никитич по-прежнему оставался

сторонником левой оппозиции в партии. Он активно пропагандировал ее взгляды, а в мае 1927 г. подписал заявление 83-х, выступая за сплочение партийных рядов на основе ленинской политики.

В декабре 1927 г. XV съезд исключил И. Н. Смирнова из партии в числе других 75 членов троцкистской оппозиции. В 1929 г. Смирнов подавал заявление в партию и был на некоторое время восстановлен, даже назначен директором Горьковского автозавода, но затем вновь исключен и в январе 1933 г. арестован. Первоначальный приговор был 5 лет заключения в Суздальском политизоляторе... Варвара Николаевна в 1929 г. была назначена наркомом финансов РСФСР. Избиралась членом ВЦИК. В 1930 г. она выступала на XVI съезде партии. Ее выступление ничем не выделялось среди других выступлений. Как и другие, она призывала «вскрывать оппортунистические тенденции с революционной беспощадностью». Ее деятельность с этого времени согласуется с генеральной линией ЦК партии во главе со Сталиным. Внешне это была уже совсем не та Яковлева, которую знали в партии до революции и в первые годы Советской власти. А что было у нее в мыслях, нам знать не дано. К сожалению, ничего не можем сказать и о том, как она восприняла коллективизацию, что чувствовала, узнав о голоде 1932/33 гг. (а нарком финансов РСФСР не мог об этом не знать!), что думала, присутствуя на XVII съезде партии как делегат с совещательным голосом, слушая покаянные речи тех, с кем в 1917 году шла в революцию — Бухарина, Зиновьева, Каменева... Известно только, что главным в ее жизни в эти годы была работа, работа, где она также все решала быстро, основательно, по-мужски. Признанием ее заслуг стал орден Ленина, который она постоянно носила на лацкане своего неизменного английского костюма. Работа и редкие часы отдыха, встречи с Бухариным, Луначарским, Куйбышевым, Крупской и другими старыми большевиками. Но отдыхать Варвара Николаевна не умела и в спокойной домашней обстановке часто спешила, нервничала, срывалась...

В августе 1936 г. она узнала о расстреле Смирнова, осужденного по делу так называемого троцкистско-зиновьевского блока. С этого времени домашние часто заставали ее сидящей неподвижно и смотрящей в одну точку. Она уже предчувствовала и свою судьбу. За ней пришли 12 сентября 1937 г. После выступления на процессе по делу Бухарина 14 мая 1938 г. последовал приговор Военной коллегии, и Варвара Николаевна была отправлена по этапу.

В 1941 г. перед самым началом войны из Орловского политизолятора одно за другим пришли пять ее писем, адресованные старшей дочери. В них боль матери за судьбу детей и очень скупые строки о себе — говорится так, будто речь идет о командировке. В этом опять проявилась прежняя гордая и независимая Варвара Николаевна. Но, к счастью, мы знаем ее последние слова, которые донесли до нас по цепочке находившиеся вместе с ней заключенные. «Это — термидор»,— так оценила Варвара Николаевна происходящее.

11 сентября 1941 г., когда немцы подходили к Орлу, В. Н. Яковлева была расстреляна вместе с другими 156 заключенными Орловского политизолятора. Реабилитировали ее в 1958 г., а Смирнова спустя еще 30 лет.

* * *

Время многое изменило в восприятии и оценке нашей истории. Кардинальным образом изменилось отношение к Октябрю и деятельности большевиков. Все чаще звучат голоса, полностью перечеркивающие их деятельность и видящие в ней только зло.

У меня не поднимается рука писать так об этих людях. Более того, я убеждена в том, что правда не в огульном охаивании, а в попытке разобраться в мотивах и обстоятельствах действий людей, творивших нашу историю. У каждого из них к тому же была своя жизнь и своя судьба. Но их всех объединила одна трагедия. И эта трагедия большевиков была предопределена в самом начале их пути, когда они избрали насилие в качестве основного средства решения социальных проблем, думая, что, уничтожив враждебные классы и устранив эксплуатацию, они тем самым создадут условия для созидательного движения к светлому будущему. Этот выбор привел сначала их, а потом и всю страну, завоеванную ими, к катастрофе.

Смирнов и Яковлева были уничтожены, как и подавляющая часть других старых большевиков. Именно уничтожены. Не осталось даже могил. Хотя в последнее время стало известно о месте расстрела политзаключенных Орловской тюрьмы. Медведевский лес. Но, где именно, осталось тайной. Сталинские палачи умели заметать следы. И в этом случае не поленились предварительно выкопать деревья вместе с корнями, а после расстрела вновь посадить их на месте захоронения.

...Будем же милосердны ко всем жертвам нашей многострадальной истории!

С. ПАПКОВ

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЭЙХЕ

Современному читателю хорошо известно имя Роберта Индриковича Эйхе — видного деятеля большевистской партии периода 20—30-х годов. В сталинской партийно-государственной иерархии тех лет этот человек занимал довольно высокое и ответственное положение. С 1929 по 1937 годы он руководил сначала общесибирской, а затем — западносибирской парторганизацией и был, по существу, главным действующим лицом в проведении политики, решительно изменившей развитие и весь традиционный уклад прежней Сибири.

Эйхе родился в 1890 г. в семье латышского батрака. По специальности рабочий-слесарь. В 1905 г. вступил в большевистскую партию и активно участвовал в революционном движении в Латвии. После Октябрьской революции находился на ответственной работе в Наркомпроде РСФСР. В 1924 г. направлен в Сибирь. В 1925—1937 гг.— председатель Сибкрайисполкома, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). С октября 1937 г.— нарком земледелия СССР. На XIV и XV съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVI и XVII съездах — членом ЦК ВКП(б), с 1935 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Награжден орденом Ленина (1935 г.). Репрессирован в 1938 г.

Писать и говорить об Эйхе всегда было очень трудно. Долгие годы представления об этой личности формировались в основном под влиянием официальных установок и находили отражение в довольно упрощенном образе большевистского руководителя — «борца за счастье народа». При этом неизменно подчеркивалось, что жизнь Эйхе трагически оборвалась в период сталинских репрессий, что само по себе давало определенные основания для противопоставления Эйхе Сталину и его преступной политике. Однако нельзя не видеть и другого. А именно того, что Эйхе представлял собой типичный образец деятеля сталинской

Сибирская делегация на XVI съезде ВКП(б) с членами Политбюро ЦК ВКП(б). 1930 г.

эпохи. Он неразрывно был связан с политикой «великого вождя» и прилагал немало сил и способностей для ее осуществления в Сибири.

Назначение Эйхе на пост руководителя огромного края произошло в тот момент, когда Сталин уже прочно закрепил свое господствующее положение в партии и благополучно изолировал основных противников. Для дальнейших действий генсеку нужны были теперь не только послушные и преданные сторонники, но, главным образом, люди, способные твердо и неукоснительно проводить его политику. Эйхе оказался вполне подходящим для этой роли.

Не будет преувеличением сказать, что руководитель сибирских коммунистов являлся непосредственным ставленником Сталина, прямым исполнителем его воли. Такое положение ко многому обязывало. С одной стороны, оно давало доверенному лицу генсека огромные, почти диктаторские полномочия и власть над людьми, но с другой стороны — требовало беспрекословного подчинения, безоглядной решимости в исполнении любых указаний вождя.

Эйхе шел за Сталиным до конца. Занимая высшую ступеньку партийно-государственной власти в Сибири, он проявлял исключительную настойчивость и даже самоотверженность в «борьбе за большевистские темпы» преобразований, в «преодолении кулацкой опасности», в «выкорчевывании примиренчества и оппортунизма», в «выявлении враждебных и вредительских элементов». Как и многие другие революционеры его поколения, он без видимых колебаний сумел переступить ту грань, которая в политике всегда отделяет решительность от жестокости, твердость — от произвола и беззакония, а непримиримое отношение к идейным противникам — от готовности истреблять инакомыслящих.

Иначе говоря, политическая карьера Р. И. Эйхе красноречиво подтверждает ту истину, что Сталину удалось вовлечь в свои кровавые эксперименты немало представителей старой большевистской гвардии и связать их общей ответственностью за страшные последствия своей политики.

Жесткая линия руководства Эйхе в Сибири стала отчетливо проявляться в конце 1929 г., с развязывания в крае массовой кампании насильственной коллективизации. Это было время перехода к совершенно новому политическому курсу, к которому страна и сама партия во многом оказались неподготовленными.

В политику решительного «наступления на кулака», в разжигание «кулацкой угрозы» втягивалось все больше и

больше партийных организаций Сибири, включая наиболее отдаленные ее регионы. Противодействие этому процессу подавлялось самым беспощадным образом, а отсутствие усердия вело к резкому осуждению. В ноябре 1929 г. уже по всему краю в ходу были лозунги: «Тот не коммунист, кто не видит кулацкой опасности, не распознает лицо классового врага». Распространялись требования «немедленного изъятия у кулаков всего товарного хлеба». Газеты стали наводняться материалами о бесчисленных «ошибках» местных партийных организаций и отдельных коммунистов в «вопросах хлебозаготовок». Устраивался суровый разнос, а затем исключались из партии те деревенские ячейки, которые «не видели расслоения в деревне», «потеряли классовую линию и чутье».

Без сомнения, Эйхе выступал одним из главных вдохновителей произвола в отношении сибирского крестьянства. В январе 1930 года на собрании новосибирского актива он призывал «сейчас же, одновременно с ликвидацией, с отобранием средств производства у кулаков», часть из них «выслать в далекие районы севера,в концентрационные лагеря», а другую часть — «использовать на работе в трудовых колониях». Если же какие-то партийные организации будут проявлять неумение или нежелание найти кулака,— указывал Эйхе,— то «виновникам этих правооппортунистических извращений не должно быть никакой пощады».

Бурная инициатива секретаря Сибкрайкома проявлялась и в другой области — при обобществлении собственности крестьян и создании коллективных хозяйств. Так же, как и в «борьбе с кулачеством», здесь уже с первых шагов были допущены серьезнейшие перегибы. По указанию крайкома местные организации стали усиленно насаждать коммуны в деревне, и в результате многие крестьяне лишились возможности вести собственное хозяйство. Весь их инвентарь оказался обобществленным. Нередки были случаи, когда принудительно обобществлялось и личное имущество сельских жителей.

Волна подобных «преувеличений» приняла такие масштабы, что даже прибывший в Сибирь представитель ЦК ВКП(б) А. И. Микоян вынужден был признать: «Насчет коммун — в Сибири много ошибок. В Московской области тоже много ошибок по части обобществления гусей, кур и проч., но такого обобществления, как в Сибири, не было. ...Сибирь побила все рекорды».

Поворот в политике партии и государства очень болезненно отразился на деятельности местных партийных ко-

митетов и ячеек. Многие рядовые коммунисты были деморализованы. Недовольство распространилось и среди части руководителей. К лету 1930 г. настроения протеста против применяемых методов коллективизации ощущались уже повсеместно. Вскоре они захватили также главный партийный центр Сибири — крайком ВКП(б). В стенах этого учреждения обстановка заметно изменилась. В отношениях между членами крайкома появились признаки принципиальных расхождений в оценке нового политического курса. Стал назревать острый конфликт между теми, кто надеялся приостановить разгул насилия и развал экономики деревни, и теми, кто готов был наращивать темпы преобразований, не считаясь ни с какими потерями. В конечном счете разногласия в партийном центре привели к тому, что часть членов бюро крайкома объединилась в самостоятельную группу и попыталась отстранить от руководства главного сторонника жесткой политической линии — Р. И. Эйхе.

Это был своеобразный заговор против Эйхе,отчаянный протест восьми членов Сибкрайкома против своего секретаря и его методов руководства. Группу заговорщиков составили: 2-й секретарь краевого комитета ВКП(б) В. Н. Кузнецов, председатель крайисполкома И. Е. Клименко, его заместитель — Н. С. Базовский, руководители отделов крайкома В. Ю. Егер и Н. П. Крылов, председатель правления Сибуголь Я. К. Абрамов, а также руководитель Сибирской контрольной комиссии Ф. Ф. Ляксуткин и председатель краевого совета профсоюзов Г. В. Баранкин.

Конфликт в крайкоме партии назревал постепенно. Его первые симптомы стали выявляться в начале 1929 г. в ходе дискуссии на IV Сибирской партконференции. Уже здесь можно было обнаружить, насколько глубоко расходится Эйхе со своими будущими оппонентами в понимании целей и методов социалистического строительства в крае. На этой конференции Эйхе выступил с резкой критикой В. Ю. Егера (в то время — секретаря Красноярского окружкома партии) за то, что тот осудил введение в Сибири принудительного хлебного займа и чрезвычайных мер в отношении середняков. По заявлению Эйхе указанные меры следовало безусловно одобрить и добиваться их продолжения.

Большие сомнения в правильности принудительных мер выразил и Я. К. Абрамов (Сибуголь). Он привел один из документов XV съезда ВКП(б), в котором критиковалась идея троцкистско-зиновьевского блока о принудительном изъятии хлеба у крестьян. Этим самым Абрамов указал на

значительное сходство сталинской политики с предложениями троцкистов.

На следующей партконференции, в июне 1930 г., участники будущей оппозиционной группы, пользуясь присутствием Микояна, попытались высказать свои претензии и в адрес руководства страны. Их высказывания отражали настроения тех партийных работников, которые принимали самое активное участие в массовых кампаниях в деревне. После бешеных темпов хлебозаготовок и применения насильственных мер такие работники ощущали большое физическое и моральное перенапряжение и теперь рассчитывали на некоторую передышку. Так, обращаясь к Микояну, зам. председателя крайисполкома Базовский говорил: «На Сибири лежала вся тяжесть хлебозаготовок. Мы вывозили всю страну. ...но в этом году мы говорим, если будет какая-нибудь возможность (тов. Микоян это должен учесть), нужно Сибири, западным округам, дать возможность отдохнуть». И далее Базовский откровенно отметил, что в крае сложилась весьма напряженная ситуация. Он сказал: «При других условиях мы имели бы колоссальные волнения, волынки, забастовки и т. д., а сейчас мы кормим отвратительно своих рабочих, это для всех ясно,но рабочий понимает, что эти трудности связаны с реконструктивным периодом...»

Секретарь крайкома В. Н. Кузнецов тоже обратил внимание на серьезные недостатки в политике. Он подчеркнул, что безоглядное ускорение темпов в стране и регионе ведет к прямой бесхозяйственности, ломке рациональной структуры экономики Сибири, а в некоторых случаях — к утрате элементарной хозяйственной выгоды. Особенно нетерпимое положение, отмечал Кузнецов, сложилось в сибирском маслоделии, традиционной отрасли хозяйства края. Еще недавно, говорил он, Сибирь давала 80 процентов экспорта масла СССР, а один Барабинский округ — 33 процента. Теперь же страна неоправданно вынуждена терять очень важный источник дохода. «Почему,— спрашивал Кузнецов,— сибирские молочно-животноводческие районы не имеют права требовать обеспечения этих районов хлебом и промтоварами? Почему мы обеспечиваем льняные районы, хлопковые районы промтоварами и хлебом?» И далее продолжал: «...масляные районы не поддерживаем хлебом, эти масляные районы, например, в Барабинском округе, вынуждены свое основное животноводческое хозяйство переделывать на зерновое хозяйство, вокруг болот сеять пшеницу для того, чтобы кормиться».

Подобной озабоченности, однако, не разделял главный руководитель Сибири — Р. И. Эйхе. Политические интересы первого секретаря лежали совершенно в другой сфере. Не собственные проблемы края беспокоили его, а лишь те, которые определялись в центре и вытекали из замыслов вождя. Для Эйхе превыше всего была забота о проведении в жизнь указаний «сверху», неукоснительное исполнение любой ценой распоряжений генсека. Не разочаровывать «верхи», «оправдать доверие» — вот что составляло основу его политического мышления. В определенном смысле он являлся «винтиком» в сложившейся партийно-аппаратной системе, которая основывалась на жестком подчинении нижестоящих органов вышестоящим и подавляла всякую самостоятельность.

«Для того, чтобы все были довольны,— говорил Эйхе,— пришлось бы, как некоторые думают, «помягче обходиться с народом». Но тогда краевым комитетом будет недовольна партия [читай: Сталин.— С. П.]... Поэтому и приходится не считаться с этим недовольством, а требовать от каждого партийца выполнения порученной ему работы». «Перед партией руки по швам,— таково требование ленинской партии».

Весьма характерным для Эйхе было и его выступление на XVI съезде ВКП(б). Он увлеченно говорил о «многих и многих достижениях», о невиданных планах наращивания промышленного производства в Сибири. Он,в частности, обещал, что уже в 1932/33 хозяйственном году Кузбасс сможет давать угля «в пять раз больше, чем та программа, которая была утверждена для него на все пятилетие».

Говорил он и о состоянии сельского хозяйства в крае. Отметив значительное ухудшение дел в этой отрасли, Эйхе списал все причины такого положения на неурожай предыдущего года. Он также сказал, что многочисленные уполномоченные, которых направляли в деревню, «принесли большую пользу». В чем выразилась эта «польза», Эйхе не стал разъяснять, но тем не менее уверенно заявил, что правильность генеральной линии «доказана всей практикой нашей работы».

Главные события, связанные с конфликтом в крайкоме, стали разворачиваться в июле 1930 г., после XVI съезда ВКП(б). Возвратившись из Москвы со съезда партии, участники группы начали действовать как профессиональные конспираторы. Скрытно велись переговоры, определялся основной круг единомышленников. По инициативе Клименко и Кузнецова было составлено заявление в ЦК

ВКП(б), которое кроме Кузнецова подписали Баранкин, Базовский, Егер и Абрамов.

В заявлении указывалось, что из-за тех методов работы, которых придерживался Эйхе, в крайкоме и его бюро создалось нетерпимое положение, что деятельность партийных органов в связи с этим осложнилась и поэтому выходом из такой ситуации должно стать смещение Эйхе с поста первого секретаря.

Обоснование главного требования — отставки Эйхе — представляло для авторов документа наиболее сложную задачу. Проблема заключалась в том, чтобы найти такие аргументы, которые были бы достаточно весомы и убедительны и в то же время не позволяли бы усомниться в приверженности генеральной линии партии самих заявителей. Исходя из этого, обвинения в адрес Эйхе свелись в основном к его личным качествам. Первому секретарю ставилось в упрек, что он не сумел сплотить партийный актив, злоупотребляет административными мерами, подменяет советский аппарат и, кроме того, в деятельность крайкома перенес методы работы государственных органов. Еще одним аргументом против Эйхе было указание на низкий уровень его теоретической подготовки.

В этом же документе называлось и имя нового возможного секретаря крайкома. Им, по мнению заявителей, мог стать И. Е. Клименко, недавний зам. наркома земледелия СССР, а в настоящий момент — председатель Сибкрайисполкома. Авторы документа подчеркивали, что «это выдвижение было хорошо принято всеми организациями, прежде всего нами».

Упоминание о «всех организациях» — весьма примечательное место в заявлении. Оно ясно указывало, что инициаторы протеста против Эйхе заранее готовили почву для замены секретаря и имели определенную поддержку в низовых партийных комитетах. Действительно, как выяснилось позднее, в намерения группы был посвящен целый ряд руководящих работников. В их числе оказались: секретарь Омского окружкома А. К. Алексеев, председатель Сибплана Я. К. Яглом и некоторые другие. Забегая вперед, отметим, что этим людям не удалось избежать расплаты за свою осведомленность. Им, как и основным заговорщикам, пришлось держать ответ по всей строгости.

После того, как заявление было подготовлено, началась самая ответственная часть реализации заговора. Теперь его судьбу предстояло решить в Центральном Комитете. Доставить письмо в ЦК и соответствующим образом припод-

нести его главным лицам группа поручила Егеру. Ему же было дано задание провести и еще одну предварительную операцию: по пути в Москву заехать в Крым, где в это время на отдыхе находилась часть членов бюро крайкома, и попытаться получить от них подписи под общим заявлением.

С этой задачей Егер справился вполне успешно. 6 августа, вечером он прибыл в санаторий и до двух часов ночи провел переговоры с Крыловым. Затем к ним присоединился Ляксуткин. Егер сумел убедить своих собеседников в том, что за отстранение Эйхе выступает фактически все бюро крайкома, включая и тех людей, подписей которых не было в заявлении. Он сказал также, что идею группы поддерживает и ряд секретарей окружкомов. В довершение ко всему Егер показал письмо Клименко к Сталину, в котором содержались примерно те же положения, что и в заявлении основной группы. Все это выглядело довольно внушительно, и поэтому после некоторых колебаний Ляксуткин и Крылов поставили свои подписи. В ходе последующего разбирательства Ляксуткин — председатель Сибирской контрольной комиссии — говорил: «Мне казалось, что наиболее безболезненным выходом из положения, когда целое бюро не может работать с одним человеком, в данном случае с т. Эйхе, является уход т. Эйхе, и я дал свою подпись».

С действиями Егера связан еще один важный эпизод заговора. Прибыв в Москву, сибирский посланец не сразу направился в высшие инстанции. Прежде чем попасть в ЦК, он встретился с председателем Совнаркома РСФСР С. И. Сырцовым, которого хорошо знал по совместной работе в Сибири. Сырцов в это время уже входил в состав Политбюро ЦК и, очевидно, мог оказать некоторую поддержку своим сибирским друзьям. Поэтому Егер проинформировал и его о готовящемся смещении Эйхе. Лишь после того, как Сырцов выразил свое одобрение этому делу, о заявлении группы стало наконец известно в Центральном Комитете.

В срочном порядке в Москву вызываются Эйхе и все основные заговорщики. В разбирательство дела включатся Сталин, Молотов, Шкирятов.

Развязка приближалась. 20 августа 1930 г. ЦК ВКП(б) выносит окончательное решение, изложенное в постановлении «О беспринципной групповщине в Сибирской парторганизации»*. В этом документе отмечалось, что в верхуш-

* Правда, 22 августа 1930 г.

ке краевого комитета образовалась группа во главе с Клименко и Кузнецовым, «которая повела недопустимую, беспринципную борьбу с руководством крайкома».Все обвинения со стороны группы в отношении Эйхе оценивались как «насквозь фальшивые», а действия группы — как ведущие к «разложению партийной организации». Каждому подписавшему заявление объявлялся выговор за «непартийное поведение», а Клименко, Кузнецов, Базовский и Егер снимались также со своих постов.

Таким образом, с заговором было быстро покончено. Оставалось лишь «извлечь уроки» и показать тем, кто противился новому политическому курсу, какой их ждет конец.

По всей Сибири развернулась массовая кампания «осуждения» «беспринципной групповщины». Как обычно, в ход были пущены методы демагогии и навешивания ярлыков. Участников группы, вчера еще считавшихся верными большевиками, теперь обвиняли в «отрыве от масс», «подрыве авторитета всей Сибирской партийной организации», «нарушении единства партии». В печати и материалах, распространяемых крайкомом, выступление группы называлось «обывательским протестом против твердого большевистского руководства крайкома», «бунтом мещанской бесхребетности». Партийные ячейки выносили суровые «резолюции возмущения» и требовали исключить из партии всех «групповщиков».

Последовали также и «организационные выводы». Сентябрьский пленум крайкома, заседавший в течение нескольких дней, вывел из своего состава протестовавших против Эйхе. А вслед за этим был смещен с занимаемых постов ряд работников из окружкома и других организаций.

Такие перестановки, однако, явились лишь началом широкой волны кадровых перетрясок в Сибирской парторганизации. Уже через два месяца после осуждения «беспринципной групповщины» выявились вдруг новые фракционные группы,— теперь уже в центре, с участием работников Москвы и центрального аппарата партии и государства. Сначала — группа Рютина, а затем — «право-«левацкий» блок» Сырцова — Ломинадзе. «Разоблачение» этих «оппортунистов» имело далеко идущие последствия. Оно обнаружило, что в их среде имелось немало бывших работников Сибири, сохраняющих связи со своими прежними коллегами и старыми друзьями. Это обстоятельство

явилось причиной для проведения очередной кампании разбирательств.

Во всех партийных организациях Сибири вновь развернулась идеологическая атака на «оппортунизм всех мастей», которую сопровождали также поиски «сибирских корней» фракционной деятельности. Теперь уже и «беспринципная групповщина» представлялась в несколько ином виде. «В свете последних фактов антипартийных фракционных вылазок оппортунистов-двурушников,— говорилось в одном из официальных документов,— антипартийное выступление беспринципной группы Клименко и Кузнецова, которое имело место в Западно-Сибирской партийной организации, является одной из первых разведывательных антипартийных вылазок, рассчитанных на то, чтобы ...дезорганизовать ряды парторганизации, поколебать их единство». На основании подобных заявлений выдвигались требования «усилить бдительность» и «давать решительный отпор агентам классового врага».

В конце 1930 г. и в 1931 г. Сибирская партийная организация пережила процесс усиленного перетряхивания своего кадрового состава. Из рядов ВКП(б) исключили многих из тех, кто ранее был близок к участникам выявленных группировок, кто оказался заподозренным в «примиренческом» к ним отношении.

В ходе обновления парторганизации на место выбывших «двурушников» и «примиренцев» приходили новые кадры. Теперь уже им предстояло включиться в очередной виток сталинской политики, а затем, выполнив свою задачу, пополнить собой бесчисленные ряды «врагов народа».

ПРИМЕЧАНИЯ

На основании имеющихся доступных источников пока, к сожалению, невозможно узнать о том, как сложилась дальнейшая судьба участников так называемой «беспринципной групповщины». Поэтому приводим лишь некоторые сведения о них.

Абрамов Я. К.— 1895 г. р., в ВКП(б) с 1919 г., горный техник, председатель правления «Сибуголь», а затем «Кизелуголь» на Урале. Делегат XVI и XVII съездов партии.

Базовский Н. С.— член ВКП(б) с 1919 г., рабочий. В 1929—1930 гг.— зам. председателя Сибкрайисполкома. Делегат XV съезда ВКП(б).

Баранкин Г. В.— член партии большевиков с 1918 г., чернорабочий. В период Октябрьской революции — матрос Балтийского флота, участвовал в штурме Зимнего дворца. В Сибирь прибыл в 1925 г. по партмобилизации. Работал секретарем Вокзального райкома ВКП(б) в Новосибирске, секретарем Анжеро-Судженского РК ВКП(б), а затем — председателем краевого комитета горнорабочих. В 1929—1930 гг.— председатель Сибирского краевого совета профсоюзов.

Егер В. Ю.— 1895 г. р., член ВКП(б) с сентября 1917 г., служащий. Был партийным работником в Смоленской губернии и Красноярском ок-

руге, зав. культпропотделом Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XIII, XV и XVI съездов партии.

Клименко И. Е.— (1891 — 1949), член ВКП(б) с 1912 г., чернорабочий. Участник революционного движения на Украине, подвергался арестам и ссылке в Нарымский край. Был председателем Одесского губисполкома, Киевского губревкома, наркомом земледелия Украины. В 1924 — 1927 гг.— секретарь ЦК КП(б) У. В 1928 — 1929 гг.— зам. наркома земледелия РСФСР, а затем — зам. наркома земледелия СССР. В 1930 г.— председатель Сибкрайисполкома. Делегат XI, XIII—XVII съездов партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б) с XIV по XVII съезд.

Крылов Н. П.— член ВКП(б) с мая 1917 г., рабочий-пищевик. В 1930 г.— партработник, зав. отделом кадров Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XV и XVII съездов партии.

Кузнецов В. Н.— 1896 г. р., член ВКП(б) с июня 1917 г., чернорабочий. Партийный работник в Тверской губернии и в Сибири, 2-й секретарь Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XIII—XVI съездов партии.

Ляксуткин Ф. Ф.— рабочий, член ВКП(б) с 1913 г., член ЦКК с XV по XVII съезд. Председатель Сибирской контрольной комиссии — рабоче-крестьянской инспекции. Делегат XIII—XVII съездов партии.

И. САМАХОВА

ЛАГЕРНАЯ ПЫЛЬ

Искитим... Заводские дымы да сельские ярмарки — вот, пожалуй, и все, чем славится ныне рабочий городок под Новосибирском. А не так уж давно, в годы процветания «архипелага ГУЛАГ», слово Искитим наводило ужас на узников лагерей от Печоры до Колымы. На окраине города в поселке Ложок располагался штрафной лагерь «Сибулон», или ОЛП-4 Сиблага. Местный житель В. А. Маркеев свидетельствует, что в 1940 году, дожидаясь своей участи в «пересылке» Магадана, он не раз слышал в разговорах заключенных: только бы не в Искитим!

ОЛП означало — отдельный лагерный пункт. Особенность этого лагпункта состояла в том, что это был, по сути, лагерь уничтожения. Заключенные работали здесь в известковых карьерах. Едкая пыль, оседавшая в легких, быстро превращала их в кровавые лохмотья. Тех, кто уже не мог махать кайлом, подстерегала голодная смерть — не вышедшим на работу паек не полагался. М. П. Княжева, служившая во время войны в охране лагеря, вспоминает, что доходяги, еще способные двигаться, сползались к столовой и лизали пропитанный помоями снег. Безнадежность существования разрушала в зеках все человеческое. По свидетельству бывшего заключенного И. А. Бухреева, Искитимский лагерь отличался особой жестокостью нравов. «Я видел, как озлобленные люди зверски издевались над слабыми, калечили сами себя и других»,— рассказывает он.

Не имея доступа к документам, невозможно сказать, сколько всего людей перемолола в «лагерную пыль» искитимская каторга. Кто были эти люди? Кое-кому выгодно сейчас поддерживать миф о том, что в штрафном лагере содержались только особо опасные уголовники. Но эту версию опровергают даже многие служащие лагеря, не говоря уж о бывших заключенных. Тот же И. А. Бухреев и его товарищ по несчастью И. В. Щелковский, проживающие и сейчас в Искитиме, были осуждены по политической 58-й

Остатки каменной стены барака штрафного лагеря «Сибулон», или ОЛП-4 (пос. Ложок на окраине Искитима, Новосиб. обл.)

статье, оба — за неосторожные высказывания о полководческих способностях Сталина. П. М. Моргунова, работавшая в предвоенные годы секретарем Ложковского сельсовета, сообщила, что в перепись 1939 года из лагеря тоже подавались списки, и среди них один особый — без фамилий, а лишь с номерами заключенных. Чьи фамилии побоялись обнародовать палачи из НКВД?

В 1955 году лагерь был ликвидирован, но большинство из уцелевших заключенных не разъехались, а были оставлены в Искитиме на поселение. Они жили в невообразимых условиях. Л. П. Милютина, приехавшая в Искитим в 1963 году, как-то раз забрела на городскую окраину, в поселок Шипуново. Ее внимание привлек глинистый склон оврага, изрытый странными норами, к которым вели тропки и ступени. Как оказалось, там жили бывшие зеки, многие уже с семьями. Потрясенная увиденным, Людмила Петровна стала потихоньку собирать информацию об искитимских лагерях. Она не скрывает, что имела личные мотивы для такой деятельности: всю сознательную жизнь она пытается отыскать следы отца, витебского художника П. П. Яблокова, репрессированного в 1937 году. «Мама рассказывала, что в ночь ареста отца и я, новорожденная, была удостоена обыска — вытряхнута из пеленок»,— вспоминает Людмила Петровна.

Естественно, что сразу после создания общества «Мемориал» Л. П. Милютина возглавила его искитимское отделение. Ее поддержали общественность и руководство города. Вместе с добровольными помощниками дом за домом обходит она дворы фантасмагорического города, где зачастую в соседях живут бывшие заключенные и надзиратели сталинских лагерей.

С Людмилой Петровной мы поехали по одному из адресов в поселок Ложок, где живет одинокий старик, бывший агроном подсобного хозяйства ОЛП-4 В. М. Бутченко.

По специфике своей работы агроном Бутченко, сам из бывших заключенных, имел дело, в основном, с женским отделением лагеря. В большинстве своем это были жены «врагов народа»... На утреннем разводе женщины хором умоляли агронома именно их взять на прополку. Труд считался легким, но и из огородной бригады в 30 человек трое-четверо ежедневно умирали прямо в поле...

Погибших увозили не дальше окрестных оврагов. Искитимец Соколов прислал в городскую газету письмо, где описывает случай времен войны: он, мальчишка, пас по

селковых коров и однажды в одном месте животные внезапно взбесились — заревели, стали бить копытами землю. К ужасу мальчика, под ногами коров оказались едва присыпанные землей трупы...

Сейчас склоны оврагов вокруг бывшего лагеря заняты участками садоводческих кооперативов. Старые карьеры затоплены, а рядом с ними торчат, как гнилые зубы, остатки чудовищных каменных стен бараков. Беспечные современные юнцы расписали их своими автографами, но кое-где проступают и старые надписи — что-то о трудовой доблести, плане... Стоит немного напрячь воображение и увидишь прежнюю картину, описанную в городской газете И. А. Бухреевым: «Лагерь состоял из нескольких зон, обнесенных высоким дощатым забором, с внешними и внутренними запретными зонами, обтянутыми колючей проволокой. Летом эти зоны постоянно боронили, не давая зарастать травой. На сторожевых вышках стояли вооруженные охранники...»

Л. П. Милютина уже не раз привозила на это место активистов «Мемориала», школьников. Впечатления от такой экскурсии самые тягостные. Это ведь особый памятник — не героям, не жертвам лютых захватчиков, а великому национальному позору. Можно понять тех людей, которые отторгают от себя тему репрессий. Но историю нельзя отменить и переделать. Ее нужно знать и делать правильные выводы. Один из них таков: никто не должен пытаться отстаивать свою правду при помощи насилия над несогласными. Дай мы волю страстям, и... кто знает, не покатят ли опять тачки с камнями сегодняшние кооператоры, «неформалы» или люди с желтыми звездами, нашитыми на одежду?

Ложь и подлость не могут торжествовать бесконечно. Лучшим подтверждением этому может служить эпизод из деятельности искитимского отделения общества «Мемориал». Л. П. Милютина организовала в городе неделю памяти жертв репрессий. В один из дней бывшие заключенные собрались в помещении историко-краеведческого музея — вспоминали, плакали, пели. Вдруг к Людмиле Петровне подошла безмерно взволнованная пожилая женщина — А. И. Клепикова. На стенде в музее она увидела фотографию давней знакомой с подписью «Активный борец за Советскую власть в нашем крае». Эта «активистка» погубила своими доносами всю большую семью А. И. Клепиковой, которая сама лишь чудом уцелела в лагерях на Колыме.

Жертвами стали и многие другие жители Искитима — простые, честные, трудолюбивые люди. По решению горкома партии фотографию доносчицы из музея убрали. Решено один из залов музея предоставить обществу «Мемориал» для постоянной экспозиции. Те, кто был безвинно растоптан и «превращен в лагерную пыль», должны вернуться к людям.

А. БРАТ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

В Новосибирске живет Екатерина Борисовна Тарасова, дочь Ольги Петровны Красильниковой-Тарасовой и Бориса Фавстовича Тарасова, которые были активными членами эсеровской партии. На долю этой семьи выпал путь, полный страданий и унижений. История Тарасовых типична для многих семей членов эсеровской партии. Мало кто из них избежал такой же участи.

Переломным в судьбе эсеров стал 1922 год. С 8 июня по 7 августа проходил процесс над 32 активными членами эсеровской партии, материалы которого тогда широко публиковались в газетах. Одновременно с процессом началась повсеместная антиэсеровская кампания, сопровождавшаяся операциями по извлечению бывших членов эсеровской партии из учреждений, предприятий, общественных организаций. Согласно директиве ЦК РКП(б), все активные эсеры, на которых имелись какие-либо материалы, передавались революционному трибуналу, другие готовились к ссылке, остальных следовало ни в коем случае не допускать на ответственные должности в советских учреждениях и на транспорте.

Эти события непосредственно коснулись и семьи Тарасовых. Первым был арестован и отправлен на Соловки Борис Фавстович. «Папа был человек образованный,— рассказывает Екатерина Борисовна.— Закончил Московский университет, три года работал следователем в Красноярске, затем перешел в адвокатуру, а впоследствии работал юрисконсультом, имел частную практику. Бывал за границей, жил в Москве, вращался среди революционно настроенных людей, познакомился с эсерами. Этой партии нужен был сугубо легальный человек, чтобы открыть типографию под его именем. Папа согласился. Затем он являлся секретарем эсеровской фракции в Государственной думе. После февральской революции был выбран в земство. События после Октября 17-го перевернули всю жизнь. Папа вынужден был скрываться. Но вдруг приходит извещение, что во Владивосток пришло из Америки сельхозоборудование, за-

казанное земством. А земство-то уже расформировано. Власти вспомнили о папе, он был членом управы. Что делать? Мама решается, едет к папе и все рассказывает. Он посчитал своим долгом откликнуться. Поехал во Владивосток и получил необходимые стране сельхозмашины.

В начале 20-х годов мы переехали в Читу. Как известно, там была образована Дальневосточная Республика (ДВР). В коалиционное правительство вошли представители различных партий, в том числе большевики и эсеры. Папа получил пост министра земледелия. Организовалось Дальбюро союза молодежи, туда входили,— я помню,— Исай Пульман, Жоржик Дольский (племянник Ильи Эренбурга). Мы проводили диспуты с комсомольцами. Все решилось как-то внезапно. После того, как Дальневосточная Республика прекратила свое существование, многих эсеров арестовали. На квартиру, где мы остались с мамой, пришли с обыском сотрудники ГПУ. Потом в помещении ГПУ мы получили свидание с папой. Провожали его и других арестованных эсеров на вокзал. Провожающих было много, охрана расталкивала всех прикладами. Через некоторое время пришло извещение, что папа отправлен на Соловки».

Об этом периоде пишет А. И. Солженицын: «В том состояла и первая соловецкая идея: что вот хорошее место, откуда полгода нет связи с внешним миром. Отсюда не докричишься, здесь можешь хоть и сжигаться... начальник соловецкого лагеря Эйхманс объявил: да, получена новая инструкция о режиме... с 20 декабря 1920 года запрещается круглосуточный выход из корпусов, а только в дневное время до шести вечера.

Фракции решают протестовать, из эсеров и анархистов призываются добровольцы: в первый же запретный день выйти гулять именно с шести вечера. Но у начальника Савватьевского скита Ногтева так чешутся ладони на ружейное ложе, что еще прежде назначенных шести вечера... конвоиры с винтовками входят в зону и открывают огонь по законно гуляющим. Три залпа. Шесть убитых, трое тяжело раненных». (Новый мир, 1989 г., № 9, стр. 154—155).

Б. Ф. Тарасов был участником этих событий. Из его рассказов Екатерина Борисовна помнит фамилии двух убитых — Жорж Кочаровский и Лиза Чайкина. Бориса Фавстовича после этого отправляют в Верхнеуральский политизолятор, затем в ссылку в Катта-Курган и далее в Самарканд.

О. П. Красильникова-Тарасова с дочкой Катей. (Севастополь, 1906 г).

Постепенно дошла очередь и до дочери Тарасовых. Екатерина Борисовна вспоминает: «Пришли на квартиру с обыском, нашли листовку, которую мы начали писать с подружкой, против спаивания народа — в Красноярске выпустили 40-градусную водку. Нас арестовали и отправили в ссылку. Закончилась ссылка папы, и он едет в Москву. Там его снова арестовывают и ссылают в Нарым, после Нарыма отправляют в Томск. В 1931 году без предъявления каких-либо обвинений снова арестовывают маму и отправляют в ссылку в Курск. Через год освобождают. Она едет в Москву, останавливается на квартире у своих друзей, старых политкаторжанок. Всех арестовывают и ссылают в Томск. Папа к этому времени возвращается из очередной ссылки в Самарканд. Дождались возвращения из ссылки мамы. Она приезжает утром, а вечером арестовывают папу и ссылают в Алма-Ату».

Арест следует за арестом, ссылка за ссылкой. Жизнь превратилась в сплошное ожидание ареста... И если столь тщательное наблюдение велось за одной семьей, за каждым человеком, если умудрялись фиксировать возвращение матери утром и планировать арест отца вечером, то каков же по численности был в то время штат работников ОГПУ — НКВД? Вероятно, немалый, даже в небольшом городишке он превышал весь штат сыскных III отделения царской охранки. В 30-х годах счет заключенных в лагерях шел не на тысячи, как прежде, и даже не на десятки и не на сотни тысяч — на миллионы. И каждого нужно было арестовать, провести следствие, осудить, этапировать, содержать и т. п.— для этого требовалась огромная армия «работников». Но первоначальным документом, как правило, становился донос. Сталинские «законники» придерживались правил бумажной волокиты. Сколько же было тогда доносчиков? Выходит, сталинская эпоха плодила их тоже бессчетно? Какой страшный раскол произошел в стране, и до какой невероятной степени дошло отчуждение людей!

Был свой доносчик и у Е. Б. Тарасовой — Цейтлин Майер Григорьевич. Они давно знали друг друга, общались, а вот понадобилось или потребовали соответствующие органы — и донос написан.

«Одновременно с арестами бывших участников внутрипартийных оппозиций органы НКВД провели в 1935—1937 годах массовые аресты еще сохранившихся в живых членов других партий... Многие и в середине 30-х работали в небольших городах на положении ссыльных. Поддерживая между собой дружеские связи и переписку, они не вели, однако, никакой политической, а тем более антисоветской деятельности... Были арестованы видные руководители партии левых эсеров М. А. Спиридонова, Б. Камков, И. А. Майоров, А. А. Измаилович, И. К. Каховская, один из руководителей правых эсеров А. Гоц, эсер Г. Гогуа и другие». (Знамя, 1989, № 2, стр. 211).

Одним из таких небольших городов, о которых пишет Р. Медведев, был Самарканд. Екатерина Борисовна называет фамилии и других эсеров, проживавших здесь на положении «минусников», т. е. людей, которым запрещалось жить в столице и других крупных городах страны — это Е. М. Рытныш, бывший член ЦК эсеров, экономист госплана, Н. Н. Иванов, ученый секретарь Наркомзема. Встречалась Е. Б. Тарасова и с М. А. Спиридоновой, которую расстреляли в 1941 году.

В 1937 году семья Тарасовых наконец-то оказалась на короткое время вместе. Однако 19 августа НКВД в очередной раз арестовывает мать и дочь. Как обычно, сделали обыск, отобрали письма, фотографии, даже облигации. Екатерина Борисовна в тюрьме попросит следователя, которого она называет «порядочным», вернуть облигации ее тетке. Однако следователь «честно» сознается, что облигаций нет. Сошлется на то, что их присвоили те, кто производил арест. Кто его знает, может, и сам прикарманил. Тут другое всплывает: «законники»-то не брезговали, пользовались случаем, наживались на чьей-то беде. Бориса Фавстовича арестовывают два месяца спустя, он оставляет открытку: «Меня вызвали с вещами в НКВД». Больше ничего, никогда о его судьбе узнать не удастся. Правда, стандартный бланк «10 лет без права переписки» приходил, что означало тогда одно — смерть.

Итак, арест есть, обвинений не предъявлено. Екатерине Борисовне удается добиться встречи со следователем. Тот сразу разъясняет: «На этот раз ссылкой не отделаетесь, залепят лет 10 лагерей». Екатерина Борисовна не выдерживает: «Да за что же нас арестовывают и арестовывают?!» Следователь соглашается: «Вины за вами нет.— И поясняет: — А может, вы на примусах бомбы варили? Вот мы вас и изолируем на случай организованного вами бунта».

Из Самарканда арестованных отправляют в Ташкентскую пересылку — большая территория с бараками, огороженная колючей проволокой. Набирается 1000 человек, готовится этап. Из Ташкента по железной дороге везут на север в Архангельскую область до станции Нандян. Воистину, пути судьбы неисповедимы: 30 с небольшим лет назад О. П. Красильникова-Тарасова в Архангельской губернии отбывает свою первую ссылку, мечтая о светлом будущем, затем бежит за границу, посвящает свои лучшие годы революционной борьбе и вот теперь, в возрасте 55 лет, уже вместе с дочерью торит тот же путь в северные лагеря. Да, монархия низвергнута, другая власть, иные порядки, иные условия содержания арестованных. Именно арестованных, а не осужденных, потому что никому из этапированных не предъявлено обвинение, не было суда и приговора. «Нас высадили из поезда,— вспоминает Екатерина Борисовна,— и поместили в палатки. А уже зима, кругом лежит снег. Никто ничего не понимает. Мы только и спрашиваем друг друга: «Куда и зачем нас приволокли?» Наконец, кое-что проясняется. Оказывается, и суд был, и приговоры имеются. Возле станции избушка. В один пре-

красный день там собирается администрация, и женщин, одну за другой, начинают туда вызывать. Процедура одинакова. Чиновник спрашивает фамилию, отыскивает ее в своем списке и зачитывает приговор. Меньше восьми лет никто не получил. В отношении нас с мамой следователь оказался прав — нам залепили по десятке.

Из Нандяна затем нас пешим ходом отправляют в Каргополь. Перед этапом то ли инструкцию, то ли приказ зачитывают: за попытку к побегу расстрел на месте, вольнонаемным и охране за пресечение побега или поимку беглеца премия в 150 рублей. Шли три дня. Мама ослабла, упала в сугроб, я бросилась к ней, стала поднимать. Подбежал конвойный, стрелять не стал, но отталкивал меня прикладом. Я рвусь к маме. Наконец, охрана уступила, разрешила подвезти сани, на которые посадили маму. После Каргополя шли еще 100 км. Дошли до какого-то лагеря, окруженного болотами. Мы были здесь первыми женщинами. Своими глазами видела, как после обеда молодой человек ходил вокруг столов и слизывал крошки хлеба и капельки баланды. Чаще других от недоедания и холода умирали узбеки. Вскоре новый этап и пеший переход в 200 км. Затем по железной дороге повезли в Карелию на постройку ветки на Кандалакшу. Вдоль всей дороги стояли лагеря. Условия жизни ужасающие. Это было уже перед войной».

Мать и дочь доведены до крайнего изнеможения. «Нас гоняли за 8 км от лагеря рыть какие-то кюветы. Норма высокая, почва болотистая, снимаешь верхний слой — проступает вода. Норму не выполняли, а потому получали заниженную пайку. Даже передвигаться было тяжело. Я сказала маме, что брошусь под поезд (наша дорога из лагеря на работу и обратно пересекалась железнодорожным путем). Мама сказала, что надо подождать еще хоть недельку, если ничего не изменится, тогда бросимся вместе. Я не согласилась, боялась, что может не хватить к этому времени физических сил. Однако все обошлось, нас перевели в другой лагерь при кирпичном заводе. Там кормили получше. Началась война, нас отправили в Коми, «105-я стройка», потом я попала на очередной этап, меня привезли на постройку дороги на Воркуту. Мужчины делали насыпь, укладывали рельсы, а мы, женщины, пилили тоненькие деревца, очищали их и этими сосенками укрепляли насыпь».

У Екатерины Борисовны разболелась нога, образовался нарыв, она не могла больше ходить и обратилась к вольнонаемной женщине-врачу. Она осмотрела ногу и сказала:

«Вы уж как-нибудь поработайте на одной ноге». Два человека, две женщины, но сколь чудовищно отчуждение между ними. Может быть, это объясняется тем, что зону и волю разделяла колючая проволока? Но не только на воле, а и в лагерях, поделив заключенных на «социально-близких» и «социально-опасных», Сталин сумел стравить людей. Е. Б. Тарасова попадает в лагерь, состоящий исключительно из бытовиков (уголовников, осужденных по бытовым статьям) и проштрафившихся НКВДэшников. Для них она, осужденная по политической статье, конечно же, враг народа.

«Меня поставили работать вместе с уголовницей. Мы выполняли норму, но т. к. лагерное начальство (учетчик и другие) было из бытовиков, уголовнице записывалось 150%, и она получала повышенную пайку, а мне — 50%, и я — пониженную: один, два раза в день болтушку и 400—500 г хлеба. Хотя работа была не очень тяжелой, я начала быстро худеть. Потом нас послали солить капусту для армии в огромных котлах. К ним подставлялись лестницы, мы туда залезали и топтали капусту ногами в резиновых сапогах. Соответственно капустой можно было и подкормиться. Я и не подозревала, что уже больна пеллагрой. Первая ее стадия — это когда на руках появляются струпья наподобие рыбьей чешуи. Слабость валила с ног,— вспоминает Екатерина Борисовна.— Меня положили в медпункт и продержали там два дня. Потом отправили в близлежащую больничку, которая предназначалась для венерических больных. Там я пролежала больше месяца: врач ни разу не подходил, белье никто не менял, никаких лекарств не давали. Есть не хотелось, поэтому свой паек я отдавала девочке-венеричке, испробовавшей в лагере «сладость любви». Она три раза в день обирала с меня вшей. Потом приехала какая-то комиссия. Оказывается, профессор Вороной (тоже зек) изобрел какую-то микстуру от пеллагры и ему понадобились люди. Как я смогла выстоять при осмотре перед комиссией — не знаю, как вообще смогла встать с постели? Мышц на теле фактически не было, вместо них тряпочками висели складки кожи. В общем спас случай. Профессор Вороной переспросил мою фамилию. Оказывается, моя мама (а с ней мы были уже давно разъединены и развезены в разные лагеря) работала в больнице Вороного медсестрой. Он все понял и взял меня к себе. Сестры носили меня в душ на руках, помнится, одна плакала и все приговаривала: «Бедненькая, чем так мучиться, лучше бы умерла». Однако я не умерла, хотя после

относительно хорошего питания и достаточно длительного курса лечения мой вес составлял всего 28 килограммов. К тому же у меня началось воспаление легких. Под этим предлогом профессор Вороной вынес дополнительный диагноз — туберкулез, и меня, как человека, который все равно умрет, актировали. Мама вернулась из заключения позже, полностью отбыв все 10 лет».

Преследование за прошлое прекратилось лишь после смерти Сталина. Только в середине 50-х годов обеим женщинам (Екатерине Борисовне было тогда около 50-ти, а Ольге Петровне уже около 70-ти лет) удалось хоть как-то, мало-мальски по-человечески зажить. Дочь получила на руки документ, подтверждающий ее невиновность.

«ВЕРХОВНЫЙ СУД УзССР

4 января 1956 г.
№ 113

С п р а в к а: дана в том, что уголовное дело по обвинению Тарасовой Екатерины Борисовны, 1906 г. рожд., Верховным судом Узбекской ССР рассмотрено и определением судебной коллегии по уголовным делам от 24.09.55 г. решение тройки НКВД УзССР от 28.10.37 г. отменено и делопроизводство в отношении Тарасовой Е. Б. прекращено за недоказанностью состава преступления. Зам. председателя Верхсуда УзССР Ш. Усманов».

В дневнике Екатерины Борисовны Тарасовой есть своеобразное завещание: «Хочется понять и объяснить,— пишет она,— почему наше время осталось за бортом жизни? Ведь было так много веры в себя и своих друзей. Было столько сил и желания приложить свои руки к общему делу. И ведь таких, как я, было много. Кто виноват в том, что жизнь наша пошла не по тому руслу, и прожили мы, как пустоцветы, не дав радости людям и не чувствуя удовлетворения от прожитой жизни. Мы не щадили себя и отдавали все свои силы, а когда было нужно — и жизни тому, что считали справедливым и верным. Кому же предъявить счет за все наши такие жизни и судьбы?»

В. ИСУПОВ

ТРЕТИЙ ФРОНТ: СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Лето 1941 г. ...Красная Армия, потерявшая в ходе массовых репрессий своих лучших командиров, откатывалась на восток. Первые тысячи пленных, убитых и раненых. Хаос и ужас окружения. Сданные без боя города. Дороги, забитые беженцами. Глухой голос напуганного вождя: «Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг скоро убедится в этом». А пока армады немецких танков рвутся на восток, и кажется, нет силы, способной остановить их.

Сталин лихорадочно ищет причины катастрофы. Неожиданность нападения? Коварство врага? Мощь его отмобилизованной армии? На Германию работает вся поставленная на колени Европа? Все перебрал вождь. Но ни слова о себе, о своей вине за полную неготовность страны к войне. 3 июля, выступая по радио, Сталин использовал свои излюбленные приемы. Откровенная, ничем не прикрытая ложь: «...лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией...»

Но главное — враги внутри государства. Все успехи Сталин всегда связывал со своим именем, неудачи, провалы, ошибки взваливал на плечи врагов, которых услужливые лакеи из НКВД находили очень быстро. Сталин призвал народ и армию к беспощадной борьбе с дезорганизаторами тыла, дезертирами, распространителями слухов, диверсантами, шпионами. Он недвусмысленно давал понять, что потеря бдительности, происки шпионов и вредителей, которыми наполнена страна,— одна из главных причин поражений. «Враг коварен, хитер, опытен,— подчеркивал Сталин,— нужно учитывать все это».

Поиск врагов в тылу страны, истекающей кровью, принял характер массового психоза. Были арестованы тысячи хозяйственных и военных руководителей. Многие расстреляны. Генерал армии Д. Г. Павлов — самый известный из них. Но этого мало — и 16 августа выходит печально известный приказ № 270. Подвергнуты анафеме пленные, на-

висла угроза расправы над их семьями. А Сталин искал и находил все новых и новых вредителей.

Судьба советских немцев была решена задолго до августа 1941 г. В обстановке повальной шпиономании иного исхода быть не могло. Вождю нужен был многочисленный внутренний враг, который взял бы всю вину на себя и тем самым очистил Сталина от позора несбывшегося лозунга «малой кровью и на чужой территории». А самая удобная мишень — советские немцы.

Может быть, таким образом вождь вымещал свою злобу? Может быть, это была его месть Гитлеру за акт о ненападении? Или Сталин видел в этом подтверждение своему «гениальному» выводу об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму. «Пока есть капиталистическое окружение,— говорил он на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.,— будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств. Для того, чтобы провалить выигрыш на фронте... достаточно несколько человек шпионов».

Советские немцы были обречены отвечать за злодеяния своих соплеменников по ту сторону фронта. Вопрос был поставлен по-сталински прямо и четко — не «почему отступаем?», а «кто виноват?!» Не Сталин же виноват и не Политбюро, возглавляемое им. Виноваты шпионы. А если немец — значит, шпион. Немец не может не быть фашистом.

Пропаганда из антифашистской быстро превращалась в антинемецкую с националистическим акцентом. Все реже в речах Сталина встречаются слова «фашист», «фашистская Германия», все чаще: «немецкая армия», «немецкое командование», «немецкие оккупанты», «немецкие захватчики», «немцы рассчитывали», «немцы кичатся», «немецкое командование вырабатывает», «уверения немцев».

Сталин, по-видимому, считал, что репрессии против советских немцев носят превентивный характер. Если в данный момент немцы сохраняют лояльность по отношению к СССР, то в ближайшем будущем обязательно предадут. Пусть же ответят за свои будущие преступления. Такие «превентивные» наказания вообще были любимым приемом вождя и его детища — НКВД.

Именно так, превентивно, были арестованы, расстреляны, сосланы в ссылку миллионы людей.

И все же есть самая главная, самая тайная причина депортации немцев. И причина эта — страх. Сталин был так

напуган, что летом и осенью 1941 г. был почти уверен — дойдут фашисты до Волги. Не мог же он допустить объединения. Этим, кстати, объясняются и массовые расстрелы заключенных в октябре 1941 г.

Свидетельство очевидца. В начале августа 1941 г. в районы проживания немцев Поволжья была десантирована группа офицеров НКВД, владеющих немецким языком. Все они были переодеты в форму вермахта. Местные немцы встречали их якобы радостно, как освободителей. Предоставляли кров и пищу. Больным оказывали необходимую помощь. Выдавали все военные объекты и секреты. (Оказалось, колхозники знают все военные секреты.) Предлагали проводить диверсии — взрывать мосты через Волгу, портить линии связи, разрушать промышленные объекты.

Проверить свидетельство этого очевидца невозможно. Архивы закрыты. Но аналогичный случай описывает А. Никитин (Литературная газета.— 1989.— 11 октября). Но он свидетельствует обратное — незваных десантников сдавали туда, откуда они прибыли.

Суть же дела не в этом. Возможно, что никаких офицеров НКВД в немецкой форме не было вовсе. Главное заключается в том, что в конце лета и осенью 1941 г. по стране поползли самые невероятные слухи о коварстве и измене немцев. Об этом говорили даже в глухих деревнях Забайкалья. И исходили эти слухи из какого-то единого, весьма влиятельного и мощного центра. И центром этим, по-видимому, было известное здание на Лубянке. Хорошо подготовленная, тщательно спланированная провокация готовила почву к выселению немцев.

И вот наступил день 28 августа 1941г. В соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР советские немцы, оболганные и обвиненные в самых чудовищных преступлениях, должны были покинуть ставшие для них родными земли. Это был далеко не первый опыт насильственной депортации этнических групп. Еще в 1936 г. (!) из пограничной зоны было выселено более 30 тыс. поляков. В 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию были переселены корейцы. В 1940—1941 гг. в восточные районы Советского Союза были перемещены крестьяне, по расплывчатым критериям отнесенные к кулакам: около 14 тыс. из Прибалтики, 10 тыс. из Молдавии и 6 тыс. из Западной Украины и Белоруссии. Там начиналась коллективизация. Мы уже и не вспоминаем о миллионах русских, украин-

ских и белорусских крестьян, выселенных из родных мест в начале 30-х годов.

Однако в 1941 г. задача была не менее сложной. Шла война. Вагоны и паровозы ценились на вес золота. На восток двигались миллионы эвакуированных, на запад — эшелоны с бойцами. Переселение немцев не было целесообразно ни с экономической, ни с военной точек зрения. Оно ослабляло страну, которая теряла сотни тысяч трудолюбивых крестьян, высококвалифицированных рабочих, талантливых инженеров, врачей, учителей, ученых.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. только в автономной республике немцев Поволжья проживало 366,7 тыс. немцев, в числе которых было 172,2 тыс. мужчин и 194,5 тыс. женщин. Примерно 40% немецкого населения автономной республики составляли дети до 15 лет.

Но подвергались насильственному переселению не только немцы Поволжья, а все советские немцы.

Некоторые из них оказались по воле судьбы на оккупированной территории, другие — в Красной Армии, третьи уже проживали в восточных районах. По моим расчетам, на восток страны — в Сибирь и Казахстан осенью 1941 г. было депортировано 1 млн или 900 тыс. чел. Во всяком случае, по данным В. Земскова (Аргументы и факты.— 1989.— 30 сент.— 6 окт.) на 1 января 1953 г. число немцев-спецпереселенцев, высланных по решениям правительства, составляло 855,7 тыс., репатриантов — 208,4 тыс., местных — 111,3 тыс., мобилизованных — 48,6 тыс., других — 0,1 тыс.

Итак, сентябрь 1941 г. Третий фронт против своего же народа открыт. В глубоком тылу началась тихая, малозаметная, но от этого не менее жестокая и кровавая война. Война тем более несправедливая, что одна сторона была вооружена, другая — безоружна... Сданы дома, фураж, скот, запасы продуктов. Получены обменные квитанции, по которым, как уверяли работники органов, на месте вселения можно получить по эквиваленту все необходимое. Гудит распаленный пар в котлах, бьется огонь в топках, свистят паровозы. Потянулись эшелоны теплушек на восток.

Свидетельство очевидца. А. Никитин (Литературная газета.— 1989.— 11 окт.): «Бродили по улицам растерянные овечки, недоеные коровы с ревом бросались к человеку, в крепких домах все было выметено и вымыто, дозревал урожай, на полях и в огородах — ни души! Пустая земля двести на триста километров».

Ясли для детей спецпереселенцев.

Путь предстоял долгий. Из теплушек почти не выпускали. Воды и той недоставало. А рядом шли бесчисленные эшелоны с эвакуированными. Они неделями жили на вокзалах, в вагонах, на привокзальных площадях. Голод, грязь, осенняя промозглая сырость. Медики и железнодорожники растерянны — они не могли справиться с таким наплывом пассажиров. Только в июле—декабре вагоны штурмовали 17 млн. одних эвакуированных — главным образом женщин, детей и стариков. Тут уж не до спецпереселенцев. Им вода и продукты — если останутся...

Не доехали и до Челябинска — дизентерия, корь, скарлатина, а затем и тиф. Завшивленность почти полная. Теплушки загажены. На грязных нарах, в духоте — дети. Медицинская помощь — недостижимая мечта. Многие не выдерживали. Смертность была огромной. Умерших хоронили во время остановок. Сколько безымянных могил раскидано по стране?

В октябре первые эшелоны стали прибывать в Сибирь. В Алтайский край вселилось около 100 тыс. немцев. Причем среди взрослых (от 15 до 54 лет) на долю женщин приходилось 94%. В Новосибирскую область прибыло 38 эшелонов с общим числом спецпереселенцев — 89,7 тыс. чел. Среди них более половины — дети, 30% — женщины. С кем же воевал Берия? Куда исчезли мужчины? В этом-то проявилась вся жестокая изощренность главы НКВД. Во избежание нежелательных эксцессов мужчины

от 15 лет и старше были отделены от семей. Их везли отдельно и направляли в трудовые армии. Они работали на лесоповале, строительстве, добывали полезные ископаемые. Многие были арестованы и отправлены в лагеря, но уже в качестве заключенных.

Дорога подошла к концу, но испытания продолжались. Квитанции за сданное на месте имущество отоварить было невозможно. Эту обязанность НКВД возложил на обнищавшие местные колхозы и совхозы, которые даже при желании не могли выделить ни домов, ни зерна, ни одежды, ни фуража, ни скота. Сибиряки сами голодали.

Часть немецких переселенцев, как-то обустроившихся, срывали с места и направляли дальше, на восток. Так, в 1942 г. для работы в Енисейском пароходстве в Красноярский край было направлено несколько тысяч немцев с детьми.

«Все спецэвакуированные размещены под открытым небом. Кипяток готовится на таганках, воду берут из колодца и из реки. Горячее питание получают только 1 раз в день — одно 1-е блюдо и 500 гр. хлеба. Уборных нет. Вся территория загажена экскрементами. Через медпункт прошло 122 чел., из которых 16 с желудочно-кишечными болезнями». (Акт обследования санитарных условий жизни спецэвакуированных. 8 июля 1942 г. Красноярский край. База пароходства «Енисей».)

Для справки. По Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР насчитывалось 1427,2 тыс. граждан немецкой национальности, на 1 января 1953 г.— 1224,9 тыс. (снижение численности на 202,3 тыс., а по первой послевоенной

Строительство бараков.

переписи 1959 г.— 1619,7 тыс. чел. Следовательно, за 20 лет (!) число немцев в СССР выросло всего на 192,5 тыс. человек. Молох третьего фронта требовал жертв.

Война клонилась к своему закономерному концу. После Сталинградской и Курской битв пришла твердая уверенность — победа будет за нами. Народ, истекая кровью, сумел восстановить все то, что так успешно разваливал Сталин. Вождь по-прежнему искал и находил врагов. Он уже не мог остановиться.

Одним из инициаторов новой волны выселений стал Берия. Еще в 1942 и 1943 гг. он по поручению Сталина ездил на Северный Кавказ — якобы для организации обороны этого региона. Именно там у доблестного наркома зародилась мысль о депортации народов, населяющих Кавказ. Берия запускает ряд пробных шаров. Сначала он шлет в Москву депеши о ненадежности бойцов-кавказцев, об изъятии чеченцев, ингушей, армян, азербайджанцев из воинских частей. Затем (уже после освобождения Северного Кавказа) предлагает Сталину план выселения пока еще 735 семей изменников из Ставрополя, Кисловодска, Минеральных Вод, Ессентуков на жительство в Таджикистан. Сталин принимает эти предложения благосклонно. И вскоре решено выселить всех калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар.

На этот раз все было сделано проще. Липовых квитанций о сдаче имущества не выдавали, слухов не распространяли и до провокаций не опускались. Приезжали грузовики с солдатами, окружали селение и увозили ничего не понимающих людей на ближайшую железнодорожную станцию, где все повторялось: теплушки, вагоны для скота, скудное питание, вши, тиф, дизентерия, сотни умерших. Везли в Сибирь и Казахстан. Берия после этого геноцида имел наглость требовать награждения боевыми орденами и медалями наиболее отличившихся работников НКВД, НКГБ и «Смерш». Сталин не возражал. И. Серов, непосредственно руководивший выселением, был награжден орденом Суворова I степени, который присваивался только за руководство крупными боевыми операциями.

О масштабах ничем уже не прикрытого геноцида, о жертвах третьего фронта свидетельствуют цифры.

Кроме перечисленных в таблице этнических групп в годы Великой Отечественной войны в восточные районы страны были насильственно депортированы греки (14,8 тыс. спецпереселенцев на 1 января 1953 г.), болгары (12,5 тыс.), армяне (8,6 тыс.), турки-месхетинцы (49,8 тыс.),

курды (8,8 тыс.), хемшилы (1,4 тыс.) и представители других наций и народностей. Всего на 1 января 1953 г. (за 2 месяца до смерти вождя всех времен и народов) в СССР насчитывалось 2753,4 тыс. спецпереселенцев.

Численность народов СССР, депортированных в восточные районы СССР в период войны (тыс. чел.)

	По переписи 1939 г.	На 1 января 1953 г.	По переписи 1959 г.	Прирост (убыль) за 20 лет
Немцы	1427.2	1224.9	1619.7	+ 192.5
Чеченцы	408.0	316.7	418.8	+ 10.8
Ингуши	92.1	83.5	106.0	+ 13.9
Карачаевцы	75.8	63.3	81.4	+ 5.6
Балкарцы	42.7	33.2	42.4	-0.3
Крымские татары	219.0	165.3	нет сведений	—
Калмыки	134.1	81.5	106.1	-28.0

Все эти люди объявлялись предателями. А были предатели? Конечно, были. Покрыли себя кровавым позором мусульманские батальоны. Но почему весь народ должен отвечать за предательство отдельных его представителей? Ведь были и герои. Около 8 тыс. выходцев из Калмыкии удостоены орденов и медалей, 14 стали Героями Советского Союза. Кабардино-Балкария дала стране 23 Героя Советского Союза.

Следуя сталинской извращенной логике, первыми в ссылку должны были отправиться русские, украинцы и белорусы. Из 1 млн бывших красноармейцев, перешедших на сторону гитлеровцев, они составляли большинство, а численность Русской освободительной армии достигала 800 тыс. чел. (Военно-исторический журнал.— 1989.— № 9). Но и сам «интернационалист» Сталин должен был возглавить колонны спецпереселенцев — он грузин, а действовал и Грузинский легион.

Так почему же в ссылку отправились, в основном, народы, исповедующие ислам? А почему балкарцы были депортированы, а кабардинцы нет ? Спросите об этом у Сталина. Правда, он не миловал и всех прочих — они пополняли бесчисленные ряды зеков. Да и после войны выселялись русские (из Псковской, Воронежской, Орловской и Рязанской областей), белорусы (1952 г.), иранцы (1950 г.), украинцы (1951 г.), поляки (1952 г.) и другие. С одним только и можно согласиться — «справедлив» был вождь, никого не забыл!

К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении всего комплекса документов, рисующих страшную картину жиз-

ни переселенцев. Однако и того, что есть, вполне достаточно, чтобы зримо представить себе весь ужас их положения. В Новосибирскую область в 1944 г. было переселено 16,7 тыс. калмыков. Обратимся к их судьбе и, чтобы быть объективными, просто приведем справку, составленную в ноябре 1944 г. по результатам проверки расселения калмыков, проведенной Новосибирским областным управлением НКВД. Документ приводится с некоторыми сокращениями.

«Враждебное отношение к калмыкам со стороны рай. работников и местного населения. Жилища для калмыков не подготовлены — без окон, без дверей, без печей, с полуразрушенными стеклами. Так, в с/х № 168 Барабинского района в саманной избушке площадью 8 м² проживает 15 калмыков, часть которых спит на улице; в другой землянке площадью 6 м² размещено 9 чел.

Из занаряженных 2884 голов скота выдано 1176, во многих районах скота не дали вовсе. Из 1462 чел. детей посещают школу всего 210 чел.— нет одежды и обуви...

Средства, предназначенные для калмыков, используются не по назначению. Колхоз «Искра» Мануйловского с/с Болотнинского района получил в мае 1944 г. кредит 5 тыс. руб., из которых 1352 руб. израсходованы на нужды колхоза*.

Каргатский район. Рыболовецкая бригада из 18 калмыков живет в полуразрушенной бане, в которой нет печи, окна выбиты. В Третьяковском с/с этого района 4 калмыцких семьи живут в телятнике. В Чулымском районе 80 калмыков живут в 2 бараках, где печи развалены, окна выбиты. В деревне Доброво в одной избе живет 7 семей (22 чел.). В Барабинском районе в землянке площадью 6 м² живет 10 человек. Дети спят в сидячем положении. В Татарском районе ряд семей живут в шалашах. Аналогичное положение с состоянием жилья имеет место и по остальным районам и населенным пунктам.

Отношение к калмыкам руководителей и местного населения презрительное. Местные женщины называют их «грязными собаками». Презираемость калмыков усиливается их тяжелым материально-бытовым положением**. Секретарь РК ВКП(б) Б-в***: «Гоните калмыков к черту от колхозов». Уполномоченный РК ВКП(б) М-в: «Калмы-

---

* И не удивительно. Колхозники сами едва концы с концами сводили. В 1944 г. на 1 трудодень в колхозах Новосибирской области было выдано 0,3 кг зерна, 1 руб. 45 коп. деньгами и 0,9 кг сена.

** В первую очередь презрение усиливалось пропагандой.

*** Фамилии не называю.

ки — это враги народа, поэтому проявлять о них заботу или оказывать им помощь не следует».

Фонды продовольствия, выделенные калмыкам, до них не доходят. Одежды и обуви нет. В октябре* некоторые калмыки работали босиком, нет сменного белья. В Чановском районе только 20% калмыков имеют зимнюю одежду и обувь. Мыло отсутствует. Грязь. Медики устранились от надзора за санитарным состоянием калмыков. Медосмотров не проводится. Завшивленность. Пищу принимают на полу. Тут же и спят. В Новосибирске калмыков разместили в бывшей мечети, где 5 кроватей и 3 топчана. Люди спят на полу.

В течение месяца умерло 1046 калмыков. В Барабинском районе из 1005 калмыков умерло 82 чел., в Чановском районе из 989 чел. умерло 68, в Каргатском районе из 870 умерло 32**.

В Новосибирской области нужно было построить для калмыков 1529 землянок, а построили 185, отремонтировано 384 дома, а нужно — 3124 дома. Среди калмыков ходят слухи, что им дадут автономию в Бурятии, а после войны разрешат вернуться на родину. Это не способствует их прочному закреплению»***.

На этом можно было бы и поставить точку. Но приведем все же еще одно свидетельство очевидца. Это будет последний штрих.

Свидетельство очевидца: «Дудинка. Весна 1951 г. Иду по улице в сторону порта. Навстречу — собака, тощая, голодная, как и все собаки на Севере в это время года. Но очень странная собака. Подхожу ближе: уши огромные, на ногах копытца и пятачок. Да это свинья тощая, с подтянутым животом. И ребра торчат. Потом узнал — привезли крымских татар, и их, мусульман, заставили работать на свиноферме****. И всем от этого плохо — и свиньям, и татарам, и охране, для которой эти свиньи и растут. А впрочем, кому было хорошо?»

---

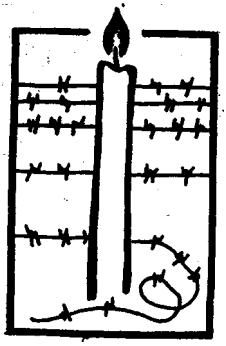
* В Сибири (уже снег лежит)!

** Нетрудно подсчитать, что смертность достигала 50-80%.

*** Тот, кто составлял записку, был уверен — калмыков выслали навечно.

**** Это уже не физическое, а нравственное издевательство — заставлять мусульман, для которых свинья — грязное животное, заниматься свиноводством. Но кому-то очень хотелось сломить татар морально, показать, что они не люди, а свиньи.

ДОКУМЕНТЫ



И. ПАВЛОВА

ПИСЬМА ИЗ 37-ГО

Передо мной лежит стопка писем — ветхие, пожелтевшие от времени, потертые на сгибах, некоторые без начала и конца. Их берегли, перечитывали, возили с собой...

Это — письма Владимира Николаевича Петровского, жившего в нашем городе и, как сотни тысяч других, погибшего в 1937 году. Владимир Николаевич безгранично любил свою семью — жену Анну Климентьевну и детей — дочь Люсеньку и сына Вовасеньку. И эта любовь помогла ему писать, пересылать, переправлять свои письма, когда, казалось, было совсем не до этого. В каждом из этих писем больше тревоги за судьбу дорогих его сердцу людей, чем осознания трагичности той ситуации, в которую он попал.

Было счастье, прекрасная семья, дело, и все это вмиг рухнуло. Стоит только представить себе, сколько человеческих судеб скрыто за абстрактными подсчетами жертв сталинщины, сколько разбитых семей, сколько пролитых слез, страданий взрослых и детей, оставшихся без родителей и оказавшихся в детприемниках, чтобы навсегда утратить равнодушие к истории и судьбе своей страны.

Анна Климентьевна Петровская не попала в лагерь, видимо, потому, что успела бежать с детьми из Новочеркасска, города, где был арестован ее муж, бежать, бросив все, но унижений и страданий на ее долю жены «врага народа» выпало немало. Она выстояла и ждала мужа вплоть до 1956 года, пока не исчезла последняя надежда...

А имя В.Н.Петровского, известного в Новосибирске в конце 20-х — начале 30-х годов человека, было забыто окончательно. Характерный пример: на фотографии, запечатлевшей встречу писателей и работников газеты «Советская Сибирь» с И.Эренбургом, опубликованной в 1988 г. в книге «Литературное наследство Сибири», В.Н.Петровский помечен как «неизвестный». А ведь в те годы его хорошо знали — он был ответственным секретарем «Советской Сибири», редактором газеты «Трибуна ударника», заместителем председателя городского отдела народного образования, депутатом горсовета, писал стихи, одно из них в 1930 г.(№9) опубликовал журнал «Сибирские огни»...

Владимир Николаевич Петровский родился в мае 1895 года в деревне Дашковцы Мостовской волости Гродненской губернии. Окончил двухклассное Мостовское народное училище и двухгодичные педагогические курсы при Холмской учительской семинарии. До 1915 года работал учителем в Мостовском народном училище, а затем был призван в действующую армию. Когда началась революция и сильное брожение в войсках, Петровский не остался в стороне. За выступление в июле 1917 года против правительства Керенского его, унтер-офицера, военный суд Юго-Западного фронта приговорил к ссылке в Сибирь.

В Сибири жили родственники Владимира Николаевича. Он поселился в Ново-Александровской волости Томского уезда и губернии — портняжничал, затем учительствовал, а в 1919 году согласился быть секретарем волостной земской управы. Вот это обстоятельство и сыграло в 1937 году свою роковую роль. Исполнял обязанности секретаря земской управы в период колчаковщины — значит, содействовал колчаковскому правительству, значит, был «карателем», как называли его на допросах... Одномерный классовый подход заставлял рассматривать события только

Семья Петровских.

таким образом и не принимал во внимание конкретные человеческие судьбы, вообще жизнь во всем ее многообразии.

А для В. Н. Петровского 1919 год был счастливым годом — он любил и был любимым, это был год его женитьбы на Анне Климентьевне. В 1920 году родилась их дочка Люсеночка.

Все переплелось в те годы, когда шла гражданская война,— счастье и боль, личное и события в стране. Во время восстания части крестьян против Советской власти Петровский выступил на ее защиту, и в 1921 году жители Ново-Александровской волости избрали его председателем исполкома своего Совета. Потом, в 1937 году, именно участники антисоветского восстания, оставшиеся в живых, будут давать в ходе следствия компрометирующие Петровского показания.

В 1924 году у Петровских родился сын, и вся семья переехала в Топкинский район Щегловского уезда Томской губернии. Владимир Николаевич работает учителем и в этом же году вступает в партию. С начала 1928 года переводится в Новосибирск, на работу в систему народного просвещения, а затем в ноябре 1930 года направляется на редакторские курсы в Москву. После окончания этих курсов с февраля 1931 года работает в редакции газеты «Советская Сибирь», избирается депутатом городского Совета, а в апреле 1933 г. становится заместителем заведующего гороно.

Но проработал он в этой должности недолго — в 1934 году по рекомендации партии переходит на службу в войска НКВД и через некоторое время с семьей уезжает из Новосибирска в Ростов-на-Дону. Там в связи с болезнью (бронхиальная астма) был временно демобилизован и направлен на работу в Новочеркасский горком партии.

Здесь, в Новочеркасске, он и был арестован 4 марта 1936 года. Сохранился протокол обыска на квартире, из которого следует, что у Владимира Николаевича изъяли все личные документы, письма, оружие и почему-то книгу «Крепостничество и воля» 1911 года издания, не тронув других книг из большой библиотеки Петровских.

Протокол обыска.

На основании ордера (мандата) Новочеркасского Отд. ОГПУ и ОО IX корпуса за № ____ от 4 марта 1936 г. произведен обыск у гр-на Петровского Владимира Николаевича проживающего в гор. Новочеркасске по улице Просвещения дом № 83

При обыске взято для заставления в НКВД и ОО IX корпуса следующее:

1. Прорезанный билет гр. Петровского № 065217
2. Расчетная книжка от 15 XII-1915 г. № 1401
3. Личные документы гр. Петровского на 66-ти листах
4. Пять писем гр. Петровского
5. Личная фотокарточка гр. Петровского
6. Задание № 4 [illegible] НКВД ВЧК
7. Револьвер системы Коровина № 97379 и [illegible] патронов к [illegible]
8. Книга „Крепостничество и воля" издания 1911 года

Обыск произвел сотрудник НКВД [illegible]

При обыске претензий и жалоб от гр-на

Не поступило

При обыске присутствовали [illegible] Чернова

Копию протокола получил Петровский

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Все заявления и претензии должны быть заявлены в протокол. После подписания протокола никакие заявления и претензии не принимаются.
2. За справками обращаться в Новочеркасский отд. ОГПУ и ОО IX корпуса по адресу ____ с указанием № ордера, дана его выдача и день обыска.

Протокол обыска В. Н. Петровского.

Начало 1936 года было еще относительно спокойным временем. Волна репрессий против крестьянства в конце 1920-х — начале 1930-х годов в связи с коллективизацией постепенно пошла на убыль, сократился поток репрессированных после убийства Кирова, а новое наступление сталинизма еще не развернулось, не набрало силу. Видимо, поэтому и удалось Петровскому, который к тому же хорошо знал уголовное законодательство, добиться того, чтобы его отправили на время следствия в Томскую губернию, где он раньше жил и работал, для встречи и опроса знавших его людей и для того, чтобы опровергнуть выдвинутые против него в Новочеркасске обвинения. Владимир Николаевич переводится в распоряжение Кривошеинского районного отделения НКВД и освобождается под подписку.

гр-ка ПЕТРОВСКОЙ Анны Климентьевны
г.Новосибирск ул.8-го Интернационала
дом № 6 кв.1.

С П Р А В К А

Дело по обвинению ПЕТРОВСКОГО Владимира Николаевича пересмотрено Президиумом Томского областного суда 6 сентября 1957 года.

Постановление выездной тройки УНКВД от 25 августа 1937 года в отношении ПЕТРОВСКОГО Владимира Николаевича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

И.о. Председателя Томского областного суда / ЗЛАТИН /

Справка о реабилитации В. Н. Петровского. 1957 г.

Первые письма из Кривошеина бодрые — он уверен в благополучном исходе дела, устроился на работу, районный начальник НКВД Кипервас относится к нему благосклонно. Удалось собрать отзывы людей, знавших его в 1919 году. Этими отзывами полностью опровергались предъявленные обвинения в содействии колчаковской милиции в поимке дезертиров. Наоборот, они свидетельствовали о помощи, о выдаче справок и других документов, которые давали возможность укрыться от призыва в действующую армию Колчака.

Но следствие затягивалось, и дело было рассмотрено в закрытом судебном заседании лишь через год после ареста — 8—9 марта 1937 года. Сразу после суда он написал, что им «все буквально от строчки до строчки, фактами, документами и свидетельскими показаниями опровергнуто полностью. Больше того, даже свидетели, ими вызванные, которые давали компрометирующие меня показания следствию, на суде давали показания, меня реабилитирующие». Но вместо прекращения следствия спецколлегия крайсуда приняла решение оставить под стражей, а дело послать на доследование прокурору. Вскоре после этого В. Н. Петровский водворяется в Томскую тюрьму.

Все его попытки доказать свою невиновность наталкивались на стену. Ничего не дали обращения к Вышинскому и в ЦК ВКП(б). И тем не менее 5 мая 1937 года Владимир Николаевич находит в себе силы написать: «Прошу вас об одном, чувствуйте себя спокойно, за судьбу мою чувствуйте тоже спокойно. Доказывая истину, невинность, я черпаю неиссякаемые для этого силы. Я прав и буду добиваться правды, невзирая на недопустимые, неслыханные сроки затяжки дела. Нюшенька, родная, будь спокойна, будьте спокойны, мои родные детки, знайте, что я жертва подлой лжи, клеветы...»

Но к середине 1937 года новая волна репрессий достигла и самых отдаленных уголков страны, и никто уже не разбирался в обстоятельствах дела и не слушал свидетелей. И Петровский вряд ли уже смог бы

написать, что «клеветать на себя я не могу». Пытки ломали и самых крепких людей.

Последнее письмо отправлено из Колпашева и датировано 19 августа 1937 года, а 25 августа тройка НКВД вынесла приговор. Владимир Николаевич пытался передать последнюю записку семье через свою родственницу, работавшую на пристани. Но она не взяла этой записки у матроса с той баржи, где находился Петровский. «Ну как же вы не знаете его — высокий такой, красивый, в шинели?!» — спрашивал матрос. «Не знаю»,— был ответ. Только перед смертью Агафья Прокофьевна призналась Анне Климентьевне в том, что последняя записка от Володи не дошла до них. В этой записке Владимир Николаевич, наверное, писал о том, что его ждет... Но только через полвека молчания нам открылась правда о страшной Колпашевской тюрьме.

Вместе с реабилитацией в 1957 году Анна Климентьевна получила и свидетельство о смерти своего мужа в 1945 году. Но никто тогда не поверил этому свидетельству. Разве могло быть такое, что Владимир Николаевич жил еще 8 лет и не нашел способа передать своим близким хотя бы одну весточку о себе. Но надежда остается даже тогда, когда, казалось бы, нет для этого никаких оснований. Потому и ждала Анна Климентьевна вплоть до 1956 года, пока все оставшиеся в живых не вернулись из сталинских лагерей.

Сегодня Анна Климентьевна и Людмила Владимировна сделали еще один запрос в управление КГБ по Томской области о судьбе своего мужа и отца. Решились на это в надежде, что, может быть, на этот раз узнают правду о том, когда и где он был расстрелян.

Ответ недавно пришел: это все тот же Колпашевский яр. Дата расстрела — 4 октября 1937 года.

2 июня 1936 г.

Здравствуйте, милые родные мои Нюшенька, Люсеночка и Вовасик. Я здоров, подъезжаю к Воронежу, в Москве буду завтра — сообщу выезд. Моя просьба, мои милые, к вам — будьте спокойны. Еду я хорошо, об этом не беспокойтесь. В пути пищу получаю. С Кривошеино постараюсь написать подробно. Крепко-крепко целую. Прошу, Нюшенька, тебя, береги свое здоровье. Ваш папа Вова.

16 июня 1936 г.
Тайга.

Здравствуйте, милые, родные Нюшенька, родная дочурка Люсеночек и Вовася!

Я жив и здоров, шлю вам мой искренний горячий привет. Крепко, крепко целую. Желаю самого лучшего для жизни. Будьте спокойны и терпеливы. Я здоров. Любящий вас ваш папа.

Живите спокойно на месте. Целую, папа Вова.

6 июля 1936 г.

Здравствуйте, милые родные мои, мои дорогие Нюшенька, Люсеночек и Вовасик!

Как вы живете, как здоровье, как, Нюшенька, у тебя со здоровьем? Все еще писем от вас не получил. Позавчера, т. е. 3 июля, приезжал Саня и Перф. Сав., Саня в тот же день уехал. У него с Шурой неладно, на днях будут делать операцию желудка, она все болеет. Вчера получил от Клавд. Клим. из Томска пиеьмо. Она жалуется, что ничего ни от кого о нас не знает и никаких не получала писем. Ганя пишет, что письмо, полученное ею на твое имя от Сани,— переслала тебе. Обижаться на него, что не писал — нельзя, дело в том, что письмо, им посланное в Н. А.* Перф. Сав., шло один месяц и 5 дней...

Нюшенька, я тебе уже в телеграммах сообщал, что здоров, работаю в Кривошеинской МТС в качестве зав. курсами. Работы предлагали разные и много, но я отказался от всех, а на этой работе я все время свободен, только прослежу, чтобы явились вовремя преподаватели, сам кое-что читаю, но решил себя не нагружать. Деньги у меня есть. С квартирой с первых дней не ладилось, сейчас устроился в комнате, снимаем вдвоем с агрономом из МТС. С ним же ходим на базар, покупаем яйца и все остальное на завтраки, ужины и обеды, а иногда ходим в столовую; он одинокий, только что кончил институт в Харькове и попал в Нарым.

Нюшенька, хочу совершенно откровенно и убедительно просить, чтобы вы и не волновались и не беспокоились за меня. Мое дело безусловно сведут на пшик. Ведь для большинства ясно, что ложь, что капли правды нет, что даже если бы и было, то законом от 1927 г. покрывается давностью, а партийное дело, т. е. 169 ст. безусловно отпадет. Кончится все благополучно, я еду в Москву в Комиссию партийного контроля по разбору моей апелляции, кроме того, думаю Мамаева и Богдановича привлекать за ложные показания, на очной ставке они окончательно запутались. Когда узнал Саня, расходился, собрался на Тимофея писать заявление, но я сказал, что жалкий он человек, и не мстить, а сожалеть приходится такого.

Нюсеночка, я усиленно прошу тебя пока никуда не трогаться из Новочеркасска. Кончится дело, тогда будет видно. С деньгами не беспокойтесь, помочь вам деньгами пока не могу, но для себя имею сейчас на руках около 150 руб., затем получу зарплату, когда пройдет месяц — проживу. Моя единственная забота — скорее кончилось бы дело да вы бы были здоровы. Сегодня специально повидаться

* Село Ново-Александровское (и волость того же названия).

приезжал Талпежников-Владимир. Видел многих; был Федот с Пудовки, был у Бембеля. Нюшенька, Ганя прислала мне новый адрес, сообщаю тебе его: Томск, Коммунистический проспект, 4, межрайонная контора Запсибторга, Налетовой.

Как живут мои родные, милые дочурка и сынишка Люсеночка и Вовася! Как хочется всех вас скорее, скорее увидеть, обнять, расцеловать милых моих мучеников, страдальцев. Но будьте до конца терпеливы. Пишите обо всем, о житье-бытье. Жду с нетерпением от вас весточки. До скорого свидания. Остаюсь горячо любящий вас ваш папа Вова. Кривошеино, Нарым. округа, Советская, 30, мне.

22 июля 1936 г.

Здравствуйте, милые, родные и дорогие мои, мои славные Нюшенька, Люсеночка и Вовасик!

Сегодня получил от вас письма: 3 письма, 2 открытки и одно письмо от Гани. Очень рад и очень беспокоюсь исключительно за то, что вы беспокоитесь и болеете душой, особенно мои родные и милые детки.

Я вам пишу все, решительно ничего не скрываю и не преуменьшаю, пишу, как обстоит с делом. Прочитал все сразу письма, открытки и не знаю, на какое отвечать, не знаю, какие вопросы разъяснять. Прошу об одном: будьте спокойны, меня не осудят, не обвинят, ибо не за что. Вот и сегодня заходил к начальнику Р.О. НКВД Кипервасу.Долго говорили, справлялся, где дело, он тоже не знает: или в Колпашево, или в Н-сибирске, между прочим, он сообщил для меня сегодня новость, что в тот же день, когда меня выпустили (выпустили не по моей просьбе, а сами предложили), они получили телеграмму из Новосибирска от Бломберга (прокур. наблюд. за органами НКВД) о том, что им дано телеграфное распоряжение по линии о прекращении меня этапирования, о чем он их извещал потому, что в их распоряжение я ехал. Из этого факта я сделал вывод: Москва обязала по моей просьбе (я писал Вышинскому и Ежову) дело задержать в Новосибирске и, видимо, разобрать.

Из ознакомления с делом я сделал вывод — серьезного нет ничего совершенно. Если будет суд, а это маловероятно, потому что ясно — путаница,— видимо, в августе буду совсем свободен и выеду домой

Мне прислали отзывы, засвидетельствованные с/с* 1. Бембель В.П., что я «в течение 2-х лет активно помогал ему и всем бывшим дезертирам скрываться, выдавал документы, предупреждал их о приезде милиции колчаковской» и т. д. 2. Поженко Карп, что я «лично его ночью, когда он был арестован колчаковской милицией и сидел,— я освободил, снабдил документами, скрывал его брата, его спас от смерти и т.д.» и ряд документов, характеризующих меня не как «карателя», как меня сделали в Новочеркасске,а как активного борца против колчаковщины. Кроме того, послано заявление (я его не читал) со многими подписями крайпрокурору. Там изложено, как я спасал бывших большевиков: Полубятко и других.

В моем деле 4 человека опрошены, и на меня показывали те, кто в 20 г. активно участвовал в кулацком восстании против Советской власти...

4 сентября 1936 г.

Милые, дорогие мне, мои страдальцы Нюшенька, Люсеночек и Вовасик!

Вчера после прочитанных от вас писем я окончательно убедился, что недопустимую ошибку сделал, уговорив вас остаться в Н-Чер**.

Разве я хоть на минуту мог допустить такое отношение к человеку, смысл которого жить и работать, причем работать самоотверженно... такое хамское отношение из-за этой несчастной квартиры? Словом, права ты была с Вовиком. Нюшенька, родная, еще не поздно, бросай и выезжай, если не прекратились издевательства. Подумать только, меня там нет, так решили поиздеваться над семьей.

Я живу и работаю. Я уже писал вам, что принят на штатную работу преподавателем литературы и рус. языка в десятилетке. Дали мне два 6-х класса, 7, 8 и 9-й. Всего 28 недельн. часов при ставке 350 руб. + 50% северных — выходит месячный заработок 687 руб.

Отношение ко мне самое хорошее. Причем это отношение в известной степени исходит от райНКВД и именно Киперваса. Если бы они считали слишком серьезным мое дело, никогда бы такого отношения не было бы ко мне. Затянулось по вполне понятным причинам — дел уйма. Но,

---

* сельсоветом.
** Новочеркасск.

независимо от исхода его в ту или иную сторону, после всех этих выпадов в Н-Чер. я там работать не буду...

конец сентября 1936 г.

Здравствуйте, милые, родные Нюшенька, Люсеночка и Вовасик! Сейчас получил ваше письмо от 14/IX, спущено, видимо, 15/IX. Сразу кончил уроки и ходил на почту, чтобы успеть к 3 ч.

Нюшенька, то, что переживала ты, это я чувствовал, и этот день для меня был очень тяжелым. Мысли передаются на расстоянии, в этом нет сомнения. Я весь вечер страшно хандрил, оказывается, не случайно. Нюсеночка, я еще 22 сент. телеграфом в адрес школы перевел вам 200 руб. и одновременно почтой послал посылочкой тоже на школу Вовасе брючонки, сшил без мерки, и боюсь, что не подойдут, или большие или маленькие, представь, потерял уже ориентировку в его росте. Так вот, получили ли, напишите. Да смотрите, чтобы Люсеночка не ходила хуже других в школу.

Родная, милая Нюся, ты Сане писала о работе и школе. Работники нужны и в Кривошеинском р-не, правда, не в районе самом, а других с/советах, напр. в Белостокскую семилетку, Могочинскую десятилетку, не знаю только, по каким предметам. Спрашиваешь про астму — никаких признаков, точно и не болел.

Нюсенька, относительно предкомиссии по чистке в 1921 г.— не Логинов, а Басов был председателем. Об этом я заявлял и на бюро горкома, это записано и в моей стенограмме, а мне, наоборот, доказывали, что Логинов, согласно его первого показания. На очной ставке другое он заявил, т. е. так, как было.

Ты сомневаешься, примут ли во внимание отзывы, почему же нет? Если можно верить ложным показаниям с целью мести мне от лиц, когда-то репрессированных за участие в кулацком восстании, то почему этим заявлениям верить нельзя, тем более, я на некоторых ссылался еще в Н-Черкасске, настаивал допросить, но следст. органы не выполнили этого, мало того, не вынесли определения, почему не допросили, чем и нарушили 114 ст. УПК. 111 и 112 ст.УПК требуют при следствии объективно и всесторонне расследовать дело и выявить не только порочащие, но и реабилитирующие стороны, а этого не сделали, хотя к этому располагали заявлениями, просьбами и документами.

Нюшенька, я в это воскресение (выходн.) перепишу все отзывы (копии сниму) и пошлю их тебе на всякий случай. Они ведь меня полностью реабилитируют в том, что: 1) меня по показаниям обвиняют, что я арестовывал дезертиров, а сами бывшие дезертиры наоборот заявляют, что я их скрывал от армии (Бембель), освобождал из-под ареста арестованных колчаковской милицией и выпускал ночью из катал. камеры (Поженко К.), снабжал документами (Лысенко Д.). Меня обвиняют за Петроченко, а три человека документом, как очевидцы бывшие, подтверждают другое, т.е. называют подлинных убийц (колчак. милиция). Кроме того, о Мамаеве Гавриилe заявили буквально следующее: «Мы удостоверяем, что Петровский никогда и никого из бывших дезертиров от прав. Колчака на пос. Пудовском не арестовывал. Нам, как односельчанам д. Пудовки, известно, что на чистке в 1934 г. исключен из рядов ВКП(б) Половинкин К.Л. за бывшего дезертира Мамаева Гавриила, которого он выдал милиции. Нам также известно, что Петровский никакого участия в аресте М.Г.* и других не принимал, и в этом не виновен». (Воеводин Е.К., Никитин И.В.). Вот где противоречие, причем, если мне будут все же инкриминировать эти обвинения, я с этими заявлениями-отзывами буду апеллировать к президиуму VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов непосредственно.

Я тебе вкратце дам выдержки из отзывов; они посланы краевому прокурору Боркову, за исключ. 2-х последних:

1. Поженко К.И. (бывший дезертир).

...Я в то время, будучи дезертиром, скрывался в Н-Ал., был сельской милицией арестован и посажен, но Петровский В.Н. ночью меня выпустил из катал. камеры, спас от шомполов карательного отряда, который через несколько дней приезжал в Н.А. Кроме того, Петровский снабдил моего брата Поженко Семена документами с уменьшенными летами, чтобы он тоже мог скрываться...

2. Лысенко Д.А. (бывший дезертир, сейчас колхозник).

...Я был дезертиром из колчаковской армии и скрывался в с.Н.А. Я никогда не подвергался никаким гонениям, а, наоборот, Петровский мне всегда содействовал, а также и всем тогда бывшим дезертирам укрываться от колчаковской милиции, а если он узнавал о приезде в волость кол-

---

* Мамаева Гавриила.

чак. милиции, всегда нас предупреждал через Еф. Булычева, чтобы скрывались...

3. Бембель В.П. (бывший дезертир).

...когда я дезертировал от войска пр-ва Колчака — Петровский В.Н. снабжал меня соответствующими документами и был лучшим помощником мне в этом деле. Скрывался я полтора года, и Петровский В.Н. за это время выдал мне 3 документа (копию прилагаю).Я также знаю о том, что Петровский В.Н. содействовал в скрывательстве не только мне, но и всем подлежащим призыву в то время. В течение трех ночей с партизанами с 19-го по 22-е декабря мы с Петровским В.Н. принимали участие в поимке бежавших белогвардейцев по тракту Томск — Икса.

Петровский В.Н. после июльского кулацкого восстания в 1920 г. в Н. Ал. вол. был председателем волревкома.

Петровский В.Н. за время работы секретарем волземуправы содействовал падению колчаковского правительства и восстановлению Сов. власти в Н.Ал. волости...

4. Маевский И.И., Нюнько В.О., Сафрон Ф.П., Градковский Н.Л. и др.:

...Петровский В.Н. после демобилизации из старой армии безвыездно проживал в Н.Алек. вол. до 1924 г.

В 1917 г. жил у своих родственников, работал в с/х, портняжничал, в 1918 г. обучал детей грамоте. В 1919 г. служил секретарем и за время его работы в волости он помогал укрываться всем дезертирам поселка от армии Колчака. Всегда предупреждал о приезде милиции и предлагал скрываться. С приходом Сов. власти был избран членом ВИКа и работал секретарем. После кулацкого восстания в 1920 г. был назначен предволревкома. Никогда не служил в белой армии...

5. Башкиров И.К.

...знаю Петровского В.Н. как одного из активных тогда, в 1919 г., работников, который содействовал всем дезертирам укрываться от колчаковской армии, а также всем бывш. тогда большевикам, в частности, мне. Никого, никогда Петровский на Пудовке не арестовывал, это мне и всем гр-нам Пудовки известно. Я работал пред-ВИКа с приходом Сов. власти и тов. Петровский В.Н. был единогласно избран членом ВИКа и секретарем президиума. После кулацкого восстания Петровский В.Н. вместе со мной был назначен предволревкома, а я членом и активно боролся с контрреволюцией и восстанавливал Советы...

25 декабря 1936 г.

Здравствуйте, милые, родные, дорогие мои Нюшенька — жена и друг мой верный; милые детки Люсенька и Вовасенька!

Я жив и здоров, сейчас только пообедал и пишу вам письмо. Нюшенька, родная, ты не представляешь, какое я сейчас испытывал чувство «сожаления» к трусам, глупцам, а может быть, и больше — врагам. А дело вот в чем. Сижу в столовой, обедаю. Напротив меня сидит гражданин, и, когда я взглянул, он поздоровался. Затем встает, подходит ко мне и здоровается за руку. Кто бы ты думала? Богданович. Разговорились. Рассказал я ему его ложь, его показания, а он категорически отрицает, что это говорил. Я спрашиваю: «Показания свои ты читал?» — отвечает: «Нет, мне подсунул следователь Ковалев подписать, и я подписал».

Говорил он много, говорил о том, как ему даже не дали подумать, вспомнить и т.д. Категорически отрицает многие записанные показания. В связи с этим я решил добиться, чтобы он то, что рассказал мне устно, подтвердил письменно. Я не лишен оснований думать, что Ковалев, который вел мое дело в Кривошеино, использовал все негодные средства для того, чтобы создать дело. Его сейчас в Кривошеино нет. Но я с ним первые дни приезда дело имел, дошло до того, что я категорически отказался ходить к нему и давать какие-либо показания. А дело было так: когда я разоблачил на очной ставке Мамаева в его лжи, Ковалев отказался это записать в протокол. Я тогда отказался ходить по вызову на допрос и потребовал, чтобы дело для ведения было передано другому лицу или же взял сам Кипервас. До этого он ему, видимо, объяснил так: «Петровский хочет взять инициативу следствия в свои руки». На вызов его я не пошел. Тогда меня вызвали к Кипервасу. Он поставил передо мной вопрос: «Что у вас случилось?» Я ответил: «Не у меня, а у Вас. У Вас грубо нарушают советский закон. Грубо нарушают ст. УПК 111, 112 и 114». Объяснил, в чем, и объяснил мои требования к Ковалеву. Кипервас понял, что я требую законно, и заявил, что это будет выполнено. Состоялись вторично с некоторыми очные ставки.

Так что дело безусловно создано на меня. Пришивают преступления, не существующие в природе с моей стороны.

Я всего в письме не могу описать. Но дело, созданное на меня, нисколько не отличается по своему вымыслу, по

своему характеру от тех ритуальных процессов, которые создавало царское правительство, в частности дело Бейлиса. В Бейлисе положительно все я нашел свое, личное мое, увидел себя буквально. Сейчас над этим работаю. Как только получу от него заявление, спешно посылаю краевому и всесоюзному прокурору. Я мужаюсь, нахожу силы переносить гнуснейшую ложь, сама знаешь, что правда, она всегда воодушевляет, дает силы вести борьбу с ложью. Вот почему я решил тебе это сообщить, написать, хотя вкратце. Многого в письме не опишешь, но для меня сейчас совершенно ясно, тут старались из пальца высосать, но создать что-то уму непостижимое, грубо обрывая тех, кто говорил правду и т. д. Сегодня 25 декабря, у нас еще зарплаты не выдали, беспокоюсь за вас, сидите где-то без денег. Последний м-ц, и оказался, видимо, с деньгами в банке прорыв.

Сейчас с ребятами был в кино, смотрели «Лунный камень» — это из минералогии. Хорошая, интересная кинокартина...

...Сегодня приглашали в райком и предложили заниматься в двух школах: с парторгами и партактивом. Дал согласие, хотя там немного часов, всего 8 в месяц, все же заработаю на брюки, ведь скоро доношу свои. В гимнастерке уже локоть прошоркал, а в магазине ничего нет. Нюсена, милая, ты опять пишешь, что ревела, опять доходишь до отчаяния, молю, прошу, мужайся и чувствуй себя спокойно, не съедят, подавятся. Они сейчас при встрече глаза прячут. Особенно после того, когда начал работать в школе. Пусть в конце концов поверят им, пусть привлекают меня, судят, если считают нужным, я же ни с каким решением, меня наказывающим, не соглашусь и буду апеллировать к документам и фактам, у меня имеющимся.

Как видишь, время прошло неплохо, но все это мне приносило какую-то щемящую боль сердца. Ничто не может ее заглушить. Минутное забытье в обществе и все, и снова мысль усиленно работает: как там вы, здоровы ли, сыты ли, одеты ли?

Сегодня получил письмо от Данилова с отзывом по всем пунктам обвинения. Он даже конкретно указал: «В момент восстания в Пудовку приехал из Южоры Селявский и начал призывать к восстанию, тут же находившийся т. Петровский резко выступил против и призывал не слушать его, за что был изгнан с собрания» и т. д.

Словом, все это засвидетельствовано Н.Алекс. с/с...

...Я уже тебе писал, что встретил Иовика, бывш. члена молчановского ревбюро. Он мне дал отзыв следующего содержания: ...что П.В.Н. в 1920 г. принимал активное участие в ликвидации белобандитского восстания. Как активный, надежный участник восстановления власти Советов в Н-Алек. в Молчановском ревбюро был рекомендован населению на должность председателя волревкома и населением был единогласно избран... Документ Данилова Евсея Григор. подтверждает мое... «активное выступление против кулацкого восстания и его организаторов на собранном ими собрании, за что Петровский был ими изгнан с этого собрания»... А в числе их был и Мамаев Д., который кричал «бей», Данилов это помнит хорошо. Ты помнишь тот вечер, когда я расстроенный пришел, но тебе об этом сказал позже.

С Богдановичем еще окончательно не уточнили, как он будет исправлять свои неправильные показания, но этот вопрос я перед ним поставил. На днях был у него на квартире, не застал. Сегодня вечером постараюсь встретиться. Вот сжато и коротко ставлю вас о предпринятом мною обороте дела.

Послал тебе, Нюшенька, только сто руб., хотя мог бы послать и больше. Оставил на всякий случай, тем более что у меня за февраль будет почти пустяк. Веду только в IX кл. историю 5 ур. в неделю и больше нет ничего. С конституцией до сих пор нет указаний у нас, а так у меня было бы 12 ур., все же не без дела. Ты спрашиваешь о здоровье, самочувствии? Дело в том, что в отношении здоровья я действительно чувствую себя хорошо, хорошо поправился, с этой стороны хорошо. Другое дело самочувствие: оно таково — чертовски обидно переживать и переносить незаслуженно...

15 февраля 1937 г.

Милые Нюша, Люсеночка и Вовасенька!

Я жив и здоров, 13/II получил из Новосибирска обвинительное заключение и жду, что через неделю-две в Колпашеве будет разбираться дело. Как тебе известно, мне инкриминировали две ст. 58 п. 13 и 169.

Так вот, 58 ст. отпала совсем. Кроме того, отпало обвинение с Петроченко, но в обвинительном заключении фигурирует обвинение по 169 ст.— сокрытие от партии участия в поимке дезертиров. Иными словами, вымышлено, кляузническое показание Мамаева легло в основу обвине-

ния.Я за все спокоен. Я выставил 13 ч. свидетелей, кроме того, у меня от 15 чел. отзывы (в том числе от 9 ч. б. дезертиров),что я, наоборот, их скрывал, выдавал документы и т. д.

Деньги у меня есть. На руках 300, за школой 100 руб. Разбирать дело будут в округе в Колпашево. Письма до получения от меня адреса не пиши. Посылай только тогда, когда сообщу адрес. Из Кривошеино, видимо, на днях отправят в Колпашево. Нюшенька, родная, одна к тебе просьба: будь абсолютно, совершенно спокойна за меня. Ты ведь прекрасно знаешь мою невинность, поэтому независимо от того, какой будет исход разбора, весной выезжай в Томск, это пусть будет твердым и окончательным решением. Конечно, никакого барахла не вези, за исключением самого необходимого, а остальное все продай.

Ну, будьте здоровенькие, крепко-крепко целую вас, моих милых ангелов. За меня еще и еще раз прошу, будьте спокойны. Буду по возможности писать.

Ваш папа, муж Вова.

Крепко целую, будьте здоровенькие, писем и телеграмм не посылайте до получения от меня.

Володя.

17 февраля 1937 г.

Родная Нюшенька, родные и дорогие Люсеночка и Вовасенька! Когда вы это письмо получите, дело мое, безусловно, уже будет разобрано, и тот или другой результат буду знать. Я тебе телеграфировал, что разбор будет в Колпашево. Когда получил обвинит. заключение, я внес мотивированное ходатайство с указанием причин о разборе не в Колпашево, а в Кривошеино. Это мое ходатайство удовлетворено, и дело будет разбираться на днях в Кривошеино. Результат или письменно, или телеграфно, в зависимости от обстоятельств — сообщу. Важно то, что обвинение с Петроченко отпало, да и вообще 58 ст. отпала, а это было самое страшное.

Свидетелями в качестве обвиняемой стороны вызваны Богданович, Мамаев, Селиверстов Павел и Логинов. Я со своей стороны выставил 10 человек, от большинства же имею отзывы.

Но прошу об одном, независимо от исхода, все же вы будьте спокойны. Буду, безусловно, приговор кассировать, если я только буду осужден. Меня очень и очень интересу-

ет, пришел ли Николаев. Ты как-то писала в одном из писем, что его ждут.

Боюсь, что Бембель Василий не в состоянии будет приехать. С ним случилось осенью несчастье — ехал на машине и сломал ногу. Ампутировали в Томске в клинике...

Я жив и здоров, крепко-крепко целую милых, родных и дорогих моих Нюшеньку, ангела моего, дорогих Люсеньку и Вовасеньку.

Ваш папа, муж Вова.

Целую, будьте здоровенькие и спокойно себя чувствуйте.

Ваш до смерти никем незаменимый папа-друг.

9 марта 1937 г.

Милая Нюша, милые дети! Родные Вовасенька и Люсеночка!

Это письмо, безусловно, вас опечалит, от вас я не могу ничего скрывать и пишу правду. Я прошу быть такими же мужественными и спокойными, как до сих пор, быть совершенно спокойными за меня.

8 и 9* состоялся суд. Мое дело разбирала спец. коллегия Крайсуда в закрытом заседании, после двухдневного разбирательства вынесла следующее решение: «В силу того, что свидетели на предварительном следствии и суде дали противоречивые показания (на следствии меня обвинявшие, а на суде меня оправдывающие), судебное дело прекратить и направить краевому прокурору на доследование, оставить содержание под стражей». Вот такое решение вынес суд. Все свидетели, опрошенные судом: Логинов, Шишко, Коландо, Андрианов, ранее в своих показаниях меня обвиняли, на суде показали другое, что они ничего не знают и т. д. Но на второй день Журомская по-прежнему начала плести черт знает что, и безусловно суд не в состоянии разрешить, потому что дополнительно вызванный Бембель К. П. показал правду, т. е. что я спасал его брата Василия, сколько выдал документов, словом, дал очень хорошие и правильные показания. Кроме того, я предоставил суду отзывы от 15 человек, меня реабилитирующие... Поэтому при наличии таких противоречий суд решил перерасследовать. Конечно, он взял под сомнение правильность следствия. Краевой прокурор при санкции передачи в суд дал такое заключение: «Следственным материалом не под-

* 8 и 9 марта.

тверждено: 1) чтобы Петровский участвовал в поимке дезертиров из колчаковской армии; 2) чтобы он был при убийстве Петроченко; 3) что должность была особо ответственная или Петровский выполнял особо ответственную или секретную работу при к-р* правительстве; 4) Петровский происходит из трудящихся, дело по обвинению его за деяния 1919 г. в силу постановления ЦИК СССР — акт об амнистии 2/XI-27 г.— подлежит прекращению». Что тебе нужно сделать? Обратиться к Вышинскому, я тоже пишу. Кроме того, как только кончится уч. год, сразу выезжайте. Обо мне еще и еще раз прошу будьте спокойны. Деньги у меня есть 500 руб., здоров, питаюсь. Сегодня отправил заявление крайпрокурору... Мне не пиши. Сообщай Сане о здоровье. ...по возможности буду вас извещать...

Нюшенька, родная, главное, я тебя прошу, чтобы ты была спокойна, ведь ничего со мной не случится. Меня страшно интересует одно. Люся мне про Шейнина и Федина написала, что они арестованы. Я это заявлял суду с тем, чтобы доказать, что жестокая расправа в Н-Черкасске надо мной проведена была ими, что они нажимали на Кривошеино о собирании на меня компрометирующих материалов, если это так, если они арестованы, значит, верно. Они — подлые изменники, меня пытались погубить. Они старались за мою смелую критику их действий.

Ну, пока, крепко, крепко целую, желаю быть здоровыми, спокойными, не отчаиваться. Кончишь учебный год, выезжай сразу, ничего лишнего не вези: ни библиотеки, ни мебели. Постепенно продавай. Целую. Ваш папа.

Письма, телеграммы буду только до востребования посылать.

Ваш папа Вова

12 марта 1937 г.

Здравствуйте, родные и милые Нюша, Люсенька и сын мой Вовася!

Я уже вам писал, какой оборот приняло мое дело. При разборе его на суде я предъявил документы (отзывы), возбудил ходатайство о допросе моих свидетелей, часть (3 чел.) были допрошены: К. Бембель, Нюнько и Сапрон дали самые лучшие показания обо мне, но дело не в этом. Дело

* Контрреволюционном.

в том, что ранее опрошенные свидетели во время следствия дали показания, меня обвиняющие, а на суде от некоторых показаний отказались, а частью заявили, что ничего плохого обо мне им не известно. Словом, по закону, если бы мое дело суд разобрал, то Логинова, Коландо, Андриянова он должен был привлечь к уголовной ответственности по 95 ст. УК за ложные показания. Так в моем деле именно и встал вопрос. Так, видимо, и будет решаться. Одна Журомская, человек, который потерял всякую совесть, павший низко, начала плести и что относится к 19 г. и к 20, 22 — все смешала в кучу. Поэтому спецколлегия встала в тупик, решать вопрос не могла, тем более три прокурора — районный, окружной и краевой дали свое заключение. Вот это очень и очень важно. Кроме того, я тебе вкратце сообщу противоречия в показаниях отдел. лиц:

На следствии Логинов заявлял, что «он был председателем чистки, и Петровский был исключен из рядов ВКП, что Петровский убил Петроченко, что Петровский порол лично крестьян»... Когда Логинову предъявили карточку, он заявил: «Это Петровский, который лично при моем участии был исключен из рядов ВКП».

На очной ставке он заявил, что во время чистки Петровского он не был, был в Молчанове и лежал в больнице, чистил Басов». На суде: о контррев. работе Петровского он ничего не знает, а только слышал (от кого — не назвал). За что Петровского исключили из партии — не знает, потому что Басова не встречал и не говорил... Коландо на следствии: «В 1919 г. Петровский ездил по району в поимке дезертиров, ходил вооруженный и в военной форме».

Он же на суде: «О контррев. работе Петровского ничего не знаю, я его узнал только в 1920 г.» На мой вопрос суду: «Почему данные следствия не соответствуют показаниям на суде?» — Коландо суду заявил: «На следствии показания дал неверные». Припертый мною сознался, что дал ложные показания.

Андриянов на следст.: «Будучи секретарем, Петровский ходил с наганом».

На суде: «В Н-А. я не жил и не знаю о его деятельности, слышал разговоры, но не помню от кого. О нагане следствию сказал неправду, видел у него в волости бульдог».

Шишко на след.: «Петровский на меня кричал нецензур. словами, называл измен. род.* и приказал посадить».

---

* Изменником родины.

На суде: «Он меня не арестовывал, а только ругал. Об аресте дезертиров слышал от Форина в 1933 г.».

Вот где разоблачается ложь, обнажена во всей ее полноте. Решением суда дело разбором приостановлено, передано крайпрокурору на доследование. Дело у него, сколько займет следствие, не знаю. Но я тут же написал заявление с категорическим требованием ускорить (но я не вижу никакой необходимости дополнит. следствия). Написал подробное заявление Вышинскому, отослал в адрес Трифоновская, 53, Марусе с просьбой передать лично. Узнай — спишись. Сегодня передал тебе перевести телеграфно 100 руб. в адрес школы и телеграмму об отправке меня на время следствия в тюрьму в Томск. Для меня пиши только на Ганю, она со мной свяжется. Деньги у меня... Договорился с Кипервасом, чтобы он... сообщил начальнику тюрьмы, там думаю устроиться работать. Тебе нужно быть абсолютно спокойной за мою судьбу. Силы для борьбы с ложью, как видишь, еще нахожу и с успехом разоблачаю. Было бы, конечно, хорошо, если бы ты могла съездить в Москву, к Вышинскому, в «Правду» к Мехлису или в Комиссию сов. контроля к Антипову. Но если не удастся, то устрой так, чтобы, как год кончишь, сразу выехали в Томск, к этому времени, видимо, я выйду там под подписку, а то, может, и раньше. Хорошо бы, чтобы ты узнала, верно ли, что Шейнин, Федин и др. привлечены к ответст. Ведь они со мной расправились, это облегчило бы еще больше мое положение. Так и нужно рассматривать...

13 марта 1937 г.

...Я требовал*:

1) Телеграфно обязать крайпрокурора закончить дело следствием.

2) Освободить меня под подписку в Томске (я не представляю никакой соц. опасности и держать на время следствия, лишив свободы, нецелесообраз. и глупо). Находясь в Томске, влиять на ход следствия я же не могу.

Нюшенька, ты исключительно малодушествуешь, причем напрасно. Конечно, прецедента волоките моему делу нет и, видимо, не будет. Второй год. Но в этом виноваты только органы, кому надлежит быстрее разобраться. И так прошу не беспокоиться за меня. Ложь все больше и больше

* В заявлении на имя Вышинского.— Письмо оборвано.

обнаруживается. В беседе с Киперваcом он говорил, что кое-кого за ложь придется привлекать к ответственности.

Это письмо пишу еще из Кривошеино. Постараюсь по приезде в Томск сообщать. Ты же пиши Гане, через нее узнавай. А кончите уч. год, выезжайте. Словом, будь мужественна и спокойна. Пойми одно, что я был и остаюсь большевиком. Мне за 18 лет работы ничего плохого не предъявляют. А если бы даже и по 169 ст. осудили, то я через месяц-два был бы на свободе. Всех коммунистов, бывш. по этой статье, освободили давно. Будешь в Москве, требуй немедленно разбора. Целую всех и прошу быть абсолютно спокойными. Я еще и еще раз говорю тебе — правды добьюсь. Уже и Логинов, и Коландо, и Шишко и др. разоблачены и уличены судом во лжи.

Ваш муж, папа Вова

... Манифест ЦИКа СССР от 2/XI—27 г. полностью снимает все деяния, совершенные в 1919 г. лицами, находящимися в белой армии, а я, ведь ты знаешь, в белой армии никогда не служил, а должность секретаря вол. зем. управы не являлась особо ответственной в период к/р правительства.

Дело в том, что я был, видимо, очень опасным для подлых предателей родины, этих бандитов в Новочеркасске, и для того,чтобы творить свои подлые дела, они постарались со мной расправиться, якобы прикрываясь тогой архибдительности. Вот где кроются все их подлости. Но они просчитались. Я с детства, с моей сознательной жизни связал свою судьбу с судьбой рабочего класса и трудящегося крестьянства. Ведь я был по законам царской России лишен всех прав и преимуществ, как незаконнорожденный сын. Я даже не имел права получить сред. образования, я не имел права работать на госуд. службе, а мне они, правда слишком неуклюже, мажут, что я защищал в 1919 г. капитализм. Какая глупость и бездарность!

Кто же это показывает? Вот серия людей, для которых ложь — их постоянная добродетель.

1. Мамаев Д.— активный участник кулацкого восстания, и в 1920 г. был за это репрессирован, на очной ставке сам сознался, что «был арестован, что ездил в Монаст. волость».

2. Мельников Анисим (Пудовка) — кулак и участник июльского восстания.

3. Селиверстов Павел (Н.Алекс) — участник кулацкого восстания, был арестован за это и сидел в тюрьме.

4. Журомская Т.— человек, выживший из ума, убила с дочерью в 1933 г. своего собственного сына, дважды судимая, а брат ее Журомский расстрелян за бандитизм, был ранее арестован за кулацкое восстание.

Кого же допросили после решения спецколлегии?

1. Богдановича, который заявил, что я в 1920 г. не был предволревкома и на других выборных должностях, а когда взяли книги актов и записей из ЗАГСА — установили мою подпись как предволревкома за 1920 г., этого не хотел делать Кипервас, но я настоял и сообщил крайпрокуратуре. Богданович — псаломщик в 1918—1920 гг. Скрыл это сам.

2. Маркина Анна заявила, что я имел связь с милиционером Тайлашским (и все), причем высказала обиду, что я обещал в 19 г. на ней жениться и не выполнил обещания!

—

11 апреля 1937 г.
Камера 7

Тов. Родионов!

Если удастся тебе выйти на свободу, то моя просьба к тебе: 1-е — написать моей жене, что я в Томской тюрьме, дело у крайпрокурора с моими документами и показаниями свидетелей 7 чел. в сторону, меня реабилитирующую. Три прокурора: районный, окружной и краевой дали по делу заключение о прекращении дела по обвинению меня за деяния 1919 г., хотя они и без этого лживы и надуманы. Стал, видимо, вопрос об авторитете нач. райНКВД и крайНКВД. Первый создал сухое дело, второй его утвердил. Это же передай в Томске.

Адреса жены: 1. Новочеркасск Азчер. края. До востребования.Петровской Анне Климентьевне.

Адрес в Томске: ул. Карла Маркса, № 13, кв. 7. Налетовой Агафье Прокофьевне.

Я исключительно признателен тебе за оказанную тобой помощь сегодня. Все можно забыть, но этого я до смерти не забуду. Пойми, что друг тот, кто в несчастье познается. У меня сейчас продукты есть. Купили из ларька и за наличный расчет. Моя забота — не знаю судьбы семьи. Жена — томичка, по окончании учебного года собирались они приехать в Томск на жительство. Это нами твердо решено,

в случае чего дайте ей Вашей жены адрес. По приезде они встретятся.

Привет, спасибо. В. Петровский.

4 мая 1937 г.

Милые Нюшенька, Люсеночек и Вовасенька!

Вы безусловно в отчаянии, что от меня нет весточки, но не от меня это все зависит.

Я жив и здоров. Прошу не беспокоиться об этом. По делу я вам писал через Ганю еще из Кривошеино в двух письмах, но я не уверен в получении их вами, хотя Ганя знает мое нахождение. 29/III я от нее получил передачу. Трудно сравнить или придумать еще большее издевательское отношение к разбору моего дела, как поступили 8—9 марта. 13/II мне вручили обвинительное заключение, а 8 и 9 марта спецколлегия разбирала в закрытом судзаседании (негласно), и мною все буквально от строчки до строчки фактами, документами и свидетельскими показаниями выдвинутые обвинения опровергнуты полностью. Больше того, даже свидетели, ими вызванные, которые ранее давали компрометирующие меня показания следствию, на суде давали показания, меня реабилитирующие. Одна полоумная Жур. нагло и беззастенчиво лгала. Вместо реабилитации, вместо прекращения дела — спецколлегия вынесла дикое решение: послать прокурору на доследование, оставив меру пресечения — содержание под стражей. В чем тут дело? Дело в том, что оправдать меня — это значит кого-то скомпрометировать, подорвать чей-то престиж, авторитет. Ведь они составляли обвинение, его утверждали и вдруг оно оказалось дутым, натянутым от начала и до конца, продуктом фантазии человека, которому нет дела добираться до истины, а составлять по лживым показаниям следствию, от которых на суде сами же отказались. Что даст доследование? Конечно, ничего, единственно, затянет следствие и разбор дела, а в связи с этим, снова томления и никому не нужные страдания невинных людей.

Я послал через Марусю заявление Вышинскому, через нач-ка тюрьмы заявление в ЦК ВКП(б), которое отправлено в Москву 26/III за № 3—138. Я через Ганю тебе писал, чтобы ты в каникулы с 1—6 апр. взяла отпуск и съездила сама в Москву и настояла на ускорении разбора, для этого я еще из Кривошеино 13/III выслал через друзей телеграфом на школу тебе сто рублей, если ты это сделала, безусловно, поможешь много мне. О письмах я даже и не

знаю, я, конечно, не получу, потому что не знаю, долго ли буду в Томске. Пиши Гане, может быть, как-нибудь от нее узнаю о вашей судьбе. Обо мне, еще и еще прошу, не беспокойтесь. Ведь я прав, а правда наверняка победит. Ведь слишком все грубо строится. Несмотря на то, что я был лишен официальной защиты, лишен права выставить свидетелей — все же ложь удалось раскрыть очень и очень много.

Теперь о житье-бытье. Кончите уч. год, выезжайте в Томск обязательно, независимо от исхода дела. Особенно прошу взять себя как следует в руки, и обо мне не беспокоиться. Я в ЦК ВКП(б) написал, что то, что проделали надо мной в Н—Черк., могут поступать и глумиться только враги народа, оказалось это действительностью, когда я узнал, что Шейнин, Федин, Бородулин и др. разоблачены, эти подлые троцкисты, то мне стало понятно, почему они так издевались надо мной. Я об этом сейчас написал в ЦК, когда узнал обо всем из писем.

Ну всего-всего наилучшего. Крепко, крепко целую моих милых, родных, дорогих. Если ты это письмо получишь, я буду очень и очень рад, хотя вероятностей мало, но случайности бывают. Ваш папа Вова. Крепко обнимаю, целую.

Встретил таких знакомых здесь, что поражен этим.

5 мая 1937 г.

Здравствуйте, мои милые, родные, мои дорогие Нюшенька, Люсеночка и Вовасенька!

Изболелась душа, что не знаю о вашем здоровье, не знаю, как живете, и что не могу сейчас ничем вам помочь. Я жив и здоров. Обо мне не беспокойтесь. Я прав, поэтому легко переживаю. Личное мужество меня не покидает, а раз так, то беспокойство только за вас, а остальное будет разбито так же, как это было разоблачено 8 марта. Одно меня крайне поражает, что ради сохранения авторитета других решили издеваться надо мной.

...Это со всей силой вскрылось на разборе. Но беда, что разбор был в закрытом заседании, где я лишен был защиты, лишен вызова и опроса свидетелей, к тому же им невыгодно было решить самим, и поэтому вынесли идиотское решение: «В силу резко противоречивых показаний свидетелей, дело разбором приостановить и послать крайпрокурору на доследование (на какое?). Меру пресечения оста-

вить — содержание под стражей». Я написал прокурору два заявления. Кроме того, написал Вышинскому, в ЦК ВКП(б), в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б), но мне нет ниоткуда ответа, а дело сейчас у краевого прокурора, время достаточно для его доследования. В чем меня обвиняют? Обвиняют в том, что я все это скрыл, вступая в партию. Значит, я скрыл не совершенные мной никогда преступления. От меня требуют, чтобы я признал не совершенные мной проступки. Это выше моих сил. Клеветать на себя я не могу. Какое идиотство! Статья Уголовного кодекса 169 ч. 2 говорит о подделке чеков, а не о нарушении устава партии. Поэтому пусть еще помышляют. Я писал и крайпрокурору и выше, что собранные материалы на меня исключительно ложные, но у нас судят по характеру записанного, а не по истине.

Прошу вас об одном, чувствуйте себя спокойно, за судьбу мою чувствуйте тоже спокойно. Доказывая истину, невинность, я черпаю неиссякаемые для этого силы. Я прав и буду добиваться правды, невзирая на недопустимые, неслыханные сроки затяжки дела. Нюшенька, родная, будь спокойна, будьте спокойны, мои родные детки, знайте, что я жертва подлой лжи, клеветы. А люди, кому надлежит вмешаться, относятся бюрократически ко всему этому. Ну, будьте здоровенькие. Целую.

Ваш папа Вова. Пишите Гане. ...не моя вина, я лишен писать, к сожалению.

22 мая 1937 г.

Милые, родные Нюшенька, Люсеночка и Вовася!

Я еще не уехал. Отправят не раньше 26/V. Попытайся получить свидание и кое-что передай из сухих продуктов. Пропуск возьми у Рыжакова. Будьте, милые, родные, здоровые. Целует вас крепко ваш папа Вова. В. П.

28 мая 1937 г.

Милая Ганя!

Привет. Я здоров. Меня 20 мая из Томска возили в Кривошеино на допрос и объявили, что дело следствием закончено, меня до суда снова 27/V отправили в томскую тюрьму. Я прошу вас, это письмо пошлите Нюре. Кроме того, я вам шлю адрес своего брата Александра.

Бакчарский район Нарымского округа

Зап.-Сиб. края, Райпотребсоюз

Александру Николаевичу Полубятко.

Напишите ему, пусть вышлет мне посылочку продуктов, потому что месяца два, наверное, придется сидеть до суда, а с питанием плохо. Напишите мне, как только получите это письмо, о моей семье, как она живет, и что думает делать Нюра после учебного года. Привет Вам. Адрес пишите так: Домзак, Иркутская, 10, след. корпус, Петровскому В. Н.

...Дело закончено, и я с ним ознакомился и меня снова до суда направили в Томскую тюрьму, а дело пошло сначала в Колпашево к окрпрокурору и окрНКВД, а затем пойдет в Н-Сибирск крайпрокурору по спецделам и НКВД и только после этого суд. Я бы уже хотел, чтобы скорее был суд, чтобы скорее осудили, то я быстрей был бы на свободе. При доследовании больше всех налгал Тимофей. Это человек, который ради подхалимства оклеветал до невозможности. Он подлец, он гнусь, нет ничего подлее в мире его.

...вы прежде всего будьте спокойны за меня, помиритесь со всем и знайте, что я не погибну, настанет час, когда я снова буду с вами. Справляйтесь через Ганю, где я. Нюшенька, я буду думать, что вы будете в Томске, поэтому я все буду посылать в адрес Гани. Я от нее получал передачи. Разрешают только 1 раз в 10 дней. Деньги у меня есть, иногда с трудом можно купить в тюрьме хлеба, но этого очень трудно добиться. Нюшенька, ведите себя очень осторожно. Не вступайте ни в какие разговоры, не зная людей...

5 июля 1937 г.

Милые и родные Нюшенька, Вовасенька и Люсеночка!

Я жив и здоров, об этом не беспокойтесь. Другое дело, что вот уже 17 месяцев безвинно страдаю, страдаете и переносите невероятные мучения и вы... Но моя невинность всегда вселяет в меня силу воли к мужественному переживанию. Беспокоюсь об одном. О вас, моих милых, моих родных. Здоровы ли? Как вы ехали, благополучно ли? Здорова ли мама? Вот все это ужасно меня волнует. Дело вторичным расследованием закончено 25 мая и услано через органы НКВД крайпрокурору по спецделам. Обвинение: сокрытие компрометирующих фактов в деятельности, якобы имевшейся в 1919 г. Все основано на исключительной

лжи и клевете Тимофея, который дошел до наглости, даже показал следствию, что в 1920 г. я предволревкома не работал!.. Подлец, он не знает того, что там же в ЗАГСЕ при райНКВД имеются книги актов и записей браков за 1920 г., на которых стоит моя подпись, как предволревкома. Поэтому-то меня решили до суда держать в тюрьме, чтобы я не мог документами опровергнуть лжи. Но если снова будет разбирать спецколлегия в моем присутствии, я потребую этого и раскрою снова, как и в первый раз, всю ложь и клевету, на меня возведенную. Нюша, походатайствуй лично перед крайпрокурором ускорения разбора дела и поставь вопрос об освобождении под подписку. Я должен был быть освобожденным, но тут дело уже принципа, и боязнь вторичного провала, как это имело место 8—9 марта. У него же можно взять и разрешение на свидание со мной, добивайтесь личного свидания. Мотивируйте длительностью. Спишись с Саней, пусть выедет. Мне, кроме питания, ничего не нужно. Остаюсь здоров, любящий вас ваш папа, муж Вова. Целую крепко-крепко всех. Бесконечно благодарю Ганю, целую. Володя.

Милая и родная Нюшенька, дорогие мои Люсеночка и Вовасенька! Здоровы ли вы? Как здоровье Люсеньки? Меня очень и очень беспокоит ее болезнь. Я здоров, чувствую себя хорошо. Хотя короткая встреча с вами, но она дала мне новую силу, новую бодрость и мужественность. Я, правда, и не допускал себя к упадничеству. Наоборот, моя правота и невиновность дает силы и мужество переносить все лишения нравственные и моральные. Меня крайне удивляет одно: почему так либерально поступает краевая прокуратура против недопустимо длительной затяжки дела Кривош. след. органами? Почему до сих пор не поняли и резко не вмешались с тем, чтобы предотвратить ту тенденциозность и пристрастность при ведении дела, а это достаточно убедительно было доказано мною на суде спецколлегии 8 марта.

Ведь все, что в течение года было собрано, на суде мною документами и свидет. показаниями разбито. Нужно было ошибку признать и исправить ее, но Кипервас ее дальнейшим ведением дела усугубляет. Это с убедительностью подтверждает, что прокуратура третий раз вернула им на доследование и опрос моих свидетелей, чего они всячески старались не выполнять, но, с другой стороны, это к лучшему.

19 августа 1937 г.

Милые Нюша, Люсенька и Вовасенька!

Шлю привет! Желаю наилучшего для жизни и работы. Я здоров, бодр и прошу вас не беспокоиться.

Нахожусь в Колпашево. Всем, что нужно, обеспечен, но у меня сейчас единственная необходимость в деньгах, руб. 50—60 нужно. Прошу телеграфом переведи на адрес: Нарым, окротдел НКВД Степанову Ал-дру Терентьевичу, для меня. Еще раз прошу, не беспокойтесь. Во всяком случае, скоро сможем работать и жить вместе. Целую всех крепко-крепко. Ваш папа Вова.

Агаф. Прокопьевна, привет! Прошу Вас, обязательно и быстрее пошлите мое письмо Нюре. Я не знаю, где они. Нюша, прошу, письмо и телеграммы пиши на имя Степанова. Все, что будет у тебя возникать трудного, обращайся телеграфно. Жду.

Через сорок пять дней после этого последнего письма Владимира Николаевича Петровского не стало. Его расстреляли 4 октября 1937 года.

ИЗ ДНЕВНИКА ЗАКЛЮЧЕННОГО

В архиве «Мемориала» хранится неприметная общая тетрадь, в которой конспекты по истории, стихи и песни, высказывания знаменитых людей чередуются с записями о себе и своей судьбе.

Это тетрадь Владимира Васильевича Мовмыго, которую передала «Мемориалу» его жена Лидия Семеновна Вебер-Мовмыго. В. В. Мовмыго родился 24 ноября 1906 г. в г. Гродно. По специальности авиатехник. В годы войны работал в авиационном училище, эвакуированном в Омск. После войны, возвращаясь поездом на Украину к родным, мимоходом обронил фразу: «Долго ли нашей страной будет править нерусский?» Это стало поводом для ареста. В заключении В. В. Мовмыго находился с 17 января 1947 г. по 25 июля 1956 г. Прошел лагеря Воркуты и Иркутской области. Вместе с И. Г. Артамоновым и И. В. Доброштаном активно участвовал в Воркутинском и Иркутском восстаниях заключенных. После освобождения жил в Новосибирске. Умер 18 апреля 1980 г.

* * *

16 июня 1955 г.

Чем объяснить гнетущее чувство, нигде не нахожу места. Шесть лет назад в этот день, шестнадцатого июня, начинался судебный процесс по второму делу. Вся картина запомнилась и свежа в памяти.

Пятый месяц нет писем от Нины, сына, гробовое молчание. Письмо Н. не облегчило, а еще больше отяготило боль сердца, болит душа, что-то необъяснимое гнетет...

Все это, мне кажется, следует объяснить общей усталостью, как физической, так и моральной, иногда появляется желание уйти, отмежеваться от всего, уединиться и не слышать гудков, железного лязга, всего громоздкого, металлического, что, кажется, давит на тебя, даже человеческие лица кажутся обременяющими.

17 июля 1955 г.

Опять предвидится дорога — хотя официальной информации по этому вопросу нет, но интуиция заключенного редко оставалась неоправданна. Принимая во внимание эти слухи, 28/7 и 2/8 передвигаем несколько вперед, чтобы отметить эти даты с И. Гр. Арт. на 19/7-55, отмечая в узком кругу товарищей.

20 июля 1955 г.

Вот и оправдана интуиция зека — двадцатое число июля, быстрые короткие сборы и погрузка в эшелон. Куда?? Это покрыто мраком неизвестности, со стороны лагерной администрации, как обычно, хитрое объяснение, удовлетворяющее массу, чтобы избежать эксцессов и гладко сбыть с рук.

В. В. Мовмыго.
Печора, 1948 г.

21 июля 1955 г.

В пути выявляется явный обман — эшелон движется строго на восток по незнакомой дороге. Видно, что построена год-два назад, впереди голая тундра, приближаются предгорья Урала, уже заметны вымоины в горах, кое-где белые полоски снега. Необычная для этих широт жара.

23 июля 1955 г.

Третий день в вагонах. Сойти отказались. Была применена грубая физическая сила в первый день по прибытии. В вагонах забаррикадировались, заклинили дверь, в течение часа солдаты ломали, взламывали двери. После, ворвавшись в вагон, выбрасывали зеков, хватая за ноги, за руки, раскачивая, как тюки, бросая на путь, стараясь отличиться перед наблюдающими офицерами ЧК. Вслед за людьми на голову летели вещи.

Упорство было крайнее. Сцепившись за руки, в зону мы идти наотрез отказались. Освирепевшие солдаты, отобранные для этой цели во главе с офицерами ст. опер. и ст. лейтенант. Остиным, избивая нас, поволокли через пути в зону. Окруженный пулеметами и автоматами эшелон бесновался, неистово кричал, требуя возвратить нас в вагон. Спустя два-три часа, видимо, боясь, что мало сил, нас вернули в вагон.

Мы требуем прокурора, он явился к вечеру, но нас не удовлетворил.

27 июля 1955 г.

Прибыл эшелон солдат, окружили плотным кольцом автоматчики и пулеметы, ворвались в вагоны и снова началось избиение, жестокая расправа. Я в числе пяти под сильным конвоем отправлен прямо с эшелона в штрафной, дальнейшее неизвестно. Жаль, что расстался с Ильей Гр. А. Здесь встретился с людьми, чувствую, что и здесь не один. Вчера прибыли с ТЕЦа — там тоже расправа. В зону ворвались с оружием. Много разбитых лбов, ломаных рук, ног. Что это — гуманность? Седьмая получила «свободу» — открыты ворота, снята охрана с вышек, но люди на работу не идут. Чем это объяснить?

28 июля 1955 г.

Четвертый день сидим в вагонах без воды и пищи. Жара ужасная, люди изнемогают, слабые начинают терять сознание. Комиссия из Москвы в лице зам. нач. ГУЛАГА Барабанова и зам. прокурора СССР не сочла нужным разбираться. Попытка вызвать на провокацию обошлась, можно считать, легко — один раненый (Черный Федя).

1 августа 1955 г.

Мы ведем жизнь безмерно тяжелую, полную невыносимого страдания и гнета, изнуряющего труда и недоедания. Жизнь без личных интересов. Личной жизни нет. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам, но в одном мы счастливее наших отцов: мы знаем опыт борьбы их, однако вести ее далеко труднее.

30 октября 1955 г.

Последние дни перед отъездом из Воркуты. Сегодня 30 октября. С шахт прибывают все еще люди, неугодные на взгляд... Направление этапа точно неизвестно, ходит множество предположений: Потьма, Караганда, Тайшет, но ничего точного. Настроение у всех хорошее, всем надоело быть в Воркуте, и каждый не прочь ускользнуть, ибо уверен, что худшего климата ему вряд ли придется встретить.

Воркутинский климат вызывает заболевания сердца, гипертонию и уносит вообще много здоровья.

2 ноября 1955 г.

Последний день в Заполярной Воркуте. Скорей бы, скорей вырваться из этих диких просторов, тундры, вечной мерзлоты, где подчас не успеваешь заметить и лета, так оно бывает коротко, иной год теплых дней не более 7—12.

А в этом году необычайно долго тянется тепло, снег выпал позднее обычного, что заметно не только старожилам, но и нам, кто пробыл в этих широтах десять, двенадцать, пятнадцать лет, неся ярмо...

Ночь второе на третье ноября. Садимся в вагоны. День простояли в тупике. Тронулись. Позади остаются дымящиеся Терреконники со своими красными и синенькими огнями. Исчезли Воркута и ее пригороды, кругом пустынная, заснеженная тундра. И монотонное сухое постукивание колес по рельсам промерзшей почвы.

Четвертого проехали Печору. Узнать ее уже нельзя, это не та Печора, когда я прибыл в нее в 1947 г., она только заложена была; стояло несколько стандартных домов среди просеки, пней и редких, беспорядочно разбросанных сосен и елей. Кругом строит. материалы, вышки охраны. Сейчас это упорядоченный город, оформились улицы, палисадники, приличный вокзал, город с избытком освещен. В строительство его вложена и моя каторжная лепта. Место трудно узнать. Исчезли вышки, как будто их и не было, город преобразился и принял свой облик.

Тундра сменилась тайгой. По обочинам ж. д. потянулись еловые леса. Седьмого ноября прибыли в Киров. Здесь пришлось столкнуться с неприятностью. Наскочили на хвост впереди идущего поезда, смяли восемь вагонов, обошлось все благополучно, без жертв. В пути не обошлось без инцидента — в одном из вагонов был ремень...

Восьмого прибыли в Молотов (Пермь). В пути много интересного. Нельзя не признать, что после войны многое изменилось, преобразовалось в лучшем виде, стало мощнее, выросло и приятнее ласкает глаз. Виднеются новые заводские трубы, много высится новых зданий, исчезли следы разрухи после войны. Всюду высятся на новостройках башенные краны. Но наряду с этим далеко еще неприглядно выглядят колхозные стройки, говорящие сами за себя покосившимися избами, пустынными и разгороженными дворами.

Проехали гористый Урал, и перед нами раскинулись широкие просторы знакомой Азии. Петропавловск на стыке Казахстана и Сибири с ее перелесками и степями. Простор, редкие селения, здоровый климат. Омск, Новосибирск совершенно преобразились, стали неузнаваемы. На прогоне Омск — Новосибирск ходят электропоезда, линия строится дальше к Уралу. Новосибирск стал одним из культурных центров сибирских городов. Ночью утопает в море огней. Его пригород стирается — за ним вырастают массивные многоэтажные каменные здания. Много хорошего...

26 ноября 1955 г.

Иркутск.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

Лучше смерть в бою, чем жалкое существование в неволе.

— Подымется мститель суровый
И будет он нас посильней...

3 апреля 1956 г.

Много ли человеку нужно, чтобы нарушить и без того расстроенный ритм его жалких будней. Унижен. Отнято у тебя все буквально: воля, семья — все, что определяет понятие — жизнь... Сегодня четвертый день не нахожу места, письмо сына пришло. Столько печали, тревог. Вера молчит. Но я знаю, что ей тяжело одной, без достаточных средств, чтобы подкрепить Виктора, а ты можешь быть лишь жалким свидетелем...

Господи, неужели ты отвернулся? Жизнь только может быть построена заново...

31 мая 1956 г.

Хочется выразить многое. Настало время, когда мыслей много.От каждого дня чего-то ждешь, ждешь судьбы своего дальнейшего. От В. писем нет. Связи семейных уз давно нарушены, долгие годы стерли те скрепляющие основы, на чем базируется семья. Одиночество тягостно, друга возродить нелегко. Не в каждом человеке, в ком искал, чтобы

разделить свой жизненный путь, ты находишь друга, вполне понимающего тебя и разделяющего твои радости и невзгоды, облегчающего своим ласковым словом каменной глыбой придавленную душу. Тревоги о Викторе не оставляют, а писем нет. Разлука выхолодила чувства к отцу, бедный мой мальчик, ты не знаешь, что такое ласка отца, его забота... Все омрачает, тоскливо, одни письма Л.С. вселяют столько хорошего, ласкового внимания, бодрят, а ведь и этот человек обойден дарами жизни, изведал столько тернистого в жизни пути, невзгод и огорчений. Да, ты прав, мой дорогой друг, тяжело жить в окружении тех, кто живет так, как должен был бы жить и ты, если бы горькая судьба не встретила тебя. Правильно гласят чьи-то слова: «Подлинное испытание состоит в страдании и счастье, и, только изведав в жизни на своем пути и то, и другое, два существа,сумевшие проявить себя — свои недостатки и свои достоинства — и изучив характеры друг друга, дойдут рука об руку до могилы». Я ценю и уважаю тебя, и мне становится легче, когда искренне, задушевно делюсь с тобой...

Прошел год. Завтра 16 июня 1956 г.

Оживление. Завтра уходим на этап ближе к Тайшету. Решается судьба, кому улыбнется фортуна, кто обнимет свою старушку мать. Счастлив тот, кого обожгут заждавшиеся детские поцелуи.

27 июня 1956 года

Прошло десять дней после того, как выехали с 308. Новое место совершенно разрушено, разбито, лагерь был намечен для актирования. Кое-как устроились, постепенно все наладилось и как будто уже здесь давно. Мы прибыли первыми. Люди продолжают поступать. Вчера прибыли с 043. Комиссии все еще нет. Чем порадует она? Как хочется на волю, именно сейчас — летом, когда все живет под согревающими лучами летнего солнца. Сколько уже лет не пробовал свежих овощей...

26 июля 1956 г.

Вихоревка, ОЛП* 013

Новая страница в жизни — от существования к жизни. Сколько тревог-переживаний. Радость. Мысли роятся без

* ОЛП — отдельный лагерный пункт.

конца. Исчез сон. Я здесь, а душа далеко в кругу родных. Второй десяток лет разделяет нас. Не всякому понятны эти короткие переживания души. Я не мечтал, не ждал. 23 июля получил нежданную свободу. Короткие сборы. Сегодня на 013-ом, откуда в путь к родным, к свободному труду, к свободному — не из-под штыка. А вот и лес, река, иду свободно, куда хочу, как отвык от этого обычного. Сзади нет автоматчика, собаки. Река, лес, как легко дышится, как приятно в реке. Но впереди еще будут трудности. «Новая», забытая давно жизнь, иные заботы... Чувствуешь ли ты, моя старенькая мама, что я обниму тебя со слезами радости, обниму без меня выросшего сына? Господи, сколько сил ты даешь мне. Впереди путь в самое лучшее время года, далекий долгий путь, но радостный...

27 июля 1956 г.

В пути Лена — Красноярск.

Позади остается Ленская магистраль. Не так давно здесь была дремучая тайга. Чудная, богатая природа суровой Сибири со здоровой, сухой и морозной зимою и жарким летом. Здесь начинается кипучая жизнь за овладение Ангарских вод. Жизнь со своими обычными причудами новостроек... разнообразием мод, несет свои разнообразные пережитки дикости..., где были непроходимые леса, ютятся, местами переходят в бурный рост, поселки.

1 августа 1956 г.

Снова путь — Чаны. Эти дни останутся в памяти как лучшие, хотя столько тревог-переживаний и радости. Я все же не ошибался в человеке десять лет тому назад. Какой прекрасной души Л. С., чем я заслужил эту чуткость? За что?

ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Утверждено Заседанием Комиссии
«2» августа 1930 г. прот. №

Инструкция № 5
о порядке оплаты труда и условиях работы спецпереселенцев, работающих в хозорганах

1. На спецпереселенцев, работающих в хозорганах, в отношении снабжения их продовольствием, спецодеждой, промтоварами и коммунальными услугами (общежития и проч.), распространяются все нормы, предусмотренные для вольнонаемных рабочих.

2. Заработную плату спецпереселенцы получают непосредственно от хозоргана по тарифным ставкам и соответствующим исполняемой работе разрядам и в сроки, установленные для вольнонаемных рабочих...

. . . . . .

5. Для спецпереселенцев при добросовестном отношении к работе устанавливается 8-ми часовой рабочий день.

6. В случаях невыполнения установленных для вольнонаемных рабочих норм выработки, начиная со следующего дня, рабочий день, распоряжением старшего охраны, увеличивается до 10 часов.

7. Рабочий день до 10 часов увеличивается и в случаях симуляции, небрежного отношения к инструменту, инвентарю и при наличии недоброкачественной работы.

8. Кроме указанных случаев, рабочий день до 10 часов и выше может быть увеличен по желанию самих работающих.

9. На работах спецпереселенцам, не допускающим нарушений, указанных в п. 6 и 7 настоящ. инструкц., предоставляется право, в соответствии с условиями работы, свободного подбора рабочих групп или бригад, но в каждом отдельном случае обязательно с ведома старшего охраны.

10. Наблюдение за замерами и подсчетами при сдаче сдельных или аккордных работ администрации хозоргана возлагается на охрану, представитель охраны подписывает все ведомости и акты замеров.

11. В случаях конфликта спор разрешается только с участием старшего охраны.

12. Допустившие нарушения, предусмотренные п.п. 6 и 7 Инструкции, сводятся на работы в штрафные группы или бригады на срок от 3 до 5 дней и определяются распоряжением старшего охраны на более тяжелые работы с усиленным конвоем и с обязательным отчислением 25% от заработка за все время нахождения в штрафной группе независимо от размера заработка.

13. В случаях побега с работ или отлучек за пределы территории, установленной старшим охраны, а также систематические нарушения п. 6 и 7 Инструкции виновные немедленно снимаются с работы с преданием суду по 82 ст. УК или этапным порядком направляются на поселение на далекий Север — Туруханский край (Игарка).

14. В каждой группе или бригаде работающих устанавливается круговая порука с последствиями, в случаях побегов одного или нескольких человек из группы или бригады для всей группы или бригады, предусмотренными п. 13 Инструкции.

Начальник комендантского
отдела СКАУ *Конопелько*

1/VIII — 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЕ*

Данная инструкция была разработана Комиссией Сибкрайисполкома по устройству и хозяйственному использованию спецпереселенцев. Несмотря на подробное обоснование необходимости приравнять спецпереселенцев по оплате труда и условиям работы к вольнонаемным рабочим, эта установка никогда не выполнялась. Напротив, документы начала 30-х годов переполнены фактами вопиющих нарушений в оплате и режиме труда спецпереселенцев. Однако во всех случаях СИБЛАГ регулярно контролировал взимание с заработков процентных отчислений, поскольку они шли на счет СИБЛАГа. Не менее жестко исполнялась вторая часть инструкции — о штрафах и санкциях по отношению к «недобросовестным» работникам, в число которых могли попадать больные, беременные жен-

* Все примечания к документам о спецпереселенцах подготовлены С. Красильниковым.

щины, продолжающие работать из-за пайка, и т. д. Для предотвращения побегов вводился принцип круговой поруки. Все это вместе взятое характеризует труд спецпереселенцев как разновидность труда принудительного и никак не исправительного, о чем говорилось официально.

Р С Ф С Р
КОМЕНДАНТСКИЙ ОТДЕЛ
Западносибирского
исполнительного комитета
25.III.31 г.
№ 71/с
г. Новосибирск

КРАЙИСПОЛКОМУ

К о п и я: *ПП ОГПУ тов. ЗАКОВСКОМУ*
КрайЗУ

Начальника Комендантского
Управления ЗСКИК

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Об организации совхоза на Галке.

Операция заселения Нарымского края и освоения его спецпереселенцами производилась до сего времени, минуя бассейн р. Галки, находившейся в сфере влияния быв. РПУ*, в т. ч. Галкинский массив оставался как бы в кольце наших комендатур — Шегарке, Парбиге, Тои, а на самой Галке временно была расположена небольшая группа наших хозяйств, долженствующих быть переведенными на север. Вследствие этого обширные «Галкинские Гривы» площадью в 70—75 тысяч га, могущие при известных затратах быть приспособленными к эксплуатации в сельском хозяйстве, находящиеся в абсолютном несоприкосновении с туземным населением, оставались почти неиспользованными. Однако, обладая обширными пространствами гарей площадей, легко поддающихся раскорчевке, имея большое количество чистых мест, требующих незначительной очистки, превосходя другие районы Нарымского края превосходными почвенными свойствами, обеспечивая в широких размерах произрастание маслотехнических культур и даже пшеницы, предоставляя скоту, даже на первое время, удовлетворительный подножный корм, обеспечивая в обширных размерах занятие пчеловодством, охотой, рыболовством, предоставляя большой лесной фонд для технической и химической его переработки, занимая в нашей дислокации центральное географическое положение,— Галкинские Гривы представляют собой плацдарм, на котором мы можем развить мощное показательное земледельческо-льня-

* РПУ — районное переселенческое управление.

ное и скотоводо-коневодческое хозяйство, могущие питать продовольствием, семенами, рогатым скотом, породистыми лошадьми, свиньями, продуктами молочного хозяйства, медом и кустарными изделиями не только наши комендатуры, но также и весь Нарымский край. Географическое положение Галки предоставляет ей в настоящее время исходный пункт, откуда, с одной стороны, на восток, прокладывается тракт Томск — Галка на протяжении 240 км, причем заново должно быть проложено 40 км расстояния, а с другой стороны, на запад, через наши Андарминские фонды, Парбигскую комендатуру до Кенги — 100 км и далее до Шерстобитовской комендатуры на Чузике, и в перспективе продолжение пути на Васюганье, объединяя таким образом большинство наших комендатур и создавая связь в непроходимых пространствах и между важными по своим колонизационным перспективам пунктам, отрезанным друг от друга болотами и тайгой.

Имея задание составления промфинплана прямо на месте, настоящим излагаем в схематической форме производственную программу по Галкинскому совхозу-комбинату с 1-го апреля по 1 декабря 1931 г. Виды хозяйственной деятельности следующие:

1. сельское хозяйство,
2. скотоводство,
3. коневодство,
4. молочная ферма,
5. свиноводство,
6. пчеловодство,
7. строительство,
8. дорожное строительство и
9. разные кустарные производства.

...Таким образом, вкладывая в этом году около 700 тысяч руб., Комендантское управление создает экономическо-культурный центр на севере. Проведение же таких громадных работ возможно только при заброске на Галку 6—8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев и жесткой эксплуатации их в течение двух-трех лет, т. к. для того, чтобы проложить дорогу, осушать болота, произвести раскорчевку гарей и рек, сделать их судоходными, потребуется колоссальная затрата человеческого труда, и только в этом случае возможно ожидать, что все капиталовложения будут возвращены сторицей, а труд, затраченный на обработку, оживит север и даст громадный толчок к колонизации и освоению севера в направлении Васюгана. Для осуществления всего намеченного Комендантский Отдел уже

Один из поселков Парабельской комендатуры.

приступил к заброске на Галку спецпереселенцев. Помимо выселяемых, Комендантский Отдел намерен в мае месяце собрать на 3 года тылоополченцев* из всех северных комендатур, каковых наберется 500 человек.

Докладывая о деятельности и принципиальности направления хозяйства совхоза, прошу рассмотреть и санкционировать наши мероприятия.

Начальник Комендантского Отдела *Долгих*

25.III—31 г.
г. Новосибирск

ПРИМЕЧАНИЕ

В документе опущены расчетные цифры капиталовложений для организации Галкинского совхоза.

Докладная записка об организации силами спецпереселенцев совхоза-гиганта на территории «Галкинские Гривы» (территория нынешнего Бакчарского района Томской области) не случайно родилась в недрах Комендантского отдела Запсибкрайисполкома. Отдел, занимавшийся вопросами размещения и хозяйственного использования раскулаченных семей, являлся в 1930-м,— нач. 1931 г. связующим звеном между СИБЛАГом и краевой властью. Через некоторое время его функции перешли к СИБЛАГу. И. И. Долгих, зарекомендовавший себя инициативным работником,

* Речь идет о 3-х призывных годах.

Снимок «на память».
Комендант поселка с детьми спецпереселенцев.

стал помощником начальника СИБЛАГа, а с весны 1933 г. сделался начальником самостоятельного ведомства — Отдела трудовых поселений (так стали называться поселки спецпереселенцев) ОГПУ — НКВД.

Сама же реализация кабинетно-бюрократического проекта полна трагедийных моментов. До конца последовательно воплощался только один тезис — «жесткая эксплуатация 6-8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев в течение двух-трех лет». Вручную через Бакчарские болота прокладывалась дорога от Томска до Галки, осуществлялась изнуряющая раскорчевка сотен гектаров территории, создавалась инфраструктура (хозяйственные и жилые постройки), завозился племенной скот. Масштабы потерь в населении Галкинской комендатуры отражают «издержки» режима спецпоселений: с осени 1931 г. по осень 1932 г. численность уменьшилась с 7,4 тыс. человек до 5,9 тыс. человек (примерно на 20%). Не случайно руководство СИБЛАГа в срочном порядке перебросило 1000 семей из Парбигской комендатуры в Галкинскую. И хотя в последующие годы численность комендатуры была доведена до 11—12 тыс. человек, работы по созданию образцово-показательного СИБЛАГовского совхоза так и не были завершены, а название «Галка» в среде спецпереселенцев других комендатур было нарицательным символом бессмысленной эксплуатации человеческого труда.

Штамп Сиблага
Отдел оргинспектора
« » июня 1933 г.
№ СМ—22—690
г. Новосибирск

СЕКРЕТНО
В Западно-Сибирскую
Краевую Контрольную
Комиссию ВКП (б) —
Рабоче-Крестьянскую инспекцию

На служебную записку № 10—02 от 9.5.33 г.
Копия: Коменданту участковой Комендатуры

Согласно директивам центра трудопоселенцы имеют право вступать в брак с правовыми гражданами. Однако

Детский дом в Нарымском крае.

такое вступление в брак нисколько не меняет правового положения супруга из трудпоселенцев.

Вследствие этого трудпоселенцы (нки), вступившие в брак с правовыми гражданками (нами), должны тем не менее проживать в трудпоселках, о чем Сиблагом дано указание Комендатурам ОГПУ № ОИ—21—762 от 20.XI.32 г.

Ввиду этого сельсоветы, выселяющие трудпоселенок, как жен колхозников, по существу правы.

В тех случаях, когда такие трудпоселенки своим поведением и отношением к труду заслужили восстановления в избирательных правах, им надлежит возбудить через свою Комендатуру ходатайство о восстановлении в правах, до удовлетворения которого они, однако, правом проживания вне трудпоселков не пользуются.

Дети от брака т/п с правовыми гражданами (нками) следуют состоянию того родителя, на иждивении которого находятся.

Вследствие этого, дети, находящиеся на иждивении правового родителя, должны быть отнесены к категории правового населения и выселению из старожильческих поселков не подлежат.

Пом. Нач. Сиблага ОГПУ — Долгих
Ст. инспектор по оргработе — Буробин

ПРИМЕЧАНИЕ

Служебная записка, направленная СИБЛАГом в советские органы и комендантам всех участковых комендатур летом 1933 г., рельефно вскрывает сложившееся положение в области гражданских (юридических) прав, а точнее — практического отсутствия таковых у спецпереселенцев, которые с весны 1933 г. стали в документах официально именоваться «трудпоселенцы». Таким было общество тридцатых годов, где пропасть между «правовыми» и остальными («неправовыми») гражданами пролегала и через семьи. Если отбросить в сторону процедурные разъяснения записки и обнажить суть дела, то ясно, что вступавший в брак со спецпереселенцем фактически обрекался на существование в режиме спецпоселений. Шансы восстановления в правах у раскулаченных появились только во второй половине тридцатых годов. Однако, и добившись «правового» положения, многие оставались жить там же, ограниченные в передвижении отсутствием документов.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

ПОПОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Родился в г. Ворошилово Уссурийской области (бывший г. Никольск-Уссурийск Дальневосточного края) в семье железнодорожного служащего. Детство писателя прошло в г. Барнауле, где его отец, бросив службу, решил «осесть на земле». На Булыгинской заимке, недалеко от Барнаула, отец завел опытное садово-огородническое хозяйство. Однако жизненные планы Б. Н. Попова были далеки от сельского хозяйства. Он посвящает себя культурно-просветительной работе. Юность Попова связана с Барнаульским Пролеткультом. В 20-е гг. он начинает пробовать себя в журналистике. В газете «Красная Ойротия» появляются его первые очерки. 17 ноября 1937 г. Б. Н. Попов был обвинен в контрреволюционной деятельности, заключен в тюрьму, где находился под следствием около года. 21 сентября 1938 г. освобожден за отсутствием доказательств по предъявленным обвинениям.

Дальнейшая его жизнь связана с Горным Алтаем. Много лет он отдает становлению и развитию радиовещания в Ойротии. В начале 40-х гг. Попов возглавляет горно-алтайский радиокомитет. Последние годы жизни Б. Н. Попова проходят в Новосибирске. Здесь выходят его книги: «Кир из Порт-Артура», «Это ты, молодость», «Лук батыров», «Рост», «Черный топаз». Неопубликованным остался роман Попова «Горький год», в котором нашли отражение факты биографии писателя, связанные с его необоснованным арестом в 1937 г.

В ОЙРОТСКИЙ ОБКОМ ВКП(б)
от члена ВКП(б) Попова Бориса Николаевича,
партбилет № 4295068.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

По поводу моего ареста и нахождения под следствием по линии НКВД в 1937—38 годах в дополнение к автобиографии сообщаю следующее:

17 ноября 1937 года я был вызван с работы (в Радиокомитете) по телефону в Облуправление НКВД старшим оперуполномоченным Хусундиновым. В управлении Хусундинов поручил заняться со мной лейтенанту Автухову, который в своем кабинете в присутствии двух коммунисток — Сороковых и Мацкевич предъявил мне ордер на арест. Все мои возражения ни к чему не привели. Я был заключен в ДПЗ*, а через два дня меня вызвал тот же Хусунди-

* ДПЗ — дом предварительного заключения.

Б. Н. Попов.

нов и в присутствии тогдашнего начальника Облуправления Дигунова начал допрос, предъявив обвинение по статье 58, пункты 3-7-11 УК РСФСР. Не оперируя никакими следственными доказательствами, не имея даже перед собой какого-либо «дела», Хусундиновым и Жигуновым мне предложено «сознаться» в том, что я состою в контрреволюционной повстанческой организации, целью которой является отторжение территории Ойротии в пользу иностранного государства (какого именно — неизвестно).

Все мои доводы о нелепости такого обвинения и требования документальных доказательств или свидетельских показаний во внимание не принимались ни в первый, ни в последующие допросы. Предлагалось сознаться без каких-либо четких формулировок в чем именно. Сами допросы проходили в обстановке применения законных и незаконных методов следствия (Хусундинов и Жигунов являлись мастерами по части последних).

В один из допросов мне было предложено подписать написанные кем-то «мои показания». Я отказался. Нажим начался еще сильнее. Наконец, взбесившись от непереносимых унижений и оскорблений, я решил «отыграться» и... дал согласие написать показания, но, выполняя указание «написать политературнее», сдал Хусундинову через секретаря Облуправления НКВД Василенко «повесть о «враге народа» и делишках горбатого урода» (Хусундинов был горбатым), написанную в райешной форме. За эту «повесть» был избит и посажен в карцер с «коптилкой» на 15 суток. В карцере заболел — отнялись ноги. Допросы на этом прекратились.

14 декабря 1937 года меня перевели в тюрьму Кызыл-Озек, где я пробыл в следственном корпусе, ни разу не вызывавшись на дальнейшие допросы до 21 сентября 1938 го-

да. (В тюрьме заболел сыпным тифом.) При проведении своеобразной инвентаризации заключенных в мае 1938 года оказалось, что я ни в каких списках заключенных не числился, и меня тогда занесли явочным порядком. Никаких устных и письменных протестов и жалоб ни в какие адреса не принималось, на объявленную голодовку приезда прокурора не последовало также.

21 сентября 1938 года меня вновь перевели в ДПЗ Облуправления НКВД, и в эту же ночь я был вызван к тогдашнему начальнику Облуправления Буторину. После получасовой беседы на тему о типах, характерах и «категориях» заключенных и моего категорического требования предъявить мне какие-либо доказательства по тем обвинениям, которые мне предъявлялись, в кабинет Буторин затребовал мои вещи, и я был выпущен «на волю», не получив даже на руки справки об освобождении из-под стражи. Такую справку уже по моей просьбе выдал мне дня через 3—4 комендант управления Лужцев.

Вот такая краткая история моего «подследственного периода».

До сих пор я не знаю, кому именно обязан в этом десятимесячном «отдыхе». Кто дал клеветнические показания и каковы они — также не знаю, потому что никаких материалов мне по ходу следствия не предъявлялось.

Единственной моей догадкой является то, что с Хусундиновым до ареста у меня был ряд столкновений по работе в горисполкоме и в отделе искусств, а будучи чрезвычайно мстительным типом, законченно аморальным существом, он мог просто в порядке отместки «засадить» меня, благо обстановка для него тогда была вполне благоприятной.

Член ВКП(б) */ Б. Попов /*

25/XII—43 г.

ТРУС СОЛОМОН МОИСЕЕВИЧ

Приговор
Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БАССР
в составе председательствующего Хебирова С. Н.
и народных заседателей Нехаева и Голубева
при секретаре Гареевой
с участием прокурора Шиндова
и адвоката Ежова
рассмотрела в закрытом судебном заседании в городе Уфе 12 декабря 1951 г.

Дело по обвинению Труса Соломона Моисеевича 1897 г. рождения, уроженца гор. Брянска, из семьи кустаря-шапошника, по национальности еврея, бывшего члена ВКП(б), исключенного в 1938 г.за участие в троцкистской группировке, имеющего высшее образование, по профессии преподавателя истории, женатого, участника отечественной войны, имеющего правительственные награды: орден «Красная Звезда», медаль «За победу над Германией», ранее не судимого, до ареста жителя гор. Уфы, БАССР, нигде не работавшего, обвиняющегося по ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР.

Данными предварительного и судебного следствий,

УСТАНОВИЛА:

Трус С. М. с 1916 г. по 1920 год состоял членом «Бунда». В 1938 году то, что он скрыл эту принадлежность, а также за скрытие своего участия в 1923 году в троцкистской группировке из рядов ВКП(б) исключен.

После Великой Отечественной войны проживал в гор. Уфе и, будучи враждебно настроен к Советской власти и ВКП(б), используя национальные предрассудки, систематически среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, клеветал на внешнюю, внутреннюю и национальную политику Советского правительства и ВКП(б), вел пропаганду новой войны.

А именно:

В марте месяце 1951 г. в беседе с гр-ном Шнеером клеветал на национальную политику Советского правительства и ВКП(б) и утверждал, что Советское правительство и ВКП(б) якобы проводят насильственную ассимиляцию нерусских национальностей и истребление неславянских народностей.

С. М. Трус.

При этой же беседе восхвалял предателя югославского народа Тито и им установленный в Югославии режим и высказывал клеветнические суждения по адресу одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства и, кроме того, высказывал резкие националистические суждения, утверждая, что одну из национальностей СССР уничтожает только две силы — фашизм и коммунизм...

В апреле 1951 г. высказывал явно провокационные измышления по адресу Советского правительства.

В апреле же месяце 1951 г. в беседах с Шнеером возводил клевету на советскую науку, социалистический строй, на руководителей Советского правительства и ВКП(б).

В мае месяце 1951 г. при беседе с гр-нами Гринбоим, Сигал, Мордухович, Шнеер и другими высказывал антисоветские националистические суждения, возводил клевету на внешнюю политику Советского правительства, обвинял СССР в агрессии против капиталистических стран.

(л.д. 52, 54, 59, 120, 131, 137 и протокол судебного следствия)

Своими действиями Трус совершил преступление, предусмотренное ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР.

По существу предъявленного обвинения Трус виновным себя признал, однако пояснял, что контрреволюционная пропаганда и агитация, антисоветские разговоры среди своих знакомых им велись без использования национальных предрассудков.

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических Республик

СПРАВКА

[illegible] 1962 г.

№ 02-[illegible]-5160-56

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 мая 1962 года приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Башкирской АССР от 12 декабря 1951 года, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 17 января 1952 года, постановление Президиума того же Верховного суда от 6 декабря 1954 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 декабря 1956 года в отношении ТРУСА Соломона Моисеевича, 1897 года рождения отменены и дело в отношении его производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, т.е. ТРУС С.М. по данному делу реабилитирован.

Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР

(Г. [illegible])

Справка о реабилитации С. М. Труса. 1962 г.

Коллегия считает эти доводы не обоснованными, т. к. конкретным и непосредственным объектом антисоветских и контрреволюционных высказываний были люди из одной и той же национальности, причем почти все вопросы, о которых высказывал Трус свои антисоветские суждения, касались национальной политики Советского правительства и ВКП(б). Кроме того, высказывания Труса были направлены исключительно вызвать недовольство национальной политикой Советского правительства и ВКП(б).

Виновность Труса С. М. полностью доказана показаниями свидетелей Шнеер, Гринбоим, Сигал и Мордухович и признанием самого Труса.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 319, 320, 326 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛА:

Труса Соломона Моисеевича на основании ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26/V-47 г. «Об отмене смертной казни» — подвергнуть заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на двадцать пять (25) лет с поражением в избирательных правах на пять (5) лет с конфискацией имущества.

Меру пресечения не изменять — Труса С. М. содержать под стражей в Уфимской тюрьме № 1 МВД, БАССР.

Срок отбытия меры наказания исчислять с 29 мая 1951 года.

Взыскать с Труса С. М. в пользу 2 юрконсультации гор. Уфы, за выступление адвоката Ежова гонорар — двести пятьдесят (250) руб.

Приговор может быть обжалован в УСК Верховного Суда РСФСР в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора.

Председательствующий *Хабиров*
Нарзаседатели: *1. Голубев*
2. Нехаев

Председатель
Верховного Суда БАССР *Сайгариев*

ЯРКОВ ПЕТР САВЕЛЬЕВИЧ

Автобиография

Родился я 18 декабря 1883 года в Пермской губернии Соликамского уезда Белоевской волости, деревне Пруд-Дор в крестьянской семье. Окончил сельское начальное училище (3-х классное) в 1896 году.

В 1900 году в июне м-це переехали в Сибирь и 8 июля того же года приехали в село Маслянино, тогда была Николаевская волость, а в настоящее время Маслянинский район.

По приезде в Сибирь через полгода отец умер и на моем иждивении осталось малолетних сестер и братьев 4 и пятая мать, ввиду чего пришлось батрачить в селе Маслянино до 1905 года.

В 1905 году был взят на действительную военную службу и был увезен в город Харбин и зачислен в 15-й Вост.-Сибирский стрелковый полк. В начале 1907 года переехали в г. Читу Забайкальской области, где и кончил военную службу в конце 1908 года.

В начале 1909 года поступил на Забайкальскую железную дорогу на станцию Карымская в качестве стрелочника, где проработал до мая м-ца 1911 года.

В мае месяце 1911 года уехал на новостроящуюся Амурскую железную дорогу и поступил на пристань Игнашино на реке Амур помощником кладовщика. В сентябре 1911 года уволился с пристани Игнашино и в октябре месяце приехал в с. Маслянино. В ноябре месяце поступил на работу в Талицкое лесничество, временно исполнял обязанности делопроизводителя.

С 1 января 1912 г. старшим арендным объездчиком того же лесничества и с 1 января 1913 года старшим лесным объездчиком во вновь организованном Егорьевском лесничестве работал по день мобилизации 20 июля 1914 года. В империалистическую войну был кадровым взводным командиром в 17-м Сиб. запасном батальоне 14 месяцев, в звании старшего унтер-офицера, и 2 года на фронте. Февральская революция застала на Румынском фронте, был избран в батальонный комитет и позднее в местечковый комитет по выборам в Учредительное собрание.

С Румынского фронта уволился домой по демобилизации в начале 1918 года. С 1 марта 1918 года по 15 авгу-

ста того же года работал в дер. Черноречка Койновской волости (ныне Искитимский цемзавод), заведовал лесопильной рамой у акционерного общества Алтайских фабрик и заводов, по свержении Советской власти был уволен как ненадежный с предприятия.

П. С. Ярков.

С августа 1918 г. проживал в Маслянине, в своем хозяйстве с братьями. 28 ноября 1919 г. в Маслянине была свергнута колчаковская власть, и я был избран в волостной революционный комитет (Волревком) в числе трех человек.

Во время отступления колчаковской армии 18 декабря последней арьергардной частью я был захвачен как скрывающийся и увезен до деревни Суенги, но при дознании маслянинские подводчики все показали в мою пользу, ввиду чего только и удалось вырваться из колчаковских лап живым.

Из Волревкома с 1 марта 1920 г. поступил на учительские курсы в г. Барнауле, которые не окончил по причине, что был поражен молнией, повредило зрение.

С 1 сентября 1920 г. по 30 сентября 1921 г. был инструктором политпросвета Барнаульского Унаробраза.

С 8 октября 1921 г. по 15 июня 1922 г.— в Черепановской заготконторе делопроизводителем при инспекторском Бюро. С 21 сентября того же года по 10 января 1923 г. конторщиком той же заготконторы. С 15 февраля по 1 мая 1923 г. делопроизводителем общего отдела Маслянинского Волисполкома.

С 15 августа 1923 г. в Маслянинском кредитном товариществе приемщиком зерна по 1 февраля 1924 г.

18 декабря 1924 г. выборная должность председателя Маслянинской маслоартели по 15 января 1927 года.

С 15 сентября 1927 г. кассиром Маслянинского кредитного товарищества по 15 января 1928 г.

С 10 мая 1928 г. кассиром Маслянинского РИКа по 28 апреля 1930 г., с ликвидацией кассы в РИКе и передачей функции сбора денег через кредитные товарищества я был переведен старшим кассиром Маслянинского Кредитного Товарищества и на этой должности работал до ликвидации кредитных товариществ, т. е. до 18 февраля 1931 г.

С передачей функции Кредитного Товарищества Государственному Банку я был назначен старшим кассиром вновь открытого Маслянинского Отделения Государственного Банка, где и работаю по настоящее время.

22.III.35 г. К сему: подпись */Ярков/*

С 5 июня с. г. работаю инспектором по колхозным работам (из справки).

3.VIII.35 г.

Маслянино 7-го марта 1938 г.

Камера № 4.

Детям и жене Яркова Петра Савельевича

Я ваш отец, а жене муж, Ярков Петр Савельевич был взят из квартиры под стражу, т. е. арестован, 12 февраля 1938 г. и в течение четырех суток ничего не объявляли, за что арестован. На 5-й день вызвали в канцелярию отделения НКВД, заполнили вопросник с моих слов — где родился, состав семьи, где работал в последнее время. Этим первый допрос был закончен. Ровно через сутки, ночью, был вызван вторично уже для подписи написанного протокола допроса, написанного на пяти листах и ни одного слова правды, а составлено все вымышленно.

По составленному «дознанию», что я будто бы был завербован в 1936 году одним попом (фамилию которого не помню) в контрреволюционную монархическую группу, что я будто бы должен буду руководить повстанческой группой в случае возникновения войны против Советского Союза со стороны Германии или Японии. Для этого будто бы я завербовал много лиц, в том числе Высоцкого, Пайвинских из Боркова, которых я совершенно не знал, и они меня не знали, а лишь узнал в камере.

И вся эта группа как будто бы должна была активно участвовать по свержению Советской власти. Вся эта сказка была мне преподнесена для подписи, безоговорочно. Мои протесты, что этого ничего подобного не было и не могло быть, то представитель на мои протесты стал громко смеяться и говорить, что это мы и так хорошо знаем, подобного ничего не было, но вы обижайтесь на общественность, которая вас выделила для того, чтобы изолировать вас, а этого требует международная обстановка. Если не писать на вас тот материал, который написан, то нет оснований, чтобы вас изолировать. Но подписать протокол «дознания» все же вы подпишете, в этом мы уверены, потому что в нашем распоряжении все меры воздействия вплоть до убийства, и труп будет убран, что и знать никто не будет. Сопротивление ваше совершенно бесполезно, а наоборот, во вред вашему семейству. Я хотя и сопротивлялся больше 2-х часов, но убедился, что мое сопротивление как для меня самого, так и для семейства бесполезно, чтобы не материли как вас, так и меня, и все подписал, т. е. как бы признал себя во всем виноватым, т. е. всю ложь подписал.

Такое же обвинение предъявлено ко всем арестованным, и все подписывают. А вот только кто меня выделил для изоляции, или с/совет или же Госбанк?

Сейчас говорят, что нас будут выселять с семьями, но точно неизвестно, в какие местности, но радостного в будущем мало.

Со мной в камере находятся Ершов,философ, Высоцкий Вас. Викт., Карпенко Ф. Т., Махнев, счетовод маслопрома, шофер Петров и Поздняков. Камера очень тесная, вернее, мала для арестованных.

Но пока до свидания. Целую Зину, Раю, Шуру и вашу маму. Пока живите сами без моей помощи, но даже я пока являюсь для вас обузой, т. е. помогаю съедать последние ваши крохи.

Ваш папа *Ярков П. С.*

Это держите в строгом секрете и никому не болтайте.

Маслянино

Почтовая 62 Ярковой В. Н.

12 февраля 1938 г. Ярков Петр Савельевич был арестован. 4 марта осужден тройкой УНКВД по Новосибирской области. 15 марта 1938 г.— расстрелян.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
Отд. спецчасть
15 сентября 1959 года
№ 5560/58
г. Новосибирск. ул. Каинская.
тел. 3-16-14.

СПРАВКА

Дело по обвинению Яркова Петра Савельевича, 1883 года рождения, осужденного бывшей тройкой УНКВД по Новосибирской области 4 марта 1938 года, до ареста работавшего инспектором Маслянинского РайЗО Новосибирской области, пересмотрено Президиумом Новосибирского областного суда 5 июля 1958 года.

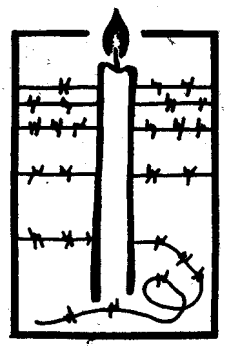
Постановление бывшей тройки УНКВД НСО от 4 марта 1938 года постановлением Президиума от 5 VII 1958 года в отношении Яркова П. С. отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления.

Справка выдана в связи с реабилитацией Яркова Петра Савельевича для предъявления в Советские государственные органы.

Печать учреждения,
выдавшего документ.

Председатель суда
подпись /Маняшин/

ВОСПОМИНАНИЯ



Г. М. МЕДВЕДЕВ

БЫВАЕТ ТАК, ЧТО И ТЮРЬМЕ РАД...

На этот раз, когда с надеждой и радостью пришлось возвращаться в тюрьму, было так.

Вечером, перед самым отбоем, 8 октября 1937 года, открылась форточка двери нашей одиночной камеры так называемого красного корпуса Иркутской тюрьмы и надзиратель жестко скомандовал: «Заключенный Медведев — на допрос!» Вообще-то, вызов на допрос не удивил бы — каждую ночь кого-нибудь, да вызывали. Ведь в нашей одиночке к этому времени набралось уже одиннадцать подследственных арестантов. (Это на площади всего в семь квадратных метров.) Но у меня-то следствие закончено. За девять с лишком месяцев — арестован я 27 декабря 1936 года — были десятки допросов, большей частью ночных. Пришлось пройти и четырехсуточный «конвейер», который состоялся где-то в середине лета. И ночные допросы, и «конвейер» имели целью изнурить подследственного бессонницей. Ведь в камерах не то что спать, но и прилечь от подъема до отбоя не разрешалось...

Однако раз вызывают — надо выходить. Не подумал я, что это последний вызов, хотя и знал, как все, что какой-то конец должен быть.... Я даже с сокамерниками не простился... А ушел я от них, как оказалось, навсегда... Вот что произошло со мной примерно за двадцать часов, считая от момента вызова на допрос. И каким оказался ЭТОТ «допрос»...

Привезли меня, как обычно, к следователю Иванову, который вел мое «дело». Надо сказать, что с Ивановым мы знакомы с 1935 года,— он был оперуполномоченным по нашему 235-му полку конвойных войск СССР, где я служил инструктором политработы. Так что он имел возможность почти в течение двух лет до моего ареста хорошо изучить меня.... Но допросы от этого легче не стали. «По знакомству» он мне такого написал в протоколах, что я и по сей день удивляюсь, почему меня не расстреляли. Но узнал я это много лет спустя при реабилитации. А в тот раз, как только ввели меня в кабинет, я сразу же задал

Г. М. Медведев.

вопрос Иванову: «Следствие закончено, зачем снова ночной допрос?» На это Иванов сказал так: «Вопросы здесь задает следователь». Но, так как следствие закончено, сказал, что вызвали меня на встречу с прокурором. Конечно, мы уже знали, что на встречу с прокурором вызывают обычно перед судом. Но до сих пор, как правило, вызывали днем, а тут посреди ночи... Что-то не так, но что делать... На душе было муторно — думалось о прожитом, о семье.

Неопределенность закончилась часа через два, когда раздался телефонный звонок, и Иванов, ответив в трубку «есть», повел меня в соседний кабинет. Открыв дверь, он пропустил меня, а сам остался за дверью. Видимо, создавалась возможность для подследственного более свободно изложить свои взгляды и жалобы... Сидевший за столом представительный мужчина в военной форме,— уж не помню, какие знаки отличия были у него на петлицах,— не до знаков мне было, ведь вплотную наступал момент, когда в эти самые часы и даже минуты решалась твоя судьба, твоя жизнь,— предложил мне сесть, а затем отрекомендовался: «С вами говорит заместитель Главного военного прокурора РККА Казаринский»,— при этом он назвал свое воинское звание, не то «диввоенюрист», не то «армвоенюрист»,— не помню... Затем, помедлив, он обратился с вопросом:

— Скажите, Медведев, как и почему вы занимались троцкистской, антисоветской, контрреволюционной деятельностью?

Задавая вопрос, Казаринский буквально вперился в меня своими большими, черными открытыми глазами. Взгляд был долгим. Он не был злым,— скорее, даже добрым...

Я выдержал этот взгляд, понимая, что от этого поединка многое зависит, а на вопрос ответил так:

— Никакой троцкистской, как и любой другой деятельностью в ущерб Советской власти, советскому народу, я не занимался. Я не знал никаких антисоветских действий бывшего комиссара бывшей конвойной дивизии (в которую я был призван в 1931 году) Оберталлера, в связях с которым меня обвиняет следствие по ходу дела...

— А вы могли и не знать о замыслах троцкиста Оберталлера и в то же время выполнять его установки,— заявил Казаринский. Выслушав мое заявление о том, что я не настолько безграмотен, чтобы не рассмотреть политический подлог, если бы он имел место, Казаринский отпустил меня:

— Ну что ж, идите, Медведев.

Разговор длился 15-20 минут. Не более.

Пришел Иванов и увел в свой кабинет. А минут через десять принесли обвинительное заключение, которое Иванов сразу же вручил мне... И вот тут-то я получил такой удар, о котором и теперь, полвека спустя, тяжело вспоминать... Нет, это не был страх, к нему уже притерпелись. Это было какое-то невообразимое возмущение, протест, обида и боль... Да как все это может быть?

В преамбуле обвинительного заключения значилось, что Медведев Георгий Михайлович обвиняется в контрреволюционной, троцкистской деятельности по ст. 58,1б, 58,8, 58,10, 58,11, подлежит суду Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года. Вот так...! Будут судить как изменника Родины (ст. 58,1б), как террориста (ст.58,8) с немедленным исполнением приговора, без права обжалования! А ты никаких преступлений не совершил! Не виновен же! Но кому все это скажешь? Я и прокурору не мог как следует ничего объяснить, так как не знал, что написано в обвинительном заключении. А в нем было довольно подробно и недвусмысленно сказано, что в РККА раскрыт военно-фашистский заговор, руководимый Тухачевским и Гамарником, что филиалом этого заговора является Сибирский троцкистский центр, руководимый бывшим начальником политуправления Сибирского военного округа Кузьминым и бывшим комиссаром четвертой конвойной дивизии Оберталлером, и что участником этого заговора является обвиняемый Медведев...

Каково?! — участник военно-фашистского заговора! Может ли нынешний читатель представить самочувствие человека, который знает,— хорошо знает,— что означало такое обвинение тогда, когда уже шли массовые расстрелы?

Задал я вопрос Иванову,— как могло родиться именно такое убийственное заключение? Что он мог ответить? Сказал, что это касается всей организации, а мое дело подтвердить показания...

Повторяю, я не знал в тот момент, насколько искажены мои показания в некоторых протоколах, подписанных мною вслепую после особенно изнурительных ночных допросов, когда в голове все помутилось, а глаза совершенно не в состоянии читать написанного... Особенно во время «конвейера».

Очередное потрясение я получил в тот момент, когда задал вопрос Иванову,— скоро ли он отправит меня в тюрьму? Ответ меня ошеломил: Иванов сказал, что ни в какую тюрьму меня не повезут, так как «сегодня будут судить».

Это же означало, что никто не узнает, что я погиб, будучи ни в чем не виновен, а в том, что гибель неизбежна,— я не сомневался, как и в том, что будет отправлена в заключение жена, поскольку я «изменник Родины». (В 1936 году ЦИК СССР принял закон, согласно которому члены семей изменников Родины подлежали заключению на сроки до 10 лет). А что будет с детьми? — дочке Наде к этому дню было два года и восемь месяцев, а сыну Толе — четыре с половиной месяца... (когда меня арестовали, жена была беременна). Что будет с матерью-старушкой, которую я привез к себе в сентябре 1936 года,— за четыре месяца до моего ареста.

Еще и еще раз повторяю, что страха я не испытывал. Все помыслы были о семье, ведь только-только начали жить, и вдруг дети окажутся детьми «врага народа», «изменника Родины». О, я-то уже узнал, что это такое... А мать: она родила нас одиннадцать, я был шестым. Четверо умерли в детстве, остальных вырастили. Очень нелегкая досталась ей доля... И снова удар...

Где-то часов в девять или десять утра, наступившего 9-го октября, произошло маленькое событие. (Значение его, как увидит читатель, оказалось огромным для моей судьбы.) К Иванову вошел следователь из соседнего кабинета и привел с собой такого же, как и я, подсудимого и попросил Иванова посмотреть за ним, пока он, следователь, сходит позавтракать. И пока тот следователь ходил, а затем заменял Иванова, также уходившего завтракать, я успел поговорить с товарищем по несчастью. Им оказался красноармеец из какой-то воинской части, вина которого состояла в том, что, будучи художником, он готовил транспарант к

первомайскому празднику, на одном конце которого был наклеен портрет Ленина, на другом портрет Сталина. И вот, когда работа была почти готова, раздался сигнал на обед. Художник, фамилия его, помню,— Ким, он кореец,— как и все, ушел в столовую. А когда вернулся, то обнаружил, что Сталину кто-то пририсовал очки и бороду, в результате получился Троцкий... Через несколько дней художник-красноармеец был арестован... И вот он здесь...

Вскоре Иванов вернулся и подменявший его следователь увел с собой обвиняемого красноармейца Кима...

Оставшись один на один с Ивановым, я снова погрузился в невеселые раздумья... Появился новый факт: уж если рядового красноармейца, да за такой пустяк, предают суду Военной коллегии, а не обычному трибуналу, то мне рассчитывать на какое-то послабление не приходится... Стала утверждаться мысль — покончить с собой. А надо сказать, случаи самоубийств уже были и в ходе следствия. Люди выбрасывались в окна, бросались с пролетов лестниц. По этой причине к середине лета 1937 года стекла всех окон в здании Управления НКВД были зашиты металлическими планками, а пролеты лестничных клеток затянуты металлическими сетками. Разбиться стало невозможно...

Но у меня в обшлаге шинели хранилась половинка лезвия безопасной бритвы, которую я стащил у следователя одновременно с огрызком карандаша во время одного из последних допросов. Но я что-то не мог догадаться, как осуществить «операцию», тем более что мне хотелось написать о своей невиновности... А пока я раздумывал, время шло...

Примерно часа в два или около того дверь кабинета распахнулась, влетают трое — лейтенант и два красноармейца — с обнаженными наганами (лейтенант с пистолетом), лейтенант громко и жестко командует: «Переменить место!» Я не сразу понял, что это ко мне, поскольку фамилия при этом не называлась. Тут Иванов встал из-за стола и тоже сказал «пошли», и мы пошли...

Как передать это «пошли»? Ты, ни в чем не повинный, год тому назад ходивший по этим коридорам с открытым лицом и гордо поднятой головой, теперь идешь на убой под дулами обнаженных пистолетов, как опасный преступник... А идти далеко,— здание Управления в форме квадрата, одна сторона (крыло) выходит на улицу Литвинова, противоположное крыло, где кабинет Иванова — внутрь квартала. Между ними внутренний двор. Следовательно, надо было пройти коридором этого крыла, затем бокового крыла, за-

тем половину фасадного крыла... Наконец, подошли к кабинету начальника Управления. Там заседала выездная сессия Военной коллегии.

...Подошли. И тут случилось неожиданное. У входа в кабинет дежурный лейтенант взял из моих рук обвинительное заключение, сличил его с каким-то листком и вдруг вернул мне, жестом отстранил меня и полушепотом скороговоркой сказал сопровождающему меня конвою: «Не того привели».

Меня быстро затолкали в ближайшую комнату, а минут через десять отвели обратно в кабинет Иванова. Оказывается, надо было привести того красноармейца, которого на время приводил к Иванову следователь из соседнего кабинета.

И тогда, да и теперь, я считаю, что именно этот инцидент «повинен» в том, что я остался жив. А получилось так.

Я уже писал, что крепко подумывал о самоубийстве. Ну, а теперь решение стало неуклонным. Поэтому, как только мы остались вдвоем с Ивановым,я настойчиво стал проситься в туалет. На что тот ответил: «Потерпи, немного осталось». Я намек понял, но в ультимативной форме заявил, что терпенье мое иссякает... В конце концов он согласился и потребовал: «Только быстрей...» А я подумал: посмотрим.

Вообще-то странно, но, несмотря на потрясение этих суток, я ни разу не попросился в туалет, значит, все-таки не трус...

Входя в туалет, я незаметно закрыл дверь на задвижку, быстро вынул лезвие (ту половинку) и карандаш. Натянул рукав шинели, чтобы освободить левую руку до локтя, затем с размаху сделал несколько разрезов... Убедившись, что кровь пошла хорошо, я бросил лезвие в писсуар, прижал порезанной рукой обвинительное заключение к стене и начал писать на оборотной стороне последнего листа о том, что, поскольку я не виновен, то не хочу, чтобы меня убивали, предпочитаю сам уйти из жизни... Однако, написав всего несколько строк, я заметил, что кровь перестала течь. Видимо, это произошло потому,что я приподнял руку, поддерживая обвинительное заключение, да и рукав шинели сжимал. Я постарался быстрее дописать небольшое мое заявление, достал из писсуара лезвие, соскоблил с надрезов запекшийся сгусток крови, стал наносить новые порезы до тех пор, пока кровь пошла струей... Раза два лезвие вырывалось из пальцев,— оно было скользким... За-

кончив «операцию», я сел на стульчак, опустив порезанную руку как можно ниже,— кровь пошла тоненькой струйкой с кончиков пальцев...

Но Иванов (как мне надоело называть его фамилию!) все время поторапливал меня, ведь в любую минуту за мной могли прийти, и вот, видимо уловив в моем голосе что-то неладное, когда на очередной крик «скоро ты там?» — я ответил «сейчас», он рванул дверь так, что и задвижка не удержала, крикнул: «Быстро вставай!» Но через мгновение, рассмотрев, что с руки течет кровь и весь пол залит, он с руганью схватил меня за правую руку и чуть не волоком потащил в свой кабинет. В кабинете он сразу же по телефону вызвал врача. Пришла врач, женщина средних лет, быстро смазала руку йодом и забинтовала. Она сказала, что наиболее крупные вены сохранились, что надо составить акт, а для этого надо определить потерю крови, в связи с чем необходимо осмотреть место, где была совершена попытка... Пришлось еще раз пойти в туалет,— не оставишь же меня одного в кабинете... И вот что увидели в коридоре: от двери туалета до двери кабинета, наверное, на расстоянии метров двадцати, тянулись кровавые следы от моих сапог, а рядом цепочка из капель крови... Осмотрев место происшествия, врач ушла, но перед этим они о чем-то вполголоса говорили, и я расслышал несколько слов, в частности, врач сказала: «...немного больше литра, так что можно...» Я понял так: потеря крови немного больше литра,— можно судить...

Я был в растерянности — попытка не удалась. Правда, оставалась надежда на заражение крови, ведь порезы наносил загрязненным лезвием. Но успеет ли заражение сработать... Иванов же тем временем изливался отборнейшими ругательствами. Как же — не укараулил! При этом несколько раз повторил, что собственноручно всадит мне пулю в затылок, да не из «нагана», а «вот из этого пистолета, чтобы не сразу сдох»,— говорил он, показывая пистолет «Коровина». Так длилось минут двадцать, пока не открылась дверь и снова... Снова появились лейтенант и два красноармейца, снова приказ — «Переменить место», и мы пошли... Пошли, вернее, меня повели второй раз на «голгофу». За один день... Как бы ни был я измотан в этот день, а идти на заведомую смерть — это, знаете ли, было очень непросто. В голове буквально звенело одно — как быть, как вести себя, да и какой будет этот суд?.. Мысль работала четко и в то же время как-то переменчиво, перескакивая с одного на другое... Но время уходило.

Когда подошли к двери кабинета, где заседала Военная коллегия (я уже говорил, что это кабинет начальника Управления НКВД по Восточно-Сибирской области), там стоял тот же дежурный. Ему же передали мое обвинительное заключение. Увидев, что оно помято и измазано в крови, он осмотрел меня, покачал головой, с укором глянул на Иванова и открыл дверь в зал. Нет, я не ошибся, назвав кабинет залом. Это было огромное помещение, больше похожее на зал, чем на кабинет. К тому же он служил залом заседания суда. Да еще какого суда...

Дежурный положил на судейский стол мое помятое и окровавленное обвинительное заключение и поставил меня посреди зала. Я осмотрелся и увидел: у передней стены вдоль окон стоял длинный стол, за ним трое судей, а по концам стола сидели прокурор (слева от меня) и секретарь суда — майор... Вдоль правой от меня стены сидели человек десять сотрудников Управления НКВД, многие из которых — знакомые мне. К ним подсел и Иванов.

Председательствующий, задержав внимательный взгляд на моем заключении и посмотрев пристально на меня, объявил заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Председательствующий — такой-то юрист Никитченко, члены: председатель военного трибунала Забайкальского военного округа и председатель военного трибунала Восточно-Сибирской железной дороги (фамилии их не помню). При участии заместителя Главного военного прокурора Казаринского и при секретаре... Зачитав состав суда, Никитченко задал мне всего два вопроса! Чтобы яснее представить, как осуществлялось это судилище, я приведу буквально дословно все, что было в этом суде, а то, что я сказал, было отступлением от правил. Итак:

Никитченко: «Ваша фамилия, имя, отчество?».

Я: «Медведев Георгий Михайлович».

Никитченко: «Показания, данные на предварительном следствии, подтверждаете?»

Я: «Подтверждаю».

Никитченко: «Суду все ясно, можете идти, приговор будет объявлен позднее».

Я: «Ничего суду не ясно! (Выкрикнул). Обвинительное заключение не соответствует действительности...»

В это время подошел конвоир и взял за рукав, чтобы увести. Но одновременно Казаринский привстал, потянулся к Никитченко, что-то сказал ему. Он тоже обратил внимание на состояние обвинительного заключения и на окровавленные мою шинель и руку. Никитченко махнул рукой

конвоиру, и тот отошел от меня, а я продолжил речь, опровергая нелепые обвинения. Я хорошо помню, причем дословно, что сказал. При этом говорил громко, напористо, терять-то было нечего. В частности, сказал следующее: «Я обвиняюсь в том, что засорял библиотеку троцкистской литературой. Но было как раз наоборот. Примерно в апреле 1935 года, подбирая литературу для учебы комсостава полка, я обнаружил переплетенные в отдельные тома брошюры Ленина, Каменева, Зиновьева... В те же дни как-то зашел в библиотеку оперуполномоченный по полку Иванов — нынешний мой следователь, — вот он здесь сидит. Я ему показал эти тома. Он посоветовал всю такую литературу передать в сейф замполиту полка Слинкину. Что и было сделано. Это может подтвердить Слинкин и бывший тогда библиотекарем красноармеец Черепанов. Я очищал библиотеку, а меня обвиняют в засорении. Далее, наряду с другими обвинениями по нашему «делу», я обвиняюсь в подготовке массового освобождения заключенных и вооружении их для борьбы против Советской власти. Но ведь наши войска не работают с заключенными, они только конвоируют их от одного места содержания до другого. За пять лет моей службы в войсках не было ни побегов заключенных, ни утери оружия и боеприпасов. Мне инкриминирована статья 58, п. 1б — измена Родине. Но вот в начале января 1935 года я, выступая на первом съезде Советов Красноярского края, докладывал, что наша часть — 16-я Отдельная конвойная рота — третий год подряд держит два переходящих Красных знамени, одно — от Красноярского горсовета за первое место по боевой подготовке, другое — от редакции газеты «Красноярский рабочий» за первое место в политической. Следовательно, мы подготовили за три года свыше пятисот отличных красноармейцев и младших командиров. В этих успехах роты важнейшую роль играл я. Разве изменники Родины способны готовить отличных бойцов? Защитников Родины?

Или возьмем такой факт, как обмен партийных документов, проведенный в 1936 году по решению Центрального комитета ВКП(б). К этой работе допускались лица — коммунисты — с персонального утверждения Центральным Комитетом партии. Моя кандидатура была представлена Окружной парткомиссией Войск пограничной и внутренней охраны НКВД Восточной Сибири, утверждена ЦК, о чем был документ, подписанный секретарем ЦК ВКП(б) Маленковым, и я от начала до конца участвовал в этой ответственной работе — в обмене партдокументов коммунистам

пограничной и внутренней охраны Восточной Сибири...»

Естественно, что речь моя была длиннее, чем привожу здесь. Я старался пояснить факты, чтобы было доказательство. Помню, что волновался, но говорил четко. Закончил так: «...нигде, ни в работе, ни в личной жизни, я не был запятнан. А вы, граждане судьи, считаете, что вам все ясно. Я же ясности не вижу...»

С этим я повернулся и вышел. Вслед за мной вышел Иванов... И вот, когда вышел за дверь и когда спускались с третьего этажа в цокольный, я почувствовал резкий упадок сил. Да это и понятно — сутки без сна, без еды, да еще с потерей крови...

Перед камерой, в которой осужденные ожидали объявления приговора, Иванов размотал бинт с моей руки, оставив всего один слой, сквозь который сразу начала сочиться кровь. Когда я спросил, зачем он это делает, Иванов ответил: «Он тебе больше не потребуется», то есть он имел в виду и умышленно дал понять, что моя песня спета...

Как только я вошел в камеру, навстречу мне бросился Денисов, бывший старший инспектор политотдела конвойной дивизии. Он был арестован раньше меня — в сентябре 1936 года и под следствием находился больше года. Вид у него был какой-то замухрышистый, кожаная куртка на нем висела, хотя на воле он выглядел солидно — высокий, немного грузный, но аккуратный. А тут совсем другой человек. Он озадачил меня вопросом: «Почему тебя долго судили?» — и рассказал, что он был в числе первых, а всего в камере двадцать один человек и всех «пропустили» за каких-то два — два с половиной часа. А я поступил с перерывом чуть ли не через час... Я сказал, что не знаю, в чем дело, разве вот «из-за этого»,— показал свою окровавленную руку...

Увидев, в чем дело, Денисов воскликнул: «Что ты наделал! Тебя же могут расстрелять! Ты же знаешь, что «когда враг не сдается — его уничтожают»,— привел он слова Горького, которыми всех нас на следствии шантажировали. Но Денисов прямо-таки возмутился, когда я сказал, что опроверг выдвинутые против меня обвинения. Оказывается, что никто из двадцати осужденных, прошедших до меня перед Военной коллегией в этот день, не выступил из-за того же горьковского лозунга,— «когда враг не сдается — его уничтожают...» Не хотелось, а скорее всего из-за боязни показать себя несдавшимися врагами... Были другие разговоры, но я их не запомнил из-за непомерной усталости и слабости. Помню, что мне помогли сесть на пол,

прислонившись к стене. Не могу сказать, сколько времени отдыхал в полузабытьи, очнулся от громкого окрика: «Медведев — на выход!» Значит, пришло мое время,— подумал я, поднимаясь с пола. Помогавший мне Денисов с упреком и сожалением тихо сказал: «Вот видишь — первым и вызвали...» Тут надо сделать отступление. Дело в том, что в приговорах, как правило, первыми значатся лица, которым выносятся самые тяжелые наказания. В те годы, когда судили группами по нескольку десятков человек, за пределами списка смертников оставались обычно один-два человека. А иногда и ни одного.

Теперь читателю, наверное, понятно, что означало в тот момент для моего сознания быть «первым».

Но, к моему счастью, на этот раз все оказалось совсем не так. Когда, распрощавшись в обнимку с Денисовым и некоторыми другими сокамерниками из бывших сослуживцев, к несчастью оказавшихся «однодельцами», я вышел из камеры, то вместо конвоя я увидел только коменданта Управления Попова да часового у дверей. Я в растерянности остановился на какой-то момент, а затем спросил: «Куда идти?» «К выходу»,— сказал Попов. Когда дошли до вестибюля, Попов скомандовал — «наверх!» Ну, наверх — это не в подвал... Но раздумывать не было времени, Попов приказал идти по коридору второго этажа. У двери в кабинет заместителя начальника Управления Рунича приказал остановиться. В этом кабинете мне уже приходилось бывать во время обмена партдокументов...

Войдя в кабинет, я увидел тот же состав суда за столом, а справа было окно, половина которого была открыта, что привлекло мое внимание... Никитченко произнес: «Заслушайте приговор» или «Оглашается приговор»,— точно не помню, так как соображал, сумею или нет опередить Попова, стоящего позади меня, и выпрыгнуть в окно, нырнуть вниз головой... От суда ничего доброго не ожидал, а поэтому слушал, как говорят, вполуха...»

Но что-то такое необычное дошло до моего сознания; я резко обратил внимание к чтению приговора. Однако из вводной части услышал ясно только вот что: «...Обвинение по статье 58,1б не подтвердилось». Это была уже жизнь, хотя я еще и не вполне это осознал в ту секунду, а скорее инстинктом почувствовал. При этом напрягся весь... Ну...ну.. и тут слышу: «...приговорил Медведева Георгия Михайловича к десяти годам тюремного заключения, пяти годам поражения в правах с конфискацией лично ему принадлежащего имущества». Теперь я сознанием понял, что

живу! Живу! Я даже не усвоил в тот момент, какие пункты статьи остались... Зато разобрал конец приговора, который гласил: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Ну, это я и до ареста знал,— приговоры, вынесенные с применением закона от 1 декабря 1934 года, обжалованию не подлежат. Это мы с командирами и красноармейцами в порядке политучебы «проходили». Никитченко закончил чтение приговора, спросил меня: «Вам, Медведев, понятно?» Я ответил: «Понятно». Не вполне уверен, но, кажется, я сказал «спасибо»... Скажешь...

Когда вышли в коридор, я сильно покачнулся, даже оперся о стенку, сделав пару шагов. Попов быстро схватил меня. Я ему сказал, мол, не бойся — не побегу, на что он ответил: «Тут не бежать надо, а плясать,— очень мало кому достается такое счастье». Конечно, ему хорошо известно, как судит эта выездная сессия Военной коллегии... Она уже много групп судила в Иркутске и по 38, и по 48, и по 70 человек... И в каждом случае за чертой смертников, как и в других местах, оставались один-два, редко три человека... Знали об этом и мы. Именно поэтому, когда впереди открылась заново жизнь, я, несмотря на измотанность, переживал огромную радость и даже восторг и тогда, когда шел по коридору, спускался по лестнице, и когда влезал в кабину черного «ворона», стоявшего во внутреннем дворе Управления, и когда несколько часов сидел запертым в кабине «ворона», который теперь не казался мне таким угрожающим, как это бывало во время транспортировки на допрос. Я радовался, да, да — радовался, что наконец-то еду в тюрьму...

Когда Попов посадил меня в «ворона», были сумерки, т. е. примерно шесть часов вечера, в тюрьму меня — одного — привезли в половине одиннадцатого, следовательно, я ожидал отправления более четырех часов... Больше ни одного осужденного в этот день не привели. Когда меня высаживали в тюрьме, все остальные одиннадцать кабинок «ворона» были по-прежнему пусты... Это значит, что осужденные в этот день Военной коллегией мои товарищи погибли. Впоследствии это подтвердилось.

В тюрьме меня ожидал приятный сюрприз — ответственным по тюрьме оказался мой знакомый — Котомин. Когда я прибыл в 235-й полк, меня по совместительству назначили замполитом третьего дивизиона этого полка. Котомин был в нем старшиной. Когда в ноябре 1935 года указом ЦИК СССР были введены воинские звания, для обладания которыми необходимо было иметь военное обра-

зование, Котомин, не имея такого образования (он был просто сверхсрочник), очень просил помочь ему уволиться. Я ему такую помощь оказал, а он, уволившись из армии, поступил в Иркутскую тюрьму на должность старшего дежурного по тюрьме. И вот такая встреча.... Можно сказать — повезло.

Когда Котомин увидел, в каком я состоянии, он лично начал меня устраивать, выдав помощнику меня за важного преступника (нельзя было проявлять сочувствие к «врагу»), сам повел меня на общий пост, заглянул в несколько камер, нашел менее переполненную, распорядился, чтобы мне дали место на нарах. Нары были заполнены, но, потеснившись, будущие мои соседи по камере уступили место. Правда, сначала ворчали, но, увидев мое состояние и узнав, что я из Военной коллегии, прониклись уважением.

Минут через двадцать, несмотря на ночь, пришла медсестра (это Котомин постарался — припомнил услугу), промыла разрезы, уложила края рубцов, наложила бинт с риванолом...

Началась длительная тюремная жизнь — первый год из двадцати тюремных, лагерных (а точнее — каторжных), ссыльных...

После объявления приговора — с 9 октября 1937 года и по 18 августа 1938 года, то есть за девять месяцев, я побывал в шести камерах. Особенно это было неприятно в первые недели после суда, когда рука еще болела и ее надо было беречь. Месяца через два все пришло в норму. К тому же получил из дому весточку, полушубок и теплое белье.

В начале августа меня вместе с другими «врагами народа» вызвали с вещами и повели на вокзал. Стало ясно, что повезут... Но куда?

На вокзале посадили в спецвагон («столыпинский») и повезли на запад... Меня высадили в Сызрани и водворили в пересыльную тюрьму. Камера, наверное, метров на двадцать, чистая и нас всего шесть человек, каждому достаточно места на нарах. Ну, думаю, жить можно. Против Иркутской тюрьмы — благодать... Но через несколько дней команда: «Собраться с вещами!» Это значит снова в дорогу. Но куда теперь? Судя по строгости приговора, ждать облегчения не приходится... Снова конвой, обыск перед спецвагоном, снова зарешеченное купе и ... поехали на юго-восток.

На этот раз путь был короткий. Привезли в Соль-Илецк — небольшой городок южнее Оренбурга... Высадили

на площади, подальше от вокзала, от людей. Вскоре пришел начальник конвоя, нас подняли, а было заключенных человек двадцать, вывели за пределы станции, посадили в «черный ворон» и через несколько минут высадили во дворе Соль-Илецкой тюрьмы... Здесь я должен был задержаться, и не только потому, что провел в ней ровно год... Эта тюрьма была особого режима... Вот каким «преступником» оказался я!..

Итак, ввели нас в какую-то комнату, а затем стали вызывать по одному в соседнее помещение. Вскоре вызвали и меня. Как только вошел, сразу приказали раздеться догола. Всю снятую одежду и все вещи — чемодан с накопившимся бельем, сапоги, шинель, полушубок — все до нитки собрали и унесли. А меня, голого, подвергли унизительному обыску... Потом выдали тюремное обмундирование: брюки с коричневыми вставками, такую же верхнюю рубашку и бушлат, фуражку с коричневым околышем, армейского типа ботинки с портянками и белье. Все новое, с иголочки.

Когда оделся во все это, меня повели в соседний корпус, там на втором этаже водворили в одиночную камеру. В ней была железная кровать с матрацем, шерстяным одеялом, подушкой, простыней и даже пододеяльником. Железный откидной столик с таким же сиденьем и вездесущая параша. Камера была, видимо, недавно отремонтирована. Почти два года я не спал на кровати да на матраце... Сел я на эту чистую кровать... и заплакал... сначала просто прослезился, а потом и навзрыд... Я же в день суда не плакал, с чего бы здесь... Видимо, подействовал обыск,— ощупывали, как скотину, и «форменная» тюремная одежда, официально удостоверяющая, что ты явно отверженный, и одиночка, в которую тебя везли за тысячу верст...

Если учесть, что казенное питание здесь было по качеству несравненно лучше, чем в Иркутской тюрьме, а бытовые условия вообще хорошие (по тюремным стандартам), то казалось, что жить можно... Но... Но дней через десять я готов был променять эти бытовые удобства на неудобства Иркутской тюрьмы, лишь бы к людям... Правда, постепенно я стал привыкать к абсолютному одиночеству. Очень много думал о семье, о прошлом. Анализировал события, в которых принимал участие, давал им и себе оценку.

За несколько недель одиночества мои понятия о жизни, а особенно о событиях последних лет, сильно изменились. Я многое увидел по-иному, многое переоценил. Так что и одиночка оказалась полезной для моего будущего — я повзрослел, хотя и до этого не был «недорослем»...

На сорок восьмой день мне предложили «освободить камеру» и перевели в другой корпус, где водворили в угловую шестиместную общую камеру на втором этаже вместе с пятью такими же «врагами народа» из разных уголков страны.

Режим такой: лежать можно и днем, но не раздеваясь и только поверх заправленной постели. Спать можно было только лежа на спине или на боку, но спиной к стене и обязательно с открытым лицом. Если случайно, хотя бы и во сне, повернешься к стене лицом, а тем более на живот, сейчас же откроется форточка двери и последует жесткий окрик: «Номер такой-то, лечь, как положено...» И попробуй ослушаться. А лечь «как положено» — это подставить глаза яркому свету... Испытание светом. Я понимаю, на следствии показания добывают, но вот зачем это применяют в тюрьме к людям, уже осужденным на длительные сроки?

Когда разместились, перезнакомились, стали думать, как жить, что делать. Нельзя же бесконечно перебирать да перетирать одни и те же «новости»... И решили, что Михаил Финкельштейн, бывший профессор Уральского политехнического института, физик-математик, а ныне наш сокамерник, займется с нами математикой и немецким языком, которым он владел в совершенстве.

Я за учебу взялся всерьез. Я решил,— раз уж довелось встретиться с высокообразованным человеком, надо воспользоваться такой возможностью... И мы упорно стали работать...

И так с октября 1938 года до июля 1939 года — 250 дней... А потом, в июле, нас разлучили. За время, проведенное в этой камере, был один инцидент. Кажется, 6 или 7 ноября, надзиратель придрался к Финкельштейну, что он стучит ногой в стенку — «перестукивается»... Сразу после праздника его вызвали из камеры, а вернулся он суток через пять из карцера... А карцер — это тесная камера в подвале; на ночь вносят ящик, утром ящик убирают, и узник целый день на ногах, а если присесть — то на холодном цементном полу. Еда — четыреста граммов хлеба в сутки и вода... Вернулся наш товарищ в камеру, как говорят, «прозрачный». Это был для нас урок — «попробуй нарушить режим»... И мы вели себя соответственно. За весь год пребывания в этой тюрьме до нас не дошло абсолютно ни одной весточки с воли. Как будто сидели в закрытом сундуке...

Примерно в середине июля 1939 года нас поодиночке

вызвали на медосмотр, из которого мы поняли, что готовят нас на этап. Но куда? К лучшему или худшему?... Долго гадать не пришлось.

Недели через три — 18 августа приносят личные вещи и предлагают «быстро переодеться в свое» — в тюрьме все время подгоняют — это значит, что куда-то повезут. Об этом мы догадывались по характеру медосмотра.

Как только переоделись, нас вывели во двор, в крытой машине доставили на вокзал и посадили в спецвагон... Но какой!

Я по роду службы знал, какие спецвагоны бывают, а тут оказалось, что вроде тот же, да не тот. Конструкция обычного камерного арестантского. Но вместо решётки, отделяющей камеры от коридора, сплошная металлическая стена из листового железа. Такая же дверь с глазком и форточкой... Додумались органы... В обычных спецвагонах через решетчатую дверь и окно все же кое-что видно, да и воздух обновляется... А здесь — глухота... Посадили нас по шесть человек в камеру и только часа через два подцепили вагон к поезду. Началась дорога на север...

Ехать было мучительно и от жары, и от духоты, и от жажды. Питание — сухой паек, то есть селедка, хлеб и далеко не вволю воды... Конечно, арестантам рассчитывать на поблажки не приходится,— остается терпеть. К сожалению, нас почему-то часто отцепляли и поэтому только на шестой день высадили на станции Кемь, водворили в Кемскую тюрьму. Это уже берег Белого моря. Запахло «Соловками», о которых мы были наслышаны, но не ожидали, что туда направят. Ну что ж, Соловки так Соловки...

Посадили нас на небольшой пароход, на борту которого значилось «Ударник», и мы тронулись. Правда, Белого моря на этот раз увидеть не довелось, так как засадили нас в трюм. Сколько времени длилось это путешествие — не знаю, во всяком случае, не очень долго, так как еще засветло наш пароход причалил, и мы увидели Соловецкий монастырь. Правда, теперь это место называлось «Лагерный пункт Кремль». Здесь нас продержали до конца октября. А в начале ноября как-то утром, сразу после завтрака, раздалась команда надзирателя: «Собраться с вещами!» Мы думали, что это очередное переселение из камеры в камеру. Оказалось же, что это совсем другое переселение, и с очень далеко идущими последствиями.

Когда вывели за территорию Кремля, то перед входом увидели сидящих на земле людей, числом не менее двухсот. Оказалось, что это интернированные поляки и запад-

ные белорусы. Вот для кого освобождались места в Соловецком Кремле.

А нас повели на пристань, на пароход «Слон». «Слон» — это «Соловецкий лагерь особого назначения». И хотя нам не объявляли, куда повезут, но каким-то путем зэки узнали, что везут нас в «Сороклаг» — Сорокский исправительно-трудовой лагерь.

На пароходе мы только вещи оставили в трюме, иногда спускались отдохнуть. Большую же часть времени проводили на палубе, разглядывая острова Соловецкого архипелага, в том числе главный из них «Большой Соловецкий», на котором расположен Кремль, место нашего недолгого проживания. Что-то ждет нас впереди? Понятно, что ждала работа, но какая и в каких условиях?

После высадки на какой-то безымянной пристани, недалеко от того места, где соединяется Беломорканал с Белым морем, нас сразу же повели. Никто местности не знал, поэтому мы не представляли себе, куда идем. Поздно вечером привели к какой-то зоне — высокий, метров трех, забор из тонких бревен, по углам ограды сторожевые вышки. У ворот — вахта, через которую нас начали пропускать. Здесь впервые прошел лагерный ритуал: выкликают тебя, глядя в формуляр, а ты выходишь из строя, называешь имя, отчество полностью, статью и срок наказания. Тут же тебя обыскивают, ощупывают, детально просматривают вещи и только после этого впускают в зону. И хотя в данном случае обыскивали одновременно по два-три человека, приемка затянулась, и в барак со сплошными двухъярусными нарами нас водворили после полуночи. Вот с чего началась моя лагерная жизнь, ее первые шаги. А шагов этих оказалось более чем достаточно...

Меня определили в бригаду землекопов, и на третий день лагерной жизни бригада вышла на работу. На разводе объявили, что идем на «выемку».

Тут надо пояснить, что «Сороклаг» НКВД строил железную дорогу от станции «Сорока» на Мурманской дороге, что при выходе Беломорканала в Белое море, до станции Обозерская на железной дороге Вологда—Архангельск.

Ну, раз на выемку, нас привели к инструменталке, приказали брать ломы, кирки, лопаты, и бригада двинулась на объект.Но перед этим конвоир выстроил всех и объявил: «Идти, не растягиваясь, шаг влево, шаг вправо считается побег, конвой применяет оружие без предупреждения!» Впоследствии мы к этой процедуре привыкли, но в первый раз осознавать, что тебя, ни в чем неповинного че-

ловека, могут запросто пристрелить, как бешеную собаку, было тяжело и омерзительно...

Пища была тощая, малокалорийная, при полном отсутствии витаминов, с минимумом белков. Даже «стахановский» паек, который назначается за выполнение нормы выработки на 125 процентов и выше, мало что менял — просто добавляли каши из той же ячневой сечки и хлеба.

Вскоре мы увидели, что те, кто плохо выполнял нормы, стали слабеть из-за недостатка питания. Но и те, кто нормы выполнял, тоже, хотя и медленнее, стали худеть, так как большие затраты энергии не компенсировались незначительным увеличением пайка, да к тому же низкокалорийного. Уже через пару месяцев из тех, кто прибыл нашим этапом, начали появляться «доходяги». Это люди, которые ослабли потому, что питание недостаточное, а недостаточное питание потому, что ослабли и не могут заработать. Судьба таких заключенных одна — могила.Правда, вскоре мы узнали о некоторых поблажках — слабосильным заключенным стали устанавливать облегченные нормы выработки.Но это уже было на другой колонне. А произошло это так.

В январе 1940 года в барак пришел нарядчик и зачитал список заключенных, которым надо немедленно собраться с вещами. На этап. В этом списке оказался и я, а также большинство из нашей бригады. Собрали мы свои пожитки и вышли к вахте, где нас тщательно обыскали, выпустили за ворота, там нас принял конвой, и мы двинулись по тому же пути, по которому два месяца тому назад прибыли на эту колонну. Снова загадка — куда? Для некоторых моих товарищей по бригаде, а мы успели подружиться, этот путь вел «в никуда». Впрочем, по порядку.

К ночи привели нас на центральный лагпункт нашего Сум-Посадского отделения, а утром снова выстроили и, как обычно, стали вызывать из строя по формулярам, с соблюдением всех требований ритуала — обыском, названием статьи и т.д. А когда в строю осталось нас одиннадцать человек, вызывать прекратили и сразу раздался окрик начальника конвоя — «остальные свободны!» Нам предложили идти в барак.

Обождав, пока вызванных увели из зоны, мы пошли в контору лагпункта узнать, что же будет с нами. Оказалось, что всех, кого вызвали, отправили в ведение военного командования, то есть на фронт войны с Финляндией... Нас же оставили потому, что «статья не подошла»... Значит, нам нельзя доверять...

Наутро нашу группу отправили обратно на свою колонну под охраной двух конвоиров, но не довели— поздновато вышли, да и шли, не торопясь, некуда было спешить, впереди было еще семь лет сроку... Когда начало смеркаться, нас завели в ближайшую колонну на ночевку . На следующий день нам объявили, что мы теперь зачислены на колонну № 10 Сум-Посадского отделения «Сороклага». Меня зачислили в лесозаготовительную бригаду, где бригадиром был Лукша — белорус, из интернированных во время освобождения Западной Белоруссии. Бригада была дружная, я в нее хорошо вписался, возможно потому, что в ней было еще несколько таких же интернированных белорусов, плохо владеющих грамотой, и я им писал заявления и жалобы в высшие органы страны. К тому же я хорошо владел пилой и топором, а поэтому не снижал высоких показателей выработки этой, как оказалось, лучшей бригады колонны.

Здесь со мной случилась беда, едва не стоившая мне жизни. А произошло вот что. 30-е апреля объявлен ударным днем рекордов, — такие штурмы в то время проводились не только на воле. И вот в этот предпраздничный штурмовой день я порубил себе ногу.

Случилось это в середине дня, когда норму я уже сделал. И вот, разделав очередной хлыст, пошел к следующей сосне, но, оглянувшись на только что отрезанный балан, увидел внизу сучок, а его надо обязательно срубить — бревна должны быть безукоризненно чистыми. Сделав шаг в направлении балана, я одной рукой, сучок-то был тонкий, к тому же в левой руке держал мерку, рубанул по сучку. Сучок отлетел, а топор из-за того, что удар был слишком сильным, пролетел дальше и — в ступню правой ноги... Кровь сквозь прорубленный ботинок брызнула фонтанчиком. Я быстро снял ботинок, чтобы зажать рану, но кровь не шла... Как потом объяснили, такое бывает при сильном испуге или волнении...

А я и в самом деле испугался. Да и как не испугаться — в лагере стали появлятся «саморубы» и «мастырщики», то есть членовредители. Их, как правило, крепко судили и добавляли сроки, а то и новые назначали. Но то были либо уголовники, либо бытовики. А тут «контрреволюционер», троцкист, которого даже на дорожные работы на фронт не взяли. И если мою травму расценят как членовредительство, да еще совершенное в день предпраздничного стахановского ударника, меня будут судить не как бытовика...

Рассудив так, я решил не уходить с работы и даже не обращаться пока за помощью, перевязал рану полосой,

оторванной от нижней рубашки, продолжил работу — свалил и разделал еще несколько деревьев. Было нелегко, но я про рану сказал бригадиру только в конце дня, когда сдавал работу. На лесоповале звенья, а также индивидуалы-лучники работали на отдельных делянках, поэтому моей «аварии» никто не заметил. А норму в этот раз я выполнил на 170 процентов, хотя к концу дня нога разболелась основательно.

Возвращение в зону, — а это примерно шесть километров по апрельской непроторенной дороге, — было для меня тяжелым испытанием. И всю ночь нога покоя не давала, но я терпел до утра... И только утром фельдшер, отругав меня, обработал рану,перевязал бинтом. На этот раз все обошлось, нога осталась цела, правда, дней десять пришлось помучиться, так как на следующий день — 2 мая я все же вышел на работу. Затем все в моем лагерном бытии шло без существенных перемен, вплоть до августа того же 1940 года, когда и произошел перелом в моей судьбе. Вот как это было.

Работали мы тогда в оцеплении, то есть где-то расставлены посты охраны, а мы на отведенных делянках без конвоя. Вдруг,в начале августа, в середине дня, ко мне на делянку приходит стрелок и от имени начальника предлагает идти в зону. Когда я пришел в контору, там меня встретили начальник колонны Батманов — вольнонаемный, и старший бухгалтер Панин — заключенный, старичок. Начальник спросил, знаком ли я с бухгалтерским делом. Я ответил, что с учетом знаком, но бухгалтером не работал. «А сумеешь составить котловой ордер?» — спросил он. Я ответил, что сумею, так как помогал каптеру разносить эти ордера в амбарной книге.

Решили оставить меня счетоводом прод.стола. Как оказалось, вся бухгалтерия, кроме старика, забрана за какие-то махинации, некому выписывать продукты. А каптерка кустовая, одна на несколько колонн... А каптеру, азербайджанцу Ибрагиму Раджанову, нужна была помощь. Вот Ибрагим, вспомнив, как я вечерами помогал ему и учил считать на счетах, и предложил мою кандидатуру. Я оказался не просто бухгалтерским работником. В лагере — это хозлагобслуга. Заключенные всех конторских зовут придурками... И я стал «придурком», да на зависть многим — у хлебного места. В условиях лагеря это — особое место...

Надо сказать, что заключенных с такими статьями, как у меня, запрещалось использовать на управленческих должностях — только на общих работах. И меня, по указа-

нию Третьего отдела, неоднократно отстраняли от работы в бухгалтерии. В таких случаях я на день выходил в лес, а вечером приходил в бухгалтерию и занимался своим счетоводческим делом.

Теперь я был спасен — в лагере бушевала лагерная чума пеллагра, а я был сыт и, выходя на общие работы, мог не изнурять себя перевыполнением норм выработки ради получения максимальной пайки, ради «горбушки», как говорили заключенные. А выполнить обычную норму для меня было просто. Я уже восстановил силы.

Но кому-то такое мое благополучие пришлось не по вкусу. И в октябре меня с небольшой группой заключенных отправили на другую колонну, хотя моего положения это не испортило.На той колонне меня уже знали, и к тому же там в тот момент не было бухгалтера, да и вообще счетных работников. Так что я сразу же стал бухгалтером колонны.

Здесь нас продержали чуть больше двух месяцев, а в середине декабря колонна была погружена в теплушки и отбыла в Северо-Двинский лагерь НКВД.

Четырнадцать каторг и тюрем
уже у него за спиной.
К пятнадцатой комендатуре
шагает он чащей лесной...

Так поэт Александр Кухно отразил в поэме «Море» мои странствия по тюрьмам и лагерям.

Прервемся между двумя лагерями-каторгами, чтобы более внимательно взглянуть на лагерную жизнь.

Вот, скажем, высадили нас на берегу Белого моря и привели поздно вечером на колонну. Оказалось, что прошли тридцать километров. А что значит идти в колонне по трое, когда ни обойти рытвину, ни перескочить. Ведь «...шаг влево, шаг вправо считается побегом». Да и люди разные, есть и совсем слабосильные, им надо помогать... А конвой торопит, да и боится: не было бы побега... И так каждый пеший этап. Это совсем не то, когда идете свободно, выбирая, куда ступить ногой, где обойти, а где остановиться отдохнуть... В этапной колонне под конвоем таких возможностей не бывает. И поэтому даже мне, бывшему солдату, тренированному спортсмену, было очень тяжело. Что же говорить о более слабых и пожилых заключенных...

Теперь дальше. Вы на колонне, ваше место в бараке. Барак — это обычно помещение из тонких бревен — 15-17 сантиметров по вершине, забранных в столбы и положен-

ных на мох. Не оштукатуренные. В бараках нары в два сплошных яруса из круглых жердей. Постельных принадлежностей нет. Обычно такие бараки на 120—160 заключенных. На барак, как правило, две чугунные печки, поставленные посреди прохода. Когда печь топится, на ближних нарах жара, а в 5—6 метрах — холодно.

Вечером приходишь из леса мокрый, ведь целый день в снегу, а просушить портянки, брюки, рукавицы негде.Только около печки. Но на каждую печку полсотни человек... Однако же и отдохнуть надо, и не знаешь, то ли караулить свои вещи, то ли спать. В бараке всегда обитает группа «своих» уркачей, которые могут оставить либо без рукавиц, либо без портянок. И вот утром, еще темным-темно, зачастую в непросохшей одежде, получив пайку и съев порцию жиденькой кашицы, снова отправляешься в лес или на другие не менее тяжелые работы. Перед выходом бригады выстраиваются около вахты. Нарядчик в присутствии кого-либо из начальства записывает число вышедших и отсутствующих по каждой бригаде. В свою очередь, дежурный по охране учитывает вышедших, а после развода устраивает проверку внутри зоны...

Лучше бывает в бараках летом. Можно открыть окна, хотя их и не много, но все же. Доходяги летом сами стараются быть на улице... Но летом и свои тяготы. Я здесь обрисовал быт «Сороклага». Так вот, уже в мае 1940 года начальник «Сороклага» Вознесенский издал приказ — работать весь световой день, и лозунг: «На трассе нет дождя!»

Железная дорога Сорокская—Обозерская, строительство которой вел «Сороклаг», пролегла вдоль побережья Белого моря.Каждому известно, что день там в летнее время длится от 18 до 20 часов. Работать в течение всего светового дня, это значит — работать на износ... Да еще при лагерном питании...

Может быть, теперь читатель поймет, что такое лагерь. Мы, те, кто когда-то читал Ф.Достоевского «Записки из Мертвого дома», с грустью улыбались: «Нам бы в тот Дом отдыха попасть». Омская каторга, судя по описанию Достоевского, была бы для нас местом отдыха.

И еще о питании. К апрелю 1940 года во мне оставалось пятьдесят шесть килограммов веса, вместо обычных восьмидесяти. Еще бы пару месяцев и... все. Мало кому повезло стать бухгалтером... Большинство из тех, кто имел длительные сроки, погибали либо от истощения, либо от заболеваний, связанных с истощением. А чувство голода,

который ощущаешь с утра и до ночи... Оно порой невыносимо. А постоянные думы о воле, о семье и обида на несправедливость? Тяжко не только само наказание, тяжелее оттого, что оно незаслуженное... И это день за днем, год за годом...

Думаю, что теперь читателю понятно, почему поэт Александр Кухно лагеря называл каторгами, почему в лагерях были членовредители — саморубы и мастырщики, какая атмосфера царила в тех условиях. И еще: за последние годы в печати — в художественной литературе, в публицистике — немало написано о сталинщине, о репрессиях, в том числе о жизни в местах заключения. Поэтому можно бы и не живописать о своих странствиях. Но в публикациях на эту тему почему-то во многих случаях тяготы репрессированных связывают с жестокостью охраны, а причины арестов с происками доносчиков, как будто доносчики решали, кого посадить, кого расстрелять за несколько килограммов картошки или колосков, а охранник сам придумал систему охраны. Как будто не Сталин и его кровавая свора придумывали жесточайшую систему репрессий, в ходе которых мучились и погибали миллионы ни в чем не повинных людей.

Могу твердо сказать, что за время моих мытарств по «четырнадцати каторгам и тюрьмам», а это мои двенадцать тюрем и два лагеря (часть из них уже упомянута), которые длились долгих двадцать лет, я близко общался с сотнями заключенных, и лишь единицы из них свои несчастья связывали с доносами. Подавляющее большинство репрессированных по 58-й статье — это жертвы разнузданного психоза, возникшего из ложной сталинской теории обострения классовой борьбы, которая в свою очередь возникла из стремления Сталина удалить всех соперников, а также и тех, кто этих соперников мог поддержать. Была запущена машина репрессий, а там она уже сама набрала обороты...

Конечно, были и доносы, которые стимулировались репрессивной системой. Но вот феномен: 5 марта 1953 года умер Сталин, и сразу же прекратились репрессии так называемых врагов народа. Более того, еще жив был и находился на своем посту Берия, но уже в апреле того же 1953 года стали выпускать арестованных по 58-й статье, следствие по которым не было закончено... А ведь доносчики вроде не исчезли...

Лагерный режим тоже не на колоннах разрабатывался, как и не в тюрьмах, а в Москве, в ГУЛАГе, да в Главном

тюремном управлении,— такая подпись была на «Правилах поведения в тюрьме»... А на колоннах, лагпунктах и в тюрьмах режим только исполнялся, правда, многое зависело от местной администрации, от ее добросовестности, гуманности или, наоборот, жестокости. Все это пришлось увидеть и на собственном опыте почувствовать...

А теперь вернемся к прерванному повествованию.

Через несколько дней после того, как мы отбыли из «Сороклага», наши вагоны были поставлены на временный железнодорожный путь недалеко от села Ленинско-Ульяновское Вельского района Архангельской области. Здесь кончался отрезок линии будущей железной дороги Коноша — Котлас — Воркута. Отрезок от Коноши до Котласа, длиной 363 километра, начал строить Северо-Двинский ИТЛ МВД СССР, в распоряжение которого нас привезли.

Как водится, высадили нас и водворили на пересыльный пункт, где мы находились, наверное, с неделю. А затем, точно не помню, но человек шестьдесят, частично из числа наших, отправили на колонну № 7 Вельского отделения.

Колонна была лесная, недавно созданная. Ее единственная задача — прорубить в лесном массиве просеку около десяти километров, по которой в этом месте должна пройти линия железной дороги, сооружаемая силами «Сев.-Двин. лага». Административный состав колонны, как мы очень скоро убедились, был практически не способен ни быт наладить, ни производство организовать. Начальник колонны Птицын, добрейший человек, проявил полную беспомощность во всем. Ознакомившись с нами, он обрадовался, что мы опытные лагерники, и поручил заняться делами колонны.

Мы — это я, Ковалев и Харченко, прибывший с нашим этапом, он на нашей последней колонне в «Сороклаге» был помощником начальника колонны по быту. Очень важная должность в лагере. Харченко с первого дня подключился к хозяйственным делам этой запущенной колонны, а мы с Ковалевым несколько недель ходили на расчистку просеки. Колонна была «молодежная», состояла из «указников», то есть лиц, осужденных по указу 1940 года за прогулы и опоздания на работу на сроки от одного до трех лет. Пришлось работяг обучать, как корчевать пни и разделывать хлысты, а бригадиров и прораба — как заполнять рабочие сведения и даже... припискам! Да, да,— припискам. Людей-то надо было спасать... А приписки состояли в том, чтобы показать потолще пни, повыше снежный покров, потолще слой мерзлоты... А когда люди научились работать,

да стали здоровее, да настроение поднялось, надобность даже в таких безобидных приписках отпала...

Даже охрана уже через месяц отметила, что темпы проходки просеки резко возросли. А внутри колонны смертность прекратилась, да и доходяги исчезли. Но тут дело не только в том, что улучшились производственные дела, но с нашей помощью улучшился и быт.

В самом конце января заключенных переселили во вновь построенный с нашей помощью барак, пропарили в бане, также построенной по нашей инициативе, а вещи, одежду пропустили через дезокамеру. Видели бы вы, как были довольны начальник колонны и фельдшер.

В эти же дни меня перевели в бухгалтерию, так как аппарат бухгалтерии представил в Отделение недоброкачественный бухгалтерский отчет и приехавшему по этому поводу представителю Отделения сами же работники бухгалтерии рекомендовали меня. Так я стал бухгалтером колонны. А за неделю до этого Ковалев стал нормировщиком. Таким образом три важных сектора хозяйственно-производственной деятельности оказались в руках хотя и не очень опытных, зато активных работников. Когда в конце марта начальник Вельского отделения приехал посмотреть колонну, он высоко оценил деятельность начальника колонны и прораба. Но Птицын откровенно признался, что без нашей помощи он бы ничего не сделал. Начальник Отделения поблагодарил нас — первый случай для нас, приказал поощрить... А чем? — грамоту зэку не дашь...

Однако Птицын нашел, чем нас поощрить. Через несколько дней он привел фотографа, и был сделан групповой снимок, на котором рядом с нами — арестантами — вольнонаемные — начальник колонны Птицын, фельдшер Кошутин, даже оперуполномоченный (фамилию не помню). Ну и мы — Харченко, каптер,экспедитор,я. Случай, прямо скажем, невероятный,— ведь это было-то в марте 1941 года, в сталинские времена. Сожалею, что по какой-то причине в момент фотографирования не было Ковалева.

Этот снимок я храню, как самую дорогую реликвию. И не только потому, что это память о друзьях по каторге, что само по себе важно и интересно. А еще и потому, что это существенная память о нашем вкладе в строительство линии, которая стала одной из дорог жизни для Москвы и центра страны к концу 1941 года,— по ней пошел уголь Воркуты, когда немцы, захватив Донбасс, оставили эти регионы без топлива. Мы помогли людям сохранить здоровье, а кое-кому и жизнь, и многие из заключенных указников

вскоре стали солдатами Великой Отечественной войны, и эта фотография напоминает — мы тоже работали на будущую Победу.

К середине апреля просеку закончили, затем обработали, ошкурили и заштабелевали заготовленную зимой древесину. В мае колонну ликвидировали, а заключенных распределили по другим колоннам.

Где-то в середине июля меня с попутным конвоем отправили на одиннадцатую колонну, на строительство станции Кулой, где на меня возложили обязанность старшего бухгалтера, на правах — главного бухгалтера. И здесь я задержался в этой должности на целых четыре года. По моей просьбе сюда же перевели Ковалева, который стал бухгалтером производственного учета колонны. Мы сожалели, что с нами не было Харченко, и радовались за него — он попал под освобождение, когда с началом войны начали выпускать бытовиков.

В середине 1941 года на Кулое было четыре колонны, в числе которых наша — механизированная, две строительные и гужевая. В конце 1942 года две строительные ликвидировали из-за уменьшения объема работ и из-за того, что заключенные — бытовики и частично урки — были призваны на фронт. Оставшаяся же численность была передана на нашу колонну, в результате она изменила номер — стала колонна №15 «Сев.-Двин. лага» НКВД. В 1943 году к нам присоединили и гужколонну. В эти годы численность нашей колонны колебалась от 800 до 1100 человек. А так как по своему характеру она стала комплексной, то и учет и отчетность заметно усложнились. Но все же справились... На первый взгляд все у Медведева идет гладко. Но это на первый взгляд. Очень трудно передать, какого напряжения это стоило. Помогало два фактора: сознание того, что ты, оставшийся в душе коммунистом, работаешь на Родину и на Победу, а еще — желание не сорваться, выжить и встретиться с семьей...

Мою работу и мою роль в том, что пятнадцатая колонна оказалась наиболее благополучной в быту и на производстве, отметили и оценили. В результате меня, еще заключенного, летом 1946 года назначили на должность старшего ревизора лагеря. Немало и других заключенных столь же добросовестно работали на различных участках, и об этом можно и должно еще писать и писать...

...Подошел конец срока — 27 декабря 1946 года, но впереди пять лет лишения (поражения) в правах и паспорт с 35-й статьей, т.е. «без права проживания в городах и

промышленных центрах». Куда бесправному податься? Вот почему, когда начальство предложило мне остаться на моей должности по вольному найму с окладом 980 рублей и снабжением по первой категории, я согласился. Условия очень хорошие, ведь еще была карточная система. А я знал, как тяжело живут люди в других местах. И, конечно, думал о семье, она уже к тому времени вдоволь наголодалась.

Поскольку я не сумел добиться «чистого» паспорта или хотя бы «чистого» временного документа для гарантированной поездки почти через всю страну из Архангельской области в Хакасию за семьей (сие не зависело от лагерного начальства), то жене с двумя ребятами самой пришлось решать эту проблему. А поездка тогда была очень непростым делом. Надо было четыре раза в поезд попасть — на месте в Хакасии, пересесть в Ачинске, затем в Омске и еще посадка в Котласе. Короче, продала жена единственную корову, которую с горем пополам нажила в совхозе, но денег до конца дороги не хватило. Последние дни на подходе к Вельску почти ничего не ели — нечего было есть...

Современному человеку трудно понять, как жили наши люди в условиях тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. По-настоящему это могут знать только те, кто сам пережил трагизм тех лет.

Представьте, когда приехала жена, а это было в начале марта 1947 года, она имела два сарафана: тот, на котором поменьше заплат, считался праздничным, а весь в заплатах — рабочим. Вот и весь «гардероб» тридцатитрехлетней женщины. На ней были немыслимые подшитые валенки, а в качестве выходной обуви — галоши с «венским» каблуком, в которых ниши для каблуков были забиты тряпками. Галоши шли за туфли. Не лучше были одеты и дети. Одним словом, мне нужно было и накормить, и заново одеть семью, одеть с ног до головы.

Я не описываю переживания семьи при встрече после разлуки, длившейся более десяти лет, в течение которой были периоды безнадежности, когда уже ни во что не верилось... Впрочем, для детей я был только воображаемым, не реальным отцом. Так что приходилось восстанавливать старое и создавать новое. Но все равно было радостно.

Быт налаживался — жену приняли на работу в бухгалтерию базы отдела общего снабжения лагеря, хорошее место. Мы снимали не очень дорогую хорошую квартиру с хорошим усадебным огородом... Обзавелись друзьями...

Жизнь стала налаживаться, как вдруг!!!

...27 июня 1949 года,— это было воскресенье,— закончив дневные дела с огородом — окучивали картошку да ограду красили,— мы решили пораньше лечь спать. И только я подошел к кровати, как раздался стук в дверь в сенях... На мой вопрос: «Кто стучит?» — послышался ответ: «Проверка документов!» В открытую дверь входят трое мужчин. Старший, в военной форме, проходит к столу, требует предъявить документы и предлагает мне присесть к столу. Просмотрев паспорта и пропуска на право вхождения на объекты лагеря, он подал мне листок со словами: «А это вам»...

А листок этот был...— ОРДЕР НА АРЕСТ!!

Когда арестовывают в первый раз, тоже оглушает. Но там, раз ты невиновен, надеешься, что «обязательно разберутся», и втягиваешься в беду постепенно... Но теперь-то мы уж знали, КАК «разбираются»... Поэтому, как только увидел ордер, сразу же подумал о жене. Ведь это убьет ее... Однако, сколько ни думай, а говорить надо... «Надя,— говорю,— нам, наверное, придется на некоторое время расстаться». «А что такое?» — спрашивает она. «Да вот,— говорю,— арестован я»...

Надя моя, как стояла посреди комнаты, так и замерла с расставленными в стороны руками, сжатыми в кулаки... И вдруг, с возгласом: «Снова! опять!» — громко заплакала, и крупные слезы, как горошины, покатились, именно покатились, по лицу и по платью...

Понятно, что я ее успокаивал, как мог... Но арест, он и есть арест, да еще не первый. Тут надежда на «разберутся» не предвидится. А тем временем шел обыск. Сколько он шел времени, не знаю... Хорошо, что детей не было дома, они отдыхали в пионерском лагере, не видели этого позора и новой разлуки. Увиденное могло бы озлобить их в отношении и к органам, и к Советской власти. Хотя эти репрессии и не были инициативой органов...

Вдумайся, читатель! Семья, в том числе и дети, уже свыше десяти лет, а в молодости годы «длинные», за здорово живешь отстрадала в разлуке, в страхе, в слезах от тоски, людского презрения,— как же, семья врага народа! И вот все снова...

А меня тем временем доставили к начальнику Вельского райотдела КГБ. Когда на его вопрос, какой антисоветской деятельностью занимаюсь, я начал отвечать словами: «Ну подумайте...» Он прервал меня: «Нам нечего думать...» — и указал рукой на стену.

Там, почти под самым потолком, во всю стену, на красном полотнище аршинными буквами написано: «За нас думает Сталин в Кремле!» После нескольких ничего не значащих слов меня отправили в Вельскую тюрьму. Начался очередной виток моих странствий по тюрьмам...

Примерно через неделю два сотрудника КГБ меня одного препроводили в Архангельск, где я был водворен во внутреннюю тюрьму КГБ с соблюдением соответствующего ритуала: фотографирование в профиль и анфас, снятие отпечатков пальцев, описание примет. Следствие длилось несколько дней и состояло, главным образом, из сверки моих теперешних показаний с данными моего иркутского следственного дела, которое почему-то оказалось в Архангельске. Никакого нажима здесь не было...

Дней через десять меня перевели в Архангельскую общую тюрьму, где в компании двух десятков таких же мучеников около месяца ожидал решения своей судьбы. Сидеть было не так муторно, так как возникали новые факты, новые сведения. Кормили сносно, было просторно, ежедневно водили на прогулки... «Нормальная» тюремная жизнь...

В самом конце августа объявили постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 3 августа 1949 года — «бессрочная ссылка»... А еще через несколько дней посадили в спецвагон и отправили в путь-дорогу... Нам неизвестную, в которой пришлось пройти через Вологодскую, Красноярскую и Кировскую пересыльные тюрьмы.

В конце октября 1949 года прибыли в Красноярский край, в поселок Момотово Казачинского района, для отбытия бессрочной ссылки.

Это уже иная глава, где было немногим проще, но не менее трудно, где не было готового пайка...

Итак, я в ссылке. В бессрочной! Это означает — до конца дней своих,— ведь нашему брату, как показал опыт, рассчитывать на милость Сталина не приходится... Все эти мысли только при себе, иначе можешь новый срок, а то и «вышку» схлопотать. Но как там дома? Да и дом-то вдали от дома. Ведь Надя-то красноярская. Да и поженились мы в Красноярске, где у них в семье, кроме нее, еще было трое детей. Увез я ее из дома 30 ноября 1933 года... А в 1936 году разлучили на десять лет... И теперь снова...

В Момотово находился механизированный лесопункт Казачинского леспромхоза. Здесь я работал сначала чокеровщиком, затем, после тяжелой травмы головы, на лесоповале, сначала сучкорубом, потом электропильщиком.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза СССР

СПРАВКА

№ 4н-01158/56

Дело по обвинению МЕДВЕДЕВА Георгия Михайловича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 9 мая 1956 года.

Приговор Военной Коллегии от 9 октября 1937 года и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 3 августа 1949 года в отношении МЕДВЕДЕВА Г.М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГенералЪ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

(А.ЧЕПЦОВ)

Справка о реабилитации Г. М. Медведева. 1956 г.

Летом 1950 года приехала семья. Пришлось построить избу, которую в 1953 году расширил — стал пятистенный домик.

Летом 1952 года обзавелись коровой. Косили сено и прикармливали картошкой с приусадебного участка, отвоеванного у тайги. Держали свиней, кур...

Жена работала в бухгалтерии лесопункта.

Надо сказать, что общественная жизнь на лесопункте процветала. Да это и не удивительно — большая часть русских ссыльных до репрессий были активными общественно-политическими деятелями. Я обратил внимание на русских ссыльных. Дело в том, что не менее трех четвертей работающих на лесопункте были не русские. Больше всех было литовцев — процентов сорок всего населения, затем немцы, казахи и киргизы, латыши, эстонцы, армяне, грузины. И надо подчеркнуть, что на общих работах, а особенно на шпалозаводе, да и на строительстве, главная роль принадлежала литовцам. А вот электрики — это были латыши. В общем, они, как и мы, русские, работали на совесть, и за все годы ссылки ни разу не возникло конфликта на национальной почве.

На общих работах меня использовали пять лет, с октября 1949 по декабрь 1954 года. Затем меня стали продвигать — мастером шпалозавода, старшим нормировщиком

лесопункта, включая шпалозавод и мехмастерские. На этой должности меня и застала реабилитация...

... Вот, пожалуй, и все, что можно было очень коротко рассказать о периоде моей жизни длительностью в двадцать лет, связанном с репрессией, которая провела меня, а можно сказать, проволокла по двенадцати тюрьмам, двум каторгам и ссылке.

Мне хотелось показать пагубность сталинизма, которая состоит не только в жестокости, в результате чего погибли миллионы невинных людей, но и в неисчислимых нравственных и идейных потерях, что и породило в поколениях советских людей равнодушие и бездушие, а также безынициативность. Вспомните: «За нас думает Сталин в Кремле!» Ну зачем ломать голову, если за нас думает «отец родной», а затем думал «верный ленинец» Брежнев... Этот синдром очень силен, он протянулся и в наши перестроечные дни.

Конечно, двадцать лет тюрем, каторг и ссылки в короткий очерк вложить невозможно. Получилось довольно схематично... Но так как сегодня на ЭТУ тему пишется много статей, очерков, повестей и романов, думается, что общая картина всего того, что связано с репрессиями в период сталинщины, достаточно прояснена. Важно главное — чтобы знание темных и трагичных событий истории нашей страны, нашего народа не оборачивалось огульным озлоблением на все, что сделано народом и в те нелегкие годы. А сделано было многое. Надо уметь видеть и злое, но и доброе,— оно все НАШЕ.

Б. МАЗУРИН

ОДИН ГОД ИЗ ДЕСЯТИ ПОДОБНЫХ

Борис Васильевич Мазурин родился в 1901 г. в г. Твери. Его отец, работавший учителем ручного труда, был последователем взглядов Л. Н. Толстого, что оказало влияние и на формирование мировоззрения сына. В 1919 г. он закончил московскую единую трудовую школу 2-й ступени и поступил в Горную академию, но вскоре оставил ее. В 1921 г. вошел в сельскохозяйственную коммуну «Жизнь и труд», члены которой (т. н. крестьяне-толстовцы) были приверженцами взглядов Л. Н. Толстого о свободном земледельческом труде как идеале человеческого общежития и стремились к построению на земле общества, свободного от насилия.

С началом коллективизации почти все толстовские коммуны были разгромлены. Коммуне «Жизнь и труд» удалось переселиться в Сибирь в район Новокузнецка. Первый раз Б. В. Мазурин был арестован в 1932 г. и пробыл в заключении около 7 месяцев. Второй арест последовал в 1936 г., но на этот раз заключение продолжалось 10 лет. Вернулся Борис Васильевич уже не в коммуну, а в колхоз, и до настоящего времени живет в с. Тальжино под Новокузнецком рядом с тем местом, где находилась коммуна «Жизнь и труд». Реабилитирован был только в 1977 г. вместе с другими оставшимися в живых крестьянами- толстовцами.

В 60-е — нач. 70-х гг. Б. В. Мазурин написал целый ряд воспоминаний о пережитом. Однако до последнего времени из них были опубликованы с большими сокращениями лишь воспоминания о жизни в коммуне «Жизнь и труд» (Новый мир, 1988, № 9). Одновременно в Новосибирский и Московский «Мемориал» поступили его воспоминания и среди них — «Один год из десяти подобных».

Дмитрий!

Прошло уже более 30 лет с тех пор, как мы расстались с тобой,— тебя оставили в Тайгинском лагере в 3-й колонне, а меня увезли в далекую Коми. Многое уже стерлось из памяти, но многое стоит как живое, и мне все хотелось рассказать тебе, как я провел без тебя этот год, один из десяти подобных. Ты помнишь 3-ю колонну, где мы хорошо оправились после «доходиловки» на 41-м квартале, где нас 400 человек «контриков» из хороших, новых бараков перевели в огромное овощехранилище, выкопанное под землей, где была полутьма, сырость, и нельзя было съесть ложку пищи без песка, который точился с потолка. В конце зимы мы пилили лес. В морозном воздухе стлался смолистый дым от сжигаемых сучьев, и мы видели, как по дороге проехало несколько саней, и в них солидные люди в

Семья Мазуриных.

хороших тулупах. Это была какая-то комиссия. Они осмотрели наше подземное жилище, пробуя пальцами плесень на столбах, и распорядились немедленно вывести нас оттуда. Вскоре объявили этап. Собрали наскоро свои шмутки и нас длинной колонной вывели за ворота. Подвод под вещи не дали, а до станции Томск идти не менее 30-ти километров. Ты сказал мне: «Давай бросим вещи, все равно не донести», но я не согласился, а ты бросил свой чемодан и мешок на дорогу. И так постепенно делали все. Кто бросал с досадой, а кто осторожно ставил в снег на край дороги. Я пронес свои вещи километров пять и почувствовал, что по трудной снежной дороге не донести и, проходя мимо ворот лагеря «Тимирязевка», бросил один свой узел потяжелее, а легкий фанерный чемоданчик (подарок Алексея Чекмарева) пожалел бросить, тем более что там было с кило масла, недавно присланного из коммуны, письма родных и друзей, собачьи мохнашки. Я упорно тащил его, хотя, как известно, в походе всякий пустяк и то тянет. Когда уже подошли

к мосту через Томь, приближался город, и дорога была очень раскатана и скользкая и держаться на ней в моих обледеневших сапогах было трудно, и я, боясь разбиться,— далеко отшвырнул от себя чемодан в сторону. Потом — холодные товарные вагоны, в которых мы все потные охлаждались, а когда утром нас высадили близ станции Тайга, все наши брошенные вещи лежали вдоль полотна железной дороги, и нас поочередно водили к ним опознавать свои. Подводы все же выслали следом за нами, вещи подобрали. В 3-й колонне бараки старенькие, почерневшие от времени, но зато в отношении пищи было сносно, а главное — был ларек, где можно было купить все. И народ после голодухи быстро оправился. По вечерам, после работы, собирались посреди двора и орали песни до отбоя. Пели хорошо, с воодушевлением. За оградой был поселок охраны, они тоже пробовали петь у себя, но это не шло ни в какое сравнение с нашим. Ну, я не буду тебе описывать жизнь на 3-й колонне, ты знаешь сам, а когда в июле всех нас осмотрела медицинская комиссия — меня признали I группы, «Т. Т.», что значит тяжелый труд, а тебя II группы. Тебя оставили, а меня отправили. Уже более двух лет скитались мы с тобой вместе по дорогам неволи и, хотя в лагерях, но как бы были еще осколком нашей коммуны, все у нас было общим: и интересы, и пища, и труд, и судьба, и вдруг нас разделяют. Мы пошли к начальнику, просили: «Оставьте нас обоих здесь, нельзя, ну отправьте нас обоих в этап».— «Нельзя!» И мы пошли в свой барак. Оставался какой-нибудь час времени быть вместе, слова не шли на язык. Я залез на вторые нары и написал коротко, главное, что тогда теснилось в моей груди. «Опять я на краю разлуки...» Ты знаешь, этот стих каким-то чудом сохранился. Мы простились. Конвой вывел колонну этапников за ворота и подвел к составу товарных вагонов. Мы знали, что в дальний этап хорошо подобраться в вагон людям, уже знающим друг друга, без блатных, которые, пользуясь своей смелостью, дерзостью и разобщенностью остальных арестантов, по очереди обирали всех и более ценные вещи и пищу. Но конвой не дал группироваться, а впихнул по-своему, и в нашем вагоне попался все народ трудовой, честный — статья 58-я. А в соседнем вагоне в пути случилось такое дело: двое жуликов, сильных, ловких ребят, начали обирать арестантов. Подошли к одному мужику: «Снимай!» А мужик оказался с силенкой, взял их обоих за шеи и стукнул лбами. И оба упали мертвые. На остановке загремели в дверь. Подошел конвой. «Откройте!»

— «А что вам?» — «Уберите падаль». Двери открылись, трупы забрали.

Во всяком этапе всех волнует вопрос: куда? Ведь от этого зависит так много. Одно дело попасть куда-нибудь в старый, обжитый лагерь, где есть какое-нибудь производство, и совсем другое дело — «осваивать север», попасть куда-нибудь в глухую, нежилую тайгу, на снег, под сосну и там начинать строить все вновь. При сборах этапа кто-то краешком глаза успел разглядеть на списках три буквы «Кот...», и полетела радиопараша радостная: едем в Молдавию, город Котовский, какое-то большое строительство, тепло, фрукты..., но все обернулось иначе. «Кот...» — было правильно, но дальше было не Котовский, а Котласлаг, и всех, как холодной водой, обдало. Котлас — это ворота на север, тайга, болота, гнус, бездорожье. Ну что ж! Котлас так Котлас! Не ложиться же и не помирать из-за этого прежде времени. Делать в вагоне нечего, народ молодой, и опять пошли песни: «Ой, ты, хмелю, хмелю зелененький...»

На одной пустынной станции наш состав остановился, а на соседнем пути стоял пассажирский поезд, очевидно ожидая нашего прихода, и надо же было так случиться, что наше маленькое, решетчатое окошко пришлось как раз против окна вагона. Все окно занимала дородная фигура какого-то начальника лагерей, в форме, и надо ж так, его глаза и глаза сидевшего у нашего окошка заключенного Таранухи, здорового, рыжего мужика, встретились и упорно смотрели друг на друга, и вдруг, в полной тишине, у Таранухи сорвалось довольно нелестное лагерное словечко: «У, пират лесной»,— в адрес смотревшего на него. В вагоне за спиной начальника две какие-то женщины захихикали. И без того красное лицо начальника стало еще больше наливаться краской, но что сделаешь, их поезд тронулся.

Ехали неплохо, только донимал по ночам на остановках грохот больших деревянных молотков, которыми конвой добросовестно колотил по стенкам вагонов, проверяя, не готовится ли побег, не подрезаны ли доски, да колотили так, что выданные на этап грубые глиняные миски (всю металлическую посуду отобрали) падали с грохотом с нар и разбивались. Для естественных потребностей было прорезано в полу вагона небольшое отверстие, ничем не отгороженное от всего вагона, и все это делалось на глазах всех, приятного мало. Кто-то из едущих показал мне на одного человека и шепотом рассказал: «Это раввин еврейский, фамилия его Мезис, он обладает какой-то силой магнетизма,

и его даже начальство лагерное боялось затрагивать». Я посмотрел на него: наружность обыкновенного какого-нибудь служащего, бухгалтера, что ли, сухощавый, лицо нервное, пошмыгивает носом. Про него говорят, что он знает всю Библию наизусть и все делает так, как там сказано. И вот у меня с ним произошел разговор. Он много курил, и я спросил его: «А разве в Библии сказано, что надо курить?» Он сказал: «Я подумаю»,— и на другой день подошел ко мне и сказал: «Да, в Библии нигде не сказано, что надо курить, и я бросил курить». Какая его судьба была дальше, я не знаю, наши пути разошлись.

Приехали в Котлас. Вроде и ехали не очень плохо и люди здоровые, а, когда вылазили из вагона, многих пошатывало. Котласский пересыльный пункт занимал большую площадь. Добрые бревенчатые строения, деревянные тротуары, чисто, подметено, сразу видать — хозяин богатый, лес даровой и много, рабочей силы тоже хватает. Барак, в который нас поместили, был просторный, высокий, нары в три этажа, но там оказалась такая уйма клопов, что люди не смогли спать, и все вышли во двор и улеглись на земле, благо было еще не холодно, а я улегся один на нары и спокойно спал всю ночь, или клопы меня не трогали, не по вкусу пришелся, или я не чувствовал их.Один заключенный сказал мне, что ему довелось быть здесь в 30-м году, когда непрерывным потоком двигались через Котлас на север раскулаченные. В этом бараке находились тогда дети, отбившиеся и потерявшие родителей. Кормежка плохая, присмотра никакого, дети ослабли. Один мальчик Ваня, лет десяти, карабкался на третьи нары под потолок, слабые ручонки сорвались, и он упал на пол. Тоненькая струйка крови текла изо рта. Так он лежал, через него шагали, и никому он не был нужен, этот крестьянский мальчик. Я сам не видел этого мальчика, прошли уже десятки лет с тех пор, как мне это рассказали, и почему же я не могу забыть его? За что страдал он, невинное дитя? Ведь он же был из того жизнерадостного, бойкого, умного племени крестьянских детей, которых так любили Некрасов, Толстой, Тургенев. «Дети — цветы жизни»,— пишут на плакатах.

В Котласе мы были недолго. В один солнечный денек нас вывели из бараков на берег реки для погрузки на баржи. Здесь, на вытоптанной, замусоренной траве, все расположились, наслаждаясь солнышком. У кого-то появилась газета, ее читали вслух, собрался кружок, подошел и я.

Риббентроп в Москве, переговоры, договор, мы им пшеницы даем и т. д. Время было не такое, чтобы вслух высказывать свои мнения, но под замызганной арестантской одеждой и такими же физиономиями здесь были люди и развитые, партийные, которые разбирались в политике, и я заметил, как один не выдержал, иронически улыбнулся и сказал: «Нашли друзей». Подали баржи, начался шмон (обыск). Перетряхивали наши мешки, чемоданы. Все железное, жестяное, кружки, миски, ложки конвоиры отбирали и бросали в реку, несмотря на усиленные просьбы заключенных оставить — как же нам без них? У меня была эмалированная посудинка, вроде плевательницы. Конвоир мне попался, видно, добрый, взглянул на меня и оставил. И как же я был рад! И как же мало надо человеку для радости — плевательницу оставили, теперь смешно, а тогда я радовался, как ребенок. Разместили всех в две баржи. Баржи были крытые, нас загнали внутрь, а наверху, на слегка покатой к краям крыше, разместился конвой. У них была большая палатка, собаки, пулемет. И мы поплыли вниз по течению до Северной Двины, а потом свернули в Сухону, впадавшую в Северную Двину, и поплыли, уже влекомые буксиром против течения. В трюме было жарко от множества людей, и мы валялись на полу в одном белье. Вдруг открылись люки, ведущие на палубу, и по трапам стали спускаться к нам конвоиры, наставив на нас револьверы ,и скомандовали: «Ложись на спину! Руки на грудь!» — и начался шмон. Тщательно перетряхивали всю одежду, все вещи. Что такое? В чем дело? Оказалось, что будто бы ночью от нас снизу прорезали потолок, проникли в палатку к конвою и взяли якобы лежавшие там на столе тысяч десять денег. Когда нас грузили в баржи, конвой предупреждал — у кого есть деньги — сдавайте, запишем, потом вернем, а на руках денег быть не должно. Многие сдали, но по опыту уже зная, что назад их не так-то просто получить, или пропадут, или запишут на счет, они будут лежать бесполезно, а деньги бывают иногда очень нужны, купить пайку хлеба, и поэтому не все и не все сдавали. Так и я, что-то рублей 120 сдал, а 60 были у меня запрятаны, тридцатка в шапке и тридцатка в поясе брюк. Никто из заключенных не поверил, что могло быть такое хищение, прорезать пол в палатку к конвою, там и собаки, и зачем же на столе будут валяться такие деньги? Но обыск шел, у кого находили деньги, забирали и выводили наверх, оттуда глухо доносились крики, топот...— бьют — поползло шепотом и то тут, то там на полу валялись деньги, потихоньку выброшенные

хозяевами. «Чьи?» — спрашивал конвой, никто не отзывался. Наверх вывели уже человек двадцать. Грохот и крики продолжались. Дошла очередь до меня. Ощупали мою шапку и вытащили тридцатку. Ощупали брюки и нашли еще тридцатку. «Чьи?» — «Мои».— ответил я. «Пошли». И меня повели наверх. Я шел в белье, босой и почему-то на голове моей оказалась черная суконная шапка, сшитая в коммуне. Сердце сжалось, и я весь как-то напрягся и собрался — будут бить, мелькнуло в голове. В это время мы вышли по трапу наверх. Обостренным взором я, не разглядывая, увидел сразу все: и серое небо с низко опущенными клочьями облаков, и такую же темно-серую реку с беспокойными струями и водоворотами, и темный лес вдали на берегу, и часового в шинели с винтовкой со штыком, стоящего на краю баржи, и человек тридцать заключенных, лежащих на палубе в два ряда, головами друг к другу, на груди, с вытянутыми ногами и руками по швам, головы их были напряженно приподняты, и в зубах у некоторых были железные болты, которыми они упирались о доски палубы, увидел, как один заключенный, средних лет мужик, давно не бритый, потихоньку сполз к краю баржи, как я потом понял, желая свалиться в воду от побоев, из-под него текло и видел, как подбежавший конвоир ударом сапога в бок загнал его назад на свое место, увидел подальше палатку... и не раздумывая, не размышляя, сразу принял решение: бить не дамся! спихну конвоира и сам в воду, поплыву к берегу. Тогда я не думал, а потом уже прикидывал, что могло получиться, я мог не успеть добежать до конвоира, и он посадил бы меня на штык или выстрелил, но если бы я, благодаря неожиданности и быстроте, столкнул бы его и сам упал в воду, то в меня бы стреляли, да если бы и не попали, я вряд ли доплыл бы до берега по могучей быстрой реке, да еще в холодной воде, но тогда я ничего этого не думал, а решил — не дамся! И не знаю почему, может быть, мое решение отразилось на моем лице, но они, взглянув на меня, не положили в ряд со всеми, а сказали — садись тут,— и я сел на брус немного в стороне. Меня никто ни о чем не спрашивал и не трогал, и я жадно рассматривал все творившееся. Побои уже стали утихать. Только я видел, как начальник конвоя, в синих галифе, в ремнях, разъяренный, картинно выставив одну ногу вперед, откинув назад корпус, выхватил из кобуры револьвер и начал им лупить одного жулика, молоденького, черненького еврейчика из Одессы. Он его рукояткой и по голове, и по шее, тот съежился, но не издал ни одного

звука. Потом вдруг, из лежавших, как пружина, вскочил молодой, стройный парень, в синей сатиновой рубашке и одним прыжком оказался на краю баржи, спиной к воде, лицом к бегущим к нему конвоирам. Лицо его было решительно. «Не подходи, прыгну в воду!» — крикнул он. Все остановились. «А что тебе надо?» — спросил начальник. «А вы что, гады, бить меня будете? Не дамся!» — крикнул парень. «Ну иди, садись рядом с тем»,— сказал начальник, показывая на меня, он сел. Больше никого не выводили, шум и побои кончились, лежавшие так и оставались лежать на своих местах, но уже не в напряженных, а свободных позах. Мы двое сидели молча. Сквозь бегущие облака проглянуло солнышко и осветило берег. В этом месте лес немного отступил назад, а на зеленой поляне стоял одинокий дом, по траве бегали дети, из дома вышла женщина в красной косынке и стала развешивать белье. При виде этой мирной жизни так защемило сердце, так потянуло туда, подальше от этого ненавистного, ненужного, дикого мира насилия. Солнышко опять спряталось, одинокий домик остался позади, и по берегам опять надвинулся к самой реке темный, неприветливый лес. Вечерело, стало холодать, а мы босые, в белье. Конвоиры ушли в палатку. Все затихло. Мы с парнем прилегли к лежавшим потеснее — согреться. Вскоре нас всех отпустили вниз. Внизу шли разговоры, говорили, что денег собрали даже больше, чем якобы было украдено. Говорят, что начальник конвоя некогда был сотрудником НКВД, в чем-то проштрафился, отбыл срок и, отбыв, вновь поступил на службу и, видимо, вновь принялся за свое. Забыл сказать, вместе со мной ехал один жулик, Мишка Хрипатый, знакомый еще по 3-й колонне. У него была тридцатка. Увидев, что делают за деньги, он скатал ее в комок, сунул в рот, послюнявил и проглотил. Дня через два, когда мы уже были в Вогвоздине, он уединился куда-то за отхожее место, потом показал мне совершенно целую тридцатку, только несколько местами пожелтевшую. Он ее еще как-то разгладил горячим котелком и ушел в ларек. Вернулся с кульком конфет. «Ешь,— сказал он, угощая,— конфеты не пахнут». На пересылке в Вогвоздине было очень тесно. В палатке набилось столько народу, что я, захотев ночью выйти во двор, остановился в недоумении, пройти не было никакой возможности, так плотно переплелось все на полу: руки, ноги, туловища, головы, и некуда было ногу просунуть, чтобы не наступить на кого-нибудь. Видя мою нерешительность, кто-то с полу сказал равнодушно, беззлобно: «Да беги прямо по всем не

разбирая, только быстро, не задерживайся». Я так и сделал.

Дальше от пристани Вогвоздино начинался путь на север, в глубь лесов на Ухта-Печору. Уже на сотни километров было проложено туда заключенными шоссе, в край лагерей. Наутро нас, весь этап, разбили на несколько групп, вывели на шоссе и сказали: «Дорога дальняя, идти пешком, берите с собой вещи самые необходимые, а остальные складывайте в кучу, каждая группа в свою, и их вам после привезут». Все понимали, как тяжел в дороге каждый килограмм, и сложили вещи. Я взял только легкое одеяло, миску, ложку. Скомандовали идти по четыре в ряд, не растягиваться и, конечно, обычная молитва: «Шаг влево, шаг вправо считается за попытку к побегу, оружие применяется без предупреждения». Тронулись. Этапом полагается идти в сутки 25 км, а мы проходили по 40. И хотя дорога была ровная, гравийное шоссе, но идти было трудно, не было тренировки, стирались ноги. Первую ночь переночевали в каком-то заброшенном, насквозь светившемся сарае. Наутро двое старых, муж и жена, не смогли дальше идти, было какое-то волнение, какие-то разговоры, и мы ушли, а куда они делись, не знаю. Иногда по дороге встречались лагеря. У ворот ходили заключенные, и я спрашивал: «Нет ли у вас здесь Троицкого?» «Нет»,— везде отвечали мне. Сергей Васильевич Троицкий был членом нашей подмосковной коммуны и был где-то в лагерях Коми. Вторую ночь мы ночевали прямо на лугу по левую сторону шоссе, а по правую сторону был лагерь. Когда мы подошли сюда, уже темнело, на траве появился легкий иней первых заморозков. Наш конвой долго ходил к лагерному начальству с просьбой пустить нас переночевать в лагере, но им отказали. Предстояла долгая холодная ночь в открытом поле, люди согрелись, вспотели от ходьбы и теперь боялись ложиться на холодную землю и ходили съежившись, засунув руки в рукава и кляня все на свете. Я в дороге сошелся с двумя алтайскими колхозниками-трактористами, Кривенко Иваном Ильичом и Матвиенко Никитой Романовичем. Мы с ними сделали так: разделись до белья, часть одежды подстелили на землю, легли на нее тесно друг к другу и оделись одеялами, бушлатами и так хорошо проспали ночь. Прошли еще день, переночевали в каком-то поселке в сараях. Проснувшись, я почувствовал, что у меня одна коленка распухла и плохо сгибается, видимо, сказался мой давнишний ревматизм. Как быть? Ведь я не дойду. И я пошел к дому, где стоял наш конвой, заявить. Не доходя до

дома, я увидел издали согнувшуюся фигуру заключенного и с силой взлетающие вверх и падающие ему на спину кулаки: били кого-то, наверное, тоже заявил, что не может идти, подумал я и повернул назад. Этап потянулся. Я сначала ковылял, а потом понемногу разошелся. Пройдя по шоссе еще километров 20, мы свернули с него и пошли узкой лесной дорогой. Идти было неудобно: корни, ветки, а тут еще начало темнеть, у многих появилась куриная слепота, они спотыкались, падали, хватались за других, те и сами едва брели, ругались, стоял шум, ряды смешались, конвой нервничал, кричал. Шедший рядом со мной старик, ничего не говоря, перекрестился, вышел из рядов и лег на землю лицом вниз, на спине его белела котомочка. Колонна прошла, он остался позади, и вот послышались громкие крики конвоя, остервенелый лай собак все приближался, я заметил, что люди ускоряют шаг, обгоняют меня, а кто и трусцой бежит, боясь приближающихся собак, а мне какая-то гордость не велит бежать, я иду, как шел, и уже остался почти в конце колонны, но все затихло. Совсем стемнело, лес высокий, не видно ничего, и опять — падения, ругань, шум. И вдруг надо всем шумом громкий, немного нарастяжку голос начальника конвоя: «Конвою! по колонне... огонь!» И загремели выстрелы. Мы все, как один, упали и прижались к земле. Тихо стало, только слышно, над нами посвистывают пули, но я понимаю, что это высоко. «Встать! Построиться!» — звучит команда. Сначала шли тихо, а потом опять беспорядок, шум. Конвою самому, наверное, жутко в диком лесу, в полной темноте и вот вновь: «Конвою! По колонне...» Не успел он скомандовать — огонь, мы все уже лежали на земле. Я слышу, пули свистят ниже, и у меня сразу является решение, если увижу, что хоть в кого-нибудь попало, рвану в лес, в темноту, но стреляют вроде не в нас, а поверху. Опять команда: встать! Опять сначала идем тихо, а постепенно шум разрастается, и третий раз команда, выстрелы и тревожное прижимание к земле, а вдруг по нам. Уже к рассвету, измученные, подошли к реке, на той стороне смутные силуэты вышек лагеря. Это место нашего назначения — Вожаель, 1-й ОЛП (отдельный лагерный пункт) Усть-Вымьлага. Уже когда совсем рассвело, нас приняли в лагерь. Колени мои распухли, и я с трудом передвигался. Пошел к врачу, он дал мне освобождение на три дня. После них я пошел работать в плотницкой бригаде, строить новый барак, так как помещений не хватало. А пока жили в огромном старом бараке. Унылое зрелище представлялось

внутри. Голые стены, голые нары, ни постелей, ни матрасов, съежившиеся фигуры блатных, оценивающим взглядом окидывающих тебя и твое барахло, ходить в уборную на улицу было холодно и лень, и мочились прямо на крыльцо, отчего намерзала там ледяная горка. Лагерь был лесоповальный, работа тяжелая, в глубоком снегу, и некоторые делали себе всякие «мастырки», чтоб заболеть и не ходить на работу. Кто пил мыльную воду, чтобы вызвать понос, кто пропускал под кожу иголкой нитку, смоченную керосином, и там получались огромные язвы или чирьи. Было в лагере много китайцев, так некоторые из них пустили себе в глаза химического карандаша и ослепли совсем. Семь человек таких слепых китайцев почему-то выбрали себе место около выходных дверей, садились там рядком, примостясь спиной к стене, и так сидели, пока все уходили на работу. Люди приходили с работы усталые и засыпали, не раздеваясь, на голых нарах мертвецким сном, и были случаи — жулики снимали с сонных обувь, а они не слышали. У меня были сапоги, которые купил еще в Моряковке, я, ложась спать, клал их в свой чемоданчик, а чемодан в голову, и раз, проснувшись, ночью обнаружил, что чемодана нет, в чемодане ничего не было, кроме сапог. Я встал, но что найдешь в темноте? В это время вошел дежурный охранник с фонарем. «Что бродишь?» — спросил он меня. «Сапоги украли»,— ответил я, и мы с фонарем пошли по бараку. В одном месте стоял на нарах мой чемоданчик открытый и возле него один сапог, другого не нашли нигде. Утром я пошел в тот угол, где группировались блатники, и, как бы мимоходом, не обращаясь ни к кому, сказал: «Ребята, вам один сапог не нужен, верните». И правда, сапог мне подбросили, и они мне еще долго служили. Пища была однообразная, об этом я еще скажу, но в первое время еще давали на второе по куску рыбы. Я тогда не ел еще ни мяса, ни рыбы и по просьбе одного заключенного, по фамилии Дубовик, отдавал ему свою рыбу, он был чем-то похож на свою фамилию, кажется, из матросов, большой, крепкий, с продубленным, немного рябоватым лицом, человек, очевидно, смелый и привыкший спокойно встречать опасности; он здесь начал доходить, не видел выхода, не мог понять за что, и как-то растерялся, ослаб духом, и мне было его жаль. Не помню его дальнейшую судьбу, наверное, погиб во время постигшей лагпункт трагедии, о чем я еще скажу. Вскоре я сам стал есть рыбу, нарушив свое вегетарианство, которого придерживался с 1922 года и даже в трудных условиях лагерей более двух лет. Я плотничал.

Мы строили новый барак, и, когда построили, туда переселили нас, 58-ю, жулики остались в старом, и жить стало лучше, все вещи и пайки лежали открыто, и никто их не брал. Здесь я познакомился с Целинским Адольфом, коммунистом, редактором газеты «Правда Востока». Большой, нескладный, близорукий, в очках, с капелькой, висящей под носом, он имел не очень геройский вид. Он много рассказывал мне о своей комсомольской молодости, порывистой и резкой, как он рубил иконы, несмотря на слезы матери и т. д. Он завидовал мне, что я держусь крепко, могу плотничать, и просил подучить его. Потом, во время нахлынувшей в декабре болезни, он был в больнице, где я его навещал, принося что-нибудь немного из съестного. Какова его дальнейшая судьба, не знаю. В середине зимы стояли суровые морозы, более 40 градусов. Мы строили еще другой барак. Работать было трудно, глубокий снег, мороз, обледенело все, а наверху, на скользких лесах, пронизывало ветром, но силенки, видимо, еще были, и работа шла. Мороженый мох привозили прямо из леса пластами и растаивали его на кострах, над которыми настилали решетки из осинника, а на них мох, подносили его нам наверх в корзинах распаренный, мягкий и теплый. В этом лагере было плохо с одеждой, и мы пообносились, и приходилось, чтобы согреться, иногда приплясывать и пританцовывать. Как-то идет помощник начальника лагеря Янов и, увидев нас, приплясывающих наверху, кричит: «Ну, как, хорошо?» «Хорошо, гражданин начальник, нельзя ли еще оркестр сюда?» Смеется, а мы кричим: «А скоро ли будут бушлаты? Замерзаем». «Не знаю, как будут, вам дадим в первую очередь». Этот начальник почему-то заметил меня. Раз спрашивает: «Мазурин, ты толстовец?» «Да, а откуда вы знаете?» Он засмеялся: «По носу вижу». Дело было уже к весне, мы строили пекарню уже за зоной. Недалеко от пекарни стояло одиноко на полянке небольшое зданьице — изолятор. Как-то туда загнали на ночь партию заключенных, которых гнали мимо нас дальше, а начальник Янов подошел ко мне и говорит: «Мазурин, вот ты толстовец, а работаешь, а вчера пригнали на штрафную этап, так там два толстовца, отец и сын, они отказываются работать в лагерях, говорят: мы любим труд только свободный, не под штыком». Меня как обожгло. Прошли так близко, а я не знал, кто же это? Может, знакомые. «А как их фамилия?» — спросил я. «Не помню, что-то вроде Пономаревы. Так почему же ты работаешь?» «У людей, разделяющих взгляды Толстого, нет никакой ни обязательной программы, ни

догматов, ни партийной дисциплины. Они все идут в одном направлении, но путь у каждого свой, как он ему открылся, и каждому по его силам. Что же вы мне раньше не сказали? — вырвалось у меня.— Я бы им хоть пайку хлеба передал». Начальник промолчал, а потом еще рассказывал об этих страдальцах, очевидно чем-то удививших его. «Они разулись, свои носки поотдавали, босые...» И так эта несостоявшаяся встреча с неизвестными, но дорогими мне людьми и осталась до сих пор загадкой, щемящей сердце и жалостью, и любовью. Кто они? Где они?

Я уже говорил, что вещи наш этап оставил в куче в Вогвоздине. Прошло недели три, и как-то вечером, уже было совсем темно, сказали, что вещи привезли, но свалили на том берегу речки и чтобы шли опознавать. На том берегу ярко горел большой костер и лежала груда мешков и чемоданов. Стали разбирать — тара была наша, но содержимое было разграблено, все, что получше, было похищено. Очевидно, шофера и сопровождающие по пути заехали куда-нибудь на полянку, вытряхнули содержимое и отобрали себе, что им надо, а остальное попихали назад, причем иногда даже не к прежнему хозяину. Так у меня в чемоданчике оказались еще чьи-то трусы, майка. Спрашивать было не с кого.

Лагерь заготавливал лес. Его свозили на берег речки Вислянка (Вислянка впадает в Вымь, а Вымь уже в Сухон), и здесь, на низких местах, куда заходит вода, мы вязали плоты. У нас десятником был Саша Москвин, кажется, бывший летчик. Как-то раз на работе он дал мне большой кусок сахара, мы познакомились. Здесь же на вязке плотов у меня были еще две встречи, запомнившиеся мне. Мы вязали вицы, т. е. рубили молоденькие елочки, распаривали их у костров, свивали их и связывали концами по две, ими после вязались бревна к плоту. У костра хорошо беседовалось. В этот раз что-то в центре внимания был Анре, итальянец из Рима. Он был в том же барахле, что и мы все, но выделялся своим нерусским лицом, смуглый, с тонким прямым носом, серьезный, задумчивый, спокойный и неулыбающийся. «Ну, как, Анре, хорошо в Советском Союзе?» — гоготала наша насмешливая братва. «Я был коммунистом и умру коммунистом, но я не понимаю ничего, что все это значит?» — спокойно отвечал Анре. Его спрашивали. Он рассказывал, как они в Риме боролись с фашистами, били тех, а те их, а когда все фашисты пришли к власти, он бежал за границу. Через несколько стран пробрался в Советский Союз, работал в Москве на заводе

«Калибр», был доволен и вдруг... оказался здесь как «контрик». Другой, еврей из Израиля Леснер, тоже член партии, работал наборщиком в подпольной газете, заболел туберкулезом, ему МОПР дал путевку в Советский Союз, и вот он тоже тут. «Что, Леснер, видал в Израиле, как лес растет?» — смеются ребята. «К нам в Израиль привозили из Советского Союза лес в виде аккуратных дощечек, связанных в пачки, для ящиков под мандарины, так я думал, что эти связки так почти и растут на деревьях,— смеется Леснер,— а здесь! — Он хватался за голову.— Надо к каждому дереву пробраться по глубокому снегу, откопать, надрубить, спилить, очистить сучки, сжечь их, раскряжевать лесину, тралевать до дороги! О боже, и все это с матом!» Ребята довольны — ржут. «Ну как, Леснер, нравится тебе русский язык?» — «Да, к нам приезжала одна русская дама, и мы попросили ее за столом поговорить по-русски, мы не понимали, но нам нравился русский разговор». Я потом расспрашивал его о жизни в Израиле. Он рассказывал: тоже люди живут по-разному, есть и богачи, есть и победнее. Узнав, что я из коммуны, он сказал, что и там есть коммуны и артели, занимаются больше фруктами. Один раз послали бригаду в лес ремонтировать, подправлять дорогу. В лесу все растянулись по дороге, я срубил куст и запел: «К неземной стране путь указан мне»,— песню, которую частенько певали в нашей коммуне. Вдруг работавший дальше человек подошел ко мне, улыбаясь, протянул руку и сказал: «Так вот где встретились! Здравствуй, брат! — Оказалось, он из баптистов.— Приходи вечером в прачечную, там наших пять человек, они работают прачками и там и живут». Я с радостью пошел к ним. Поздоровались, познакомились, правда, некоторые из них были несколько разочарованы, что я оказался не совсем «брат», а некоторые, особенно один, самый младший, не придал этому различию наших внешних убеждений никакого значения и был особенно приветлив ко мне. Но в общем я был рад этому знакомству — люди честные, не ругаются, с нравственными запросами, мне было о чем поговорить с ними, и они относились ко мне хорошо, предложили хранить у них кое-что из посылок, у них было надежнее. Но один раз получилось все-таки так, что и к ним залезли, забрали кое-какие их вещи, а мою посылку, стоявшую под койкой, не заметили и не тронули.

В декабре или конце ноября вдруг люди стали заболевать — понос, потом с кровью, потом человек высыхал, как щепка, и умирал. Больничный барак был заполнен

весь, в два этажа нары сплошь забиты больными — вонь ужасная. Причина болезни была непонятна, а почти сплошные смертельные исходы пугали людей. Заговорили, что врачи в больнице отравляют. Некоторые заболевшие стали это скрывать, чтобы не попасть в больницу. Стали думать на воду из реки, она была какая-то коричневая, торфяная, но дело оказалось все же не в воде, а в пище. В эти места продукты можно было завезти только весной, в большую воду, когда речки Вымь, Вислянка были полноводны и могли пройти катера и буксиры с баржами с продуктами. В этом году этот момент был упущен, и в нашем Усть-Вымьлаге основной пищей оказалась ржаная мука да еще не совсем свежая. Питания было не так мало. При выполнении нормы работ давали 1 кг ржаного хлеба, при перевыполнении еще 300 г. премиального. Утром на завтрак была ржаная затируха, в обед она же и на второе каша из ржаной сечки, в ужин опять ржаная болтанка. Не так мало пищи, но ни жиров, ни овощей — и началась болезнь. Когда за три месяца — декабрь, январь, февраль — умерло у нас 500 человек из 1200, а по всему Усть-Вымьлагу 36% всех заключенных, начальство спохватилось, на автомашинах завезли продукты, стали давать больным и ослабевшим сахар, масло сливочное, лук, провернутый через машинку с мясом, белый хлеб, и болезнь прекратилась. В марте умерло только 12 человек, и больше не болели. Жуткое это было время. Знакомые люди, с которыми жил, работал, вдруг исчезали. Узнавал — в больнице, зайдешь, повидаешь, а потом — умер. Заболели два плотника, с которыми я работал на постройке барака. Один раз один из них, Антушевич, вышел из больницы, худой-худой, подошел ко мне и говорит: «У тебя есть молоко сгущенное?» Я тогда посылку получил. «Да»,— ответил я. «Дай мне немного, мне кажется, если я выпью немного молока, я поправлюсь». Я ему дал, а через дня два узнаю — умер. Почта к нам приходила редко, зато писем привозили сразу много, дежурный приходил в барак и вычитывал фамилии... «Давай сюда!» — радостно восклицал тот, кому выпадало счастье, но часто на выклик кто -нибудь отвечал: на шестой делянке,— так называлось место в лесу, где хоронили умерших. Такой-то! Такой-то! — на шестой делянке... и становилось тяжело, сдавливало горло. Антушевич! «Здесь!» — отозвался я и взял письмо умершего. В обычном крестьянском письме была фотокарточка: еще не старая женщина в белом платочке, и вокруг нее дети малые, один на руках. Клали в конверт, радовались — папе, но

папа уже не увидел и не увидит их. И сколько же таких пап? И сколько таких детей? Я хотел написать его семье о его смерти и, не помню, кажется, не выполнил своего намерения, соображение о том, что цензура не пропустит, помешало. Не могу еще забыть Ваню, подростка из жуликов. Он мне нравился какой-то своей скромностью и серьезностью и своей непокорностью. Он нисколько не хотел чувствовать себя заключенным, а чувствовал свободным человеком, делал все, как хотел. «Почему на работу не идешь?» — «Ботинок нет». Дадут ботинки, он их тут же в горящую печь. На другой день: «Почему опять на работу не идешь?» — «Ботинок нет».— «Тебе же дали вчера.» — «А я их сжег».— «Иди босой»,— и в 40 градусов мороза выгоняют к вахте. Молчит и идет босой по снегу. Пройдет немного за ворота. «Вернись!» — командует начальство, и он опять идет в барак. Все это надломило его здоровье. Он стал жаловаться на боли в желудке. Один раз пришел и прилег ко мне на нары, в ногах: «Живот болит, дядя Боря, дай мне немного сыра (я в то время получил посылку, и в ней была целая головка сыра, это отец мой, уже сам больной совсем, болел душой обо мне и прислал посылку), я тебе хлеб отдам, я не могу его есть». Я дал. Потом что-то долго Вани не было. Я спросил кого-то. «Да ведь он умер»,— ответили мне. И мне было очень жаль его, и я никак не мог простить себе, что не навестил его в больнице, ведь у него никого не было. Меня не раз заключенные из интеллигенции упрекали за то, что я не сторонился жуликов, общался с ними, пригласят поесть с ними, садился. «Как ты можешь есть с ними? Ведь это же ворованное»,— говорили мне. «Это их дело,— отвечал я.— Я в жуликах чувствую людей таких же, как все, а может быть, и еще более нуждающихся в добром отношении».

Еще о болезни, постигшей лагерь. В лагере было много отделений, и только в одном был свой подсобный участок, у них была своя капуста, и там за всю зиму умерло только два человека и не от этой болезни. Не помню, в какое время, меня расконвоировали, т. е. я мог выходить за зону без конвоя. Помню, разбудили нас, бесконвойных, ночью и велели идти по автомобильной дороге на какой-то километр, где сломался мост и застряла на нем автомашина, и надо было и ее вытащить, и мост починить. Мы пошли, и так это было необычно, после стольких лет под штыком, и вдруг идем одни, свободно, и все окружающее, и дорога, и лес, и каждая травинка кажутся какими-то особенными и радующими. Пришли к мосту. Развели большой костер.

Машина задними колесами собрала накатник из тонких бревен и зависла в образовавшейся дыре. Никто нами не распоряжался, не было никаких приспособлений, кроме топоров, никто не принуждал, но машина была быстро вытащена и выкачена на дорогу. Мы срубили пару длинных, нетолстых сосен, ими подваживали под втулки колес и вынимали кверху, а в это время снизу подлаживали подпорки. Ваги каждую минуту могли соскользнуть, и рухнувшая машина могла бы раздавить бывших внизу, но находились такие, кто не обращал внимания на эту опасность, и лезли сами, а я еще подумал: а я ведь, пожалуй, не полез бы, может быть, и полез бы, но страшно.

Когда лагерь постигла болезнь и каждый день умирали люди, ко мне каждый вечер приходил бригадир и говорил: «Идите за зону, сделайте восемь»,— чего, он не говорил, но мы знали — гробов. Иногда он говорил: шесть; иногда: десять, смотря по надобности. Я и еще двое расконвоированных шли за зону, в пустой строившийся барак, и там сколачивали из мерзлого, неошкуренного горбыля ящики — гробы. Лес был мороженый, гвозди не шли, дерево скалывалось, и это увидел как-то зашедший к нам во время работы начальник лагеря и рассердился: гвозди такой дефицит, а вы столько расходуете, бейте по одному гвоздю в каждый горбыль. Мы так и стали делать. Но утром, когда еще весь лагерь спал, нас разбудил комендант: «Чего вы наделали! Стали грузить гробы на подводы, а они развалились!» — «Да нам так начальник приказал по одному гвоздю бить»...— «Ладно, идите в мертвецкую и сбейте гробы». Когда я с товарищем открыл двери тесового сарайчика, то увидели человек 14 мертвецов, лежавших на полу, в одном белье, босых, без шапок, а доски рассыпавшихся гробов лежали за ними в углу. «Я не пойду через мертвецов, боюсь»,— сказал мой товарищ. «Чего же их бояться»,— ответил я и пошел, перешагивая через трупы. В одном из них я узнал Гришу Просекова, работавшего в нашей бригаде, а потом заболевшего, говорили, что его увезли куда-то в другой лагерь, но он оказался здесь. Когда пришлось поднимать трупы, они были такие легкие, что я поднимал их одной рукой. Один из мертвых был наш десятник — заключенный, его убило в лесу деревом на лесоповале, и он так и замерз с беспорядочно раскинутыми руками и ногами, пришлось сбивать ему особый ящик. Не знаю, зависело ли это от начальника лагеря или установка тогда была такая, но хоронили тогда в белье, и на могилках ставили столбики с дощечкой и с надписью — имя,

фамилия, отчество, год рождения и дата смерти. В сосновом лесу на большой поляне было кладбище. Будучи расконвоированным, я иногда собирал себе грибы, заходил туда и любил читать надписи, но однажды, после долгого перерыва, я забрел на место бывшего кладбища и с удивлением оглядывался вокруг — или я не туда попал? Никаких следов, ни холмиков, ни столбиков нет, только чистый песок светился под лучами солнца. Я стал оглядываться и нашел в кустах целую гору могильных знаков и дощечек с надписями. Кладбище уничтожили, и когда мне впоследствии, в других лагерях, приходилось хоронить умерших заключенных, то хоронили без гробов и без белья.

Как-то весной наш бригадир подвел меня и еще одного расконвоированного, Ванюшку Вялкова (ты, может быть, еще помнишь его по 3-й колонне, его отец был в том изоляторе, что стоял внутри зоны), к домику начальника. Домик был не такой большой, но красиво сделанный только прошлый год, но делали его зимой из мороженого леса, на мороженом мху, и он был очень холодный. Начальник вышел и спросил нас, можно ли, не разбирая дом, сделать так, чтобы щелей не было и было теплее. В лагере все берутся за все дела, даже ранее совсем не знакомые, потому что всегда находятся люди, знающие это дело, и с их помощью и остальные быстро осваиваются. Но я до сих пор удивляюсь, как мы с Ванькой, плохонькие лагерные плотники, не думая, уверенно ответили: можем. «А как?» — спросил начальник. «Наделаем крепких клиньев, будем их забивать в пазы, поднимая ими каждый венец, и устранять все, что мешало осадке бревен».— «Ну, делайте!» Все ушли, а мы с Ванюшкой начали; да и струхнули, клинья не очень-то легко было забивать в пазы, ведь на бревна давили и крыша, и потолок, смазанный глиной. Но все же наше упорство преодолело, только мы не стали поднимать каждый венец, а только поверх окон и дверей, где бревна зависали на косяках и были особенно большие щели, потом отпилили излишние концы косяков, торчавшие вверх и державшие бревна, а когда мы выбили клинья, дом сел настолько, что бывшая в доме легонькая перегородка выгнулась вся пупом от осевшего и надавившего на нее потолка. Надо было ее раньше убрать или отпилить, но мы не предполагали, что потолок настолько опустится, и теперь стояли, не зная, что же с ней делать. Перегородка испорчена, и как раз в это время вошел начальник: «Ну, как дела?» — и он с сожалением посмотрел на испорченную перегородку, но ведь мы были лагерники и свою ошибку сумели

повернуть в свою заслугу. «Вот видите, гражданин начальник, насколько дом мы опустили, до перегородки было от потолка сантиметров 20, да еще и выгнуло. Всего сантиметров на 25-30 опустили, а ведь это все щели были, а перегородку выправим, отпилим». Нашу работу похвалили и приняли, но, надо сказать правду, после мы узнали, что дом не стал теплее и его пришлось все же разбирать, но нас это уже не касалось. Лагерь был лесоповальный, лес вывозили на лошадях, в лесу повозки часто ломались, и необходим был ежедневный ремонт обоза. И для этого текущего ночного ремонта, после окончания работы и до начала ее, были выделены 2 человека. Кузнец Мишка Сарапулов и плотник — я. За зоной, на берегу речушки Вислянки, среди кустов и пней, стояла небольшая кузница, там мы и работали. Ночи были светлые, мы обходили, осматривали весь обоз, штук 100 повозок, и делали, что можно было, где ручицы сменить, где тяж сделать, где подушку сменить, где что, а более серьезные поломки оставляли на день. С работой мы управлялись, было спокойно и хорошо среди природы. Днем мы хитрили, не ложились спать на свои места, в хомутарке, а залазили на чердак конюшни в укромное место и там отдыхали спокойно, иной раз нас искали сделать что-нибудь (у начальства всегда работа найдется), но не могли найти. Нам еще иногда помогал Ярсон Василий, эстонец-сибиряк, отбывавший по 58-й статье, по чьему-то ложному доносу. Когда он рассказывал об этом, он приходил в ярость, сжимал кулаки и говорил: «Если освобожусь, вернусь, я его убью» (это доносчика). А Мишка Сарапулов (удмурт) смеялся: «Все так говорят — убью, и никто не убивает, и ты никого не убьешь». «Убью, все равно убью»,— повторял Ярсон. Один раз мы с Сарапуловым сидели на бревнышке возле кузницы и издали заметили спешившего к нам Ярсона, у него болела нога, и он шел, прихрамывая, но видно было, взволнован и торопится. Он подошел к нам и остановился молча. Мы молча смотрели на него, понимая по его виду, что он хочет сказать что-то очень важное. «Знаете что!» — воскликнул он. «Что? Что?» — спросили мы, а он вместо ответа снял шапку и с силой шмякнул ее оземь: «Ежова сняли! Враг народа!» Мы с Мишкой вскочили и тоже шмякнули шапки свои о землю. Мы были взволнованны. Еще бы! Все незаслуженные обиды всколыхнулись в груди, и надежда, яркая надежда загорелась внутри... загорелась и вскоре угасла опять.

Не могу забыть один случай. Был в лагере при конюш-

не ветврач, конечно, заключенный, ему кончался 10-й год заключения, и в день, когда кончился его срок, он внезапно умер.

Уже весной, когда болезнь совсем кончилась, я вдруг узнал, что Саша Москвин в больнице. Я пошел в лес, набрал в баночку черники и пошел к нему в больницу. Теперь там было просторно, чисто, хороший воздух. И как же он обрадовался мне, и особенно рад был ягодам. Я не знаю, что за болезнь, но, очевидно, недостаток витаминов. «Я твои ягоды буду есть понемногу, как лекарство»,— говорил, сияя, Саша. Им давали белый хлеб, но он плохо ел и надавал мне несколько паек, хотя я и не хотел брать.

И опять обрыв... мне больше не удалось увидеть Сашу, и я не знаю его судьбу, меня вызвали на этап, и я не мог не только набрать ему ягод, но даже и зайти к нему проститься, но мне так хотелось верить, что этот милый человек остался жив.

Настал август. Ночи стали хотя и не долгие, но темные. Кузнец Миша Сарапулов рассказывал мне, что он может ловить рыбу ночью с лучом, острогой, что прошлый год он как-то за ночь наловил целую корзину, вот только нет у него сейчас напарника, кто бы мог лодку гонять на шестах. «Да я могу на шестах ходить»,— сказал я, а мне действительно приходилось это делать у нас на Томи. «Поедем»,— сказал он. Я заколебался. Все же я был вегетарианец, хотя и нарушенный лагерной жизнью, но все же что-то шевелилось во мне. Но я согласился — ведь я же ем теперь рыбу, да и мое дело только лодку водить, а охотник — Мишка. Два дня мы подготавливались. Мишка сковал «козу», такую железную решетку, которую прикрепляют на носу лодки над водой, и на ней разводят яркий костер из смолевых кореньев. Потом мы заготовили кучу смолевых кореньев. Потом нашли спрятанную в кустах лодку, кого-то из охранников, угнали ее и перепрятали в другое место. И вот, наладив все это, когда ночная тьма сгустилась до полной, мы сели в лодку, зажгли на носу яркий костер и поплыли вдоль берега против течения. Я был на корме и тихо, беззвучно толкал лодку шестом против течения, а Мишка стоял посреди лодки с наготовленной острогой в руках, зорко вглядывался в освещенное огнем дно реки. Я тоже смотрел, но ничего не мог различить среди камней и древесины, покрытых мхом и водорослями. Вдруг Миша сильным ударом вонзил острогу в воду и быстрыми движениями выбросил на дно лодки большую рыбину. Незаметная на дне реки, здесь, в лодке, она извивалась на остроге,

сверкала металлическими отблесками, освещаемая ярким огнем среди полной темноты. Охотничий азарт возбудил нас, но мне все же сделалось жаль эту, только что бывшую вольной, рыбу, так она билась, извиваясь на остроге, что без слов было ясно, что ей также хочется воли и жизни. В эту ночь мы больше не поймали ничего, а на другой день мне объявили собираться в этап. Куда? Что? Никто не скажет, но товарищи поздравляют: раз пересуд, значит, дело к освобождению. Такие случаи тогда бывали. И на этот раз вместе со мной также вызвали двух учителей из Белоруссии на пересуд, и они были полны надежды на освобождение. Я не знал, что думать, но судьба моя резко менялась, и надвигавшаяся неизвестность волновала меня. Числа 10 августа 1939 года меня и тех двух увели с 1-го лагпункта на комендантский участок, где мы еще пробыли дня три, пока нас не отправили дальше. Денек я ходил по лагерю. На другой день меня и еще одного заключенного, Горева Андрея Васильевича, отправили на работу, на корчевку старых пней. На большой площади, где когда-то рос еловый лес, остались теперь большие старые пни. Подъезжал трактор, за которым волочилась длинная, толстая цепь. Мы брали свободный конец цепи, обводили им несколько пней и цепляли конец также за трактор. Петля натягивалась и выворачивала огромные корневища, а трактор двигался и волок их к стороне, оставляя вместо пней песчаные воронки. День был сухой, солнечный, работа легкая, и, пока трактор оттаскивал свой груз, мы сидели и разговаривали. Андрей Васильевич все больше рассказывал о себе. Он летчик. Последнее время был инструктором парашютного спорта. Один раз на празднике воздушного флота в одном из аэропортов Белоруссии он должен был делать затяжные прыжки с парашютом, т. е. лететь некоторое время, не раскрывая парашют. «Я прыгнул,— говорит он,— лечу вниз головой камнем, даже сквозь кожаный шлем голову покалывает, чувствую, пора раскрывать парашют, как мне задано, но хочется отличиться, решаю еще падать, не раскрывая. Уже земля близко, вижу хорошо аэродром, публику. Дергаю шнур, а парашют не сработал. Земля совсем близко, даже успел увидеть жену, сидит и платок к глазам. Перехватил руку выше и опять дернул шнур, парашют открылся, и я благополучно приземлился, а по аэродрому уже бегут ко мне люди, едет машина «Скорой помощи». Конечно, от начальства мне здорово попало за самовольничество. А шнур оказался вставлен от парашюта другой системы, и как так получилось, не знаю, я ведь прове-

рял все перед прыжком».

В лагере с ним получился раз такой случай. Жуликам понравились его белые фетровые валенки, и они решили их «увести». Гореву кто-то шепнул об этом, и он спрятал под голову топор. В этот день ему нездоровилось, был жар, но сквозь сон он почувствовал, что валенки в головах у него кто-то осторожно тянет. Он с силой бросил топор в жулика, но тот уклонился, и топор так вонзился в столб, что его с трудом вытащили. После этого Горева больше не беспокоили.

Андрей Васильевич много рассказывал о своей беспутной и бурной молодости, сколько у него было увлечений, связей и просто так легкомысленного баловства. Рассказывал он ярко, образно, слушать его было интересно, да и ничего другого мне не оставалось. Вдруг он замолчал и неожиданно спросил меня: «А ты не так жил?» Я отрицательно покачал головой. «И ничего не потерял»,— сказал он мне. На третий день подъехала полуторатонка, в кузов посадили меня и еще тех двух учителей, в кабину сел конвоир, и мы тронулись в обратный путь, по тому шоссе, по которому когда-то шли пешком. Ехали ночью, и вдруг шофер и конвоир что-то закричали в кабине. Мы поднялись и взглянули вперед. На шоссе, в свете фар, удирал от машины во все лопатки зайчонок. «В сторону, в сторону!» — кричали мы ему, но он не понимал и не догадывался выпрыгнуть во тьму из света фар и шпарил перед машиной. Шофер вошел в азарт и поддал газу, и вилял рулем за зайцем, и, казалось, вот-вот раздавит его. Так шло уже долго. Да какой же ты глупый, заяц! — рвалось из души. Но вдруг заяц остановился, сел на задние лапы, передние поджал к груди, поднял уши и уставился глазами на машину. Ну, конец,— мелькнуло в голове, но в это мгновение заяц сделал огромный прыжок в сторону, во тьму, в кусты, мы облегченно вздохнули, а шофер выправил ход машины. «Это мне доброе предзнаменование»,— подумал я. Вдруг вдали на темном небе проявилось темно-зеленое облачко. Это, наверное, было северное сияние, но не такое, как я видел раньше, в виде каких-то передвигающихся занавесей или скатертей белесого цвета. Зеленый цвет — цвет надежды, подумал я, это опять мне доброе предзнаменование. Хотя и не верил ни в какие предзнаменования. Когда я был еще на комендантском лагпункте, мне приснился сон — мой отец лежит дома на своей кровати, как бы спеленутый своим зеленым плюшевым одеялом. Вдруг он разделился на два точно таких же, но вдвое меньше, потом

еще эти два разделились на еще меньших и еще раз, так что вся кровать оказалась занятой маленькими куколками в виде отца, завернутого в свое одеяло. Этот сон запомнился мне и был неприятен. 11 августа отец умер в Москве, и снился мне он, наверное, в тот день. И вскоре мне еще приснился отец. Я лежал на кровати, он подошел ко мне весь в слезах и, горько плача, стал обнимать меня и три раза крепко поцеловал. Этот сон мне часто вспоминался, и я дорожил им. Потом мне говорили — когда в Москве друзьям стало известно, что нам будет пересуд, все радовались и ожидали освобождения, один отец говорил, что ему чудится что-то плохое за всем этим. И он оказался прав. Мой путь прошел по самому краю обрыва, внизу которого была смерть. Но и добрые предзнаменования зайчика, улизнувшего от смерти, и зеленый луч не подвели меня, и я еще десятки лет живу на воле.

К утру мы были в Сыктывкаре. Конвоиры погрузили нас на пассажирский пароход, весь заполненный пассажирами. Интересно было оказаться в сутолоке вольного общества, от которого я так уже отвык. Потом опять Котлас и далее этапом по тюрьмам: Киров, Пермь, Свердловск, Новосибирск. В Новосибирске на пересылке я услыхал, что Германия начала войну против Франции и Англии. Потом Новокузнецк. От станции до старокузнецкой тюрьмы пешком. Тщетно я вглядывался во встречных прохожих — может быть, попадется кто-то из наших коммунаров — но никого. Коммуна уже была разгромлена, и жизнь ее сузилась. А ведь в прошлые годы обязательно ведь кто-нибудь встречался, думал я. Человек 50 наиболее активных уже были оторваны, коммуна была ослаблена. Я не узнал старую знакомую Кузнецкую тюрьму. Прежде всего, дух был совсем другой. На окнах козырьки, тщательные обыски догола, строгость подчеркнутая. Но все же, входя в нее, я жил ожиданием радостной встречи с друзьями, но меня заперли одного в небольшой камере на втором этаже. Сижу уже несколько дней один, полная неизвестность. Вдруг под вечер отворяется дверь, конвоир говорит: «Бери вещи, пошли!» Пошли вниз, потом по знакомому коридору, в знакомый угол, где смертные камеры. «Куда ж это он меня ведет?» — мелькнуло в голове. Конвоир молча отпирает смертную камеру, не угловую, а рядом, гремит ключ, и я один. Железная койка без матраца с ножками, вмурованными в бетонный пол, параша, прикованная большим замком к стене, маленькое окошко с толстой решеткой под потолком — и все. Я не скажу, что испугался, но почувство-

вал всем существом мрачный дух этой камеры. Почему? Зачем? — теснилось в голове. Я сидел молча в полной тишине и вдруг... стук, стук, стук, кто-то вызывает перестукиваться. Откуда звук, не разберу, или сверху, или от соседей. И тут я струсил, не могу себе простить до сих пор, что не ответил, не узнал кто? Может быть, кто из наших? Но неожиданное мое помещение в смертную насторожило меня. Я подумал, а может быть, это подвох, может быть, наседка какая-нибудь стучит — вызывает, и не стал отвечать, а что могли у меня выведать? У меня за душой ничего преступного не было. На другой день к вечеру меня опять перевели в мою камеру на второй этаж, оказывается, там была побелка и меня временно поместили в смертную.

Потом знакомый Первый дом. Конечно, опять один. И наконец, я сижу в кабинете следователя, незнакомого и серьезного. Он мне объясняет, что приговор 1936 года отменен еще в 1937 году, и вот уже два года нас собирают для нового следствия и суда. «Почему отменен приговор?» — спрашиваю я. «За мягкостью!» — резко отвечает следователь. В душе что-то сжимается, я понимаю сразу, какой приговор должен быть, если прокурор республики признает прежний приговор мягким. И снова семь месяцев следствия. Наш старый следователь Ястребчиков Степан Ильич уже на высшем посту в области. Ну, дальше ты знаешь, и я не буду писать. Кстати, Ястребчиков, прокурор г. Сталинска Сорокин и Лебедев, предгорсовета, и многие другие, что копали нам яму, сами свалились в нее, как «враги народа».

12 декабря 1971 г.

В. ЮФЕРЕВ

В РАЗЛОМЕ

Вячеслав Иванович Юферев родился в 1876 году в г. Орлове Вятской губернии. Умер он в том же городе, переименованном в Халтурин, в 1962 году. Между этими двумя датами пролегла жизнь человека, испытавшего взлеты и падения, ставшего свидетелем и участником исторических событий в России.

Юферев родился в семье служащего торговой фирмы. Окончив реальное училище, поступил в Рижский политехнический институт. Революционные настроения, столь характерные для российской молодежи, не коснулись его, тем более что Рига не была еще захвачена политической борьбой в той же мере, как Петербург и Москва. Завершив обучение, молодой агроном деятельно занялся карьерой. В течение короткого времени работал на опытной сельскохозяйственной станции в Вятке, в оценочно-статистическом бюро, служил уездным агрономом в Кузнецке. Наконец, устроившись в переселенческую управу, он был направлен в Омск на должность управляющего складами сельхозмашин и орудий.

Россия переживала удивительное время. Быстрое развитие капитализма на глазах преображало отсталую страну — возникали монополистические объединения, прокладывались железные дороги, под воздействием рыночных отношений расслаивалась деревня. В старых российских губерниях аграрный кризис выталкивал обедневших крестьян в город, но город еще не способен был поглотить такой приток свободных рабочих рук. В результате массы крестьян устремлялись в далекую Сибирь на поиски свободных земель и счастливой жизни. Правительство вынуждено было принимать меры к обустройству новых колонистов и налаживанию их хозяйств. Не последнюю роль играли в этом деле склады сельхозмашин. Это была мощная торговая организация, снабжавшая поселенцев импортной техникой и отечественным инвентарем.

В. Юферев совмещал работу управляющего складами с научными изысканиями в области экономики и статистики. В частности, ему пришлось обследовать хозяйства поселенцев Тарского уезда Тобольской губернии. Приезжие подавали жалобы на свое бедственное положение. Из солнечной Бессарабии они попадали в северные леса с неплодородными почвами. Приходилось валить деревья, выкорчевывать пни, страдать от гнуса, и все ради тощего урожая, который, не успев дозреть, зачастую вымерзал.

Будучи в Омске, В. Юферев наблюдал события революции 1905 года. Как человек небогатый, близко узнавший жизнь народа, Вячеслав Иванович, конечно же, не был реакционером. Кроме того, он поддерживал близкие отношения с политически активными людьми, жил в доме своего родственника, известного революционера-народника Н. А. Чарушина. Среди его знакомых были социал-демократы, один из которых участвовал в Таммерфорской конференции большевиков. Однако эти связи не толкнули молодого человека в политическую борьбу, которую он, видимо, считал делом несерьезным, более подходящим для недоучившихся студентов.

В 1905 г. В. Юферев перевелся в Сыр-Дарьинскую статистическую партию. Здесь в качестве агронома он должен был изыскивать благоприятные для сельского хозяйства земли, куда бы направлялся поток переселенцев. Эти земли считались излишками, ненужными казахскому населению, ведущему в тот период преимущественно кочевой образ

жизни. Конечно, это была самая настоящая колонизация, хотя и мирная. Нам, живущим в другое время, интересно проследить механизм освоения приблизительно тех же районов, которые через 40 лет примут отряды целинников. Вначале производилось обследование земель, водных ресурсов, климата, устанавливались таким образом перспективные районы переселения. Определялся размер надела, необходимого для безбедного существования крестьянской семьи. При этом в расчет принимался весь комплекс как материальных, так и духовных потребностей. Вслед за этим на средства переселенческой управы создавались опытные хозяйства, которые и должны были дать ответ о правильности установленных норм. Конечно, эта схема работала не всегда. Правительство, напуганное революцией, торопилось избавиться от крестьянского балласта, и, по словам В. Юферева, исследования приходилось проводить в спешке. Конечно, столыпинская реформа не разрешила аграрного кризиса, хотя принесла значительную пользу в освоении Сибири. Но все познается в сравнении. Вспомним, как после революции тысячи людей перебрасывались с места на место в бараки, землянки, палатки, вагончики, с какой легкостью начальники во френчах и в пиджаках обрекали молодежь на годы и десятилетия беспросветного существования в ужасных условиях, отгораживаясь от этой правды мифами об экономической выгоде «для всех». А вспомнив об этом, мы будем гораздо осторожнее в своих оценках прогрессивного и реакционного.

В. И. Юферев.

Карьера Вячеслава Ивановича складывалась удачно. В 1912 г. его пригласили в Петербург в Департамент земледелия. К 1917 г. он уже был заведующим хлопковым отделом, чиновником и ученым с большим практическим опытом, тремя орденами, молодой женой и квартирой в столице. Он занимал прочное положение в той государственной машине, которая подлежала уничтожению в ходе пролетарской революции.

Но романтические мечты многих поколений революционеров при столкновении с действительной потребностью руководить огромным государством значительно видоизменились. В ходе революции и гражданской войны бюрократический аппарат не только не был устранен, но значительно разросся. Если в 1913 г. на одного служащего приходилось 15 рабочих, то в 1920 г. — семь. Часть нового аппарата состояла из бывших работников царских учреждений, которые осуществляли функции хозяйственного управления и контроля. Без специалистов нельзя было управлять страной, в которой национализированы основные средства производства. Большевистское руководство этого периода, представленное достаточно грамотными людьми, прекрасно сознавало, что на одних лозунгах социализм не построишь. Но то, что было понятно В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, А. В. Луначарскому и некоторым другим лидерам, отнюдь не всегда было понятно значительному слою партийных деятелей, еще живших по законам подпольной работы. Деятельность советского государственного аппарата налаживалась с большим трудом. Революционеры неохотно шли в столоначальники, а если шли, то, не имея опыта и знаний, вынуждены были полагаться на чутье и здравый смысл

(шаткая опора для руководителя). Своим же подчиненным, «пропитанным буржуазными знаниями и предрассудками», они доверяли мало. И пошло по России гулять презрительное слово «буржуазные спецы», надолго дискредитировавшее подлинные знания.

В первые месяцы после революции В. Юферев, как и многие его сослуживцы, устроился в так называемый комиссариат коммун Северной области. Но это учреждение ничем фактически не занималось, оказалось никому не нужным. Через некоторое время возникла другая организация — Иртур (Управление ирригационными работами в Туркестанском крае). Вячеслав Иванович перешел туда и должен был с женой выехать в Среднюю Азию. В Питере и Москве были сформированы два эшелона, забитые чиновниками, их семьями и домашним скарбом. С большим трудом они добрались до Самары, где и провели зиму 1918 г. Местные власти вообразили, будто все эти люди едут «продаваться» англичанам и, недолго думая, арестовали служащих. Потребовалось личное вмешательство В. И. Ленина, чтобы прекратить дело.

Наконец после долгих мытарств, в 1921 г. В. Юферев был рекомендован на должность члена правления Главного хлопкового комитета при ВСНХ в Москве. Это была уже солидная организация, работавшая на восстановление хозяйства. Весной 1922 г. вместе с руководителем комитета большевиком И. Е. Любимовым Вячеслав Иванович выехал в Среднюю Азию, а затем в Закавказье для обследования хлопковых районов. Посевы хлопка за годы войны катастрофически сократились, поскольку местное население вынуждено было сеять зерновые, чтобы не умереть с голода. Поэтому вначале пришлось налаживать снабжение населения продуктами, организовывать продовольственные склады и только потом переходить к расширению посевов.

Хлопковый комитет, как все органы того времени, четко делился на большевистское руководство и беспартийных исполнителей. Установка на сохранение командных высот за большевиками зачастую приводила к тому, что во главе тех или иных учреждений оказывались люди некомпетентные, карьеристы. А это, в свою очередь, наряду с внутрипартийной борьбой, вело к нестабильности политического курса. Из пяти руководителей комитета, сменившихся за 8 лет, по мнению В. Юферева, только двое соответствовали занимаемой должности. Члены правления, ничего не знавшие о хлопке и хлопковых делах, редко появлялись на службе и в основном занимались административными вопросами Таким образом, фактическими организаторами работы комитета оказывались начальники отделов, выдвинувшиеся из старых специалистов.

В 20-е годы опыт и знания В. Юферева получили наибольшее применение. Под его руководством был разработан перспективный план развития хлопководства, утвержденный ВСНХ и Госпланом СССР. Вячеслав Иванович был доцентом в институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а затем профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, написал ряд научных трудов. В 1925 г. В. Юферев побывал с научными экспедициями в Персии, а в 1929 г.— в США. Но тут его, как и многих других советских людей, постиг тяжелый и несправедливый удар. Уже с конца 20-х годов после разгрома «новой оппозиции» усилившаяся сталинская клика сделала ставку на тоталитарные методы управления. Наряду с коллективизацией разворачивалась вакханалия чисток государственного аппарата. Изгонялись профессора и чиновники, уже давно доказавшие свою готовность сотрудничать с новой властью и принесшие большую пользу в послевоенном возрождении страны. Чистки производились «законно», в присутствии рабочих делегаций с заводов. Народ становился судьей в деле с подтасованными фактами.

В 1930 г. В. Юферева «вычистили» из комитета, а 10 октября арестовали. В одну из комнат его квартиры вселили нуждающегося сотрудника ГПУ. Бутырка в это время уже наполнилась непривычным контингентом — служащими, врачами, артистами и т. п. В камерах была страшная теснота. Через некоторое время Вячеслава Ивановича переправили в Ташкент. «Время от времени по камерам ходила летучая бригада из комсомольцев для производства обысков». Вскоре ему и еще семи мужчинам объявили приговор: Юфереву и Никольскому — вышка, Курбатову,

Мауеру, Григорьеву, Шадрину, Кнопфу, Филатову — срок от 5 до 10 лет (все аграрники, за исключением Филатова — лесника). Расстрел заменили 10 годами, и Юферев оказался в Ташкентском лагере.

В этот раз ему удалось освободиться досрочно, после чего он несколько лет жил в Средней Азии на поселении — работал в Казахском хлопковом комитете, в совхозе агрономом, преподавал в Чимкентском сельхозинституте.

Новый арест последовал в трагическом 1937 году — и вот еще один червонец по приговору тройки, который на сей раз пришлось разматывать от звонка до звонка.

Местом заключения был определен Каскеленский лагерь в 20 км от г. Илийска. Чиновников поместили «с удобством», в отдельную камеру. Каскеленский лагерь «специализировался» по сельскому хозяйству. Сеяли пшеницу, овес, ячмень, кукурузу, сажали овощи. Имелся свой штат агрономов и плановиков из заключенных. Не в этих ли своеобразных сталинских «колхозах» нашел свое логическое завершение идеал «казарменного социализма»? В. Юферев, человек уже преклонного возраста, как раз был назначен плановиком. К нему стекалась значительная информация по целому ряду близлежащих зон. Поэтому его воспоминания об организации лагерного хозяйства и труде заключенных могут быть приравнены к документальным свидетельствам.

В 1947 г. В. Юферева освободили. Он нашел себе работу недалеко от места заключения на опытном поле. Печальную картину представляла собой организация, на которой отразились последствия всех социальных экспериментов, произведенных над Россией. Никчемные полуграмотные работники пытались получить на клочке земли два урожая картошки в год. Никакой отчетности не вели, никакого оборудования не было. Руководству эта точка нужна была для демонстрации своей обширной деятельности, а качество работ, кажется, никого уже не интересовало.

В 1950 г. Вячеслав Иванович вышел на пенсию и уехал в свой родной город. Позади были 17 лет гонений и тот, самый главный... год или день? — когда образовался гигантский разлом между прошлым и будущим, в который обрушились миллионы судеб как мусор, как строительный материал...

Вячеслав Иванович Юферев оставил рукопись воспоминаний, отрывки из которой предлагаем читателю.

И. ЛИХОМАНОВ.

...Осенью 1930 г. я был с треском «вычищен» из государственного аппарата и остался без места и содержания.

При чистке присутствовало несколько рабочих с какой-то мануфактуры. Это был как бы основной фон картины. Они не выступали, очевидно, по причине полного незнакомства с вопросом, но по физиономиям было видно, что, получив надлежащую накачку, они настроены против меня. Мне были предъявлены самые вздорные обвинения. Моя девятилетняя работа по восстановлению хлопководства совершенно не была принята во внимание. Вопрос ясен — я должен быть сметен с пути.

/.../ Арестован я был 10 октября 1930 г. Как обычно, сотрудники ГПУ приехали ночью, произвели обыск, взяли мою записную книжку, где я записывал мои впечатления от заграничной поездки. Опечатали кабинет, где стояло не-

сколько шкафов с книгами, чтобы передать его для жительства одному из сотрудников ГПУ. Меня же увезли в Бутырскую тюрьму.

Хотя из предшествовавших обстоятельств уже было ясно, что меня ожидают дальнейшие неприятности, и я ждал ареста, но переживать его как мне, так в особенности и моей семье, было чрезвычайно тяжело. Вся жизнь перевертывалась. Теперь жена должна была взвалить на свои плечи все тяготы по добыванию средств к жизни и по воспитанию сына.

Бутырская тюрьма. Какое это мрачное здание! Ряд железных лестниц и переходов в огромном помещении соединяют камеры, расположенные в разных этажах. Когда, по рассказам, в дореволюционное время провожали политических заключенных в ссылку, на эти лестницы и переходы собирались остающиеся с букетами цветов. Были же такие времена! Что теперь от всего этого осталось?

Ввели меня в камеру, служившую прежде одиночкой. Сейчас в этой камере меня встретили трое заключенных, да потом принесли еще и мою койку. Один из них оказался крупным специалистом по животноводству, он получил заграничную командировку и собирался уже сесть в поезд, но вместо этого попал в Бутырку. Конечно, ко мне обратились с вопросами, как на воле? Я сообщил, что только что закончился суд над текстильщиками, и несколько человек были приговорены к расстрелу. Мое сообщение произвело самое удручающее впечатление на узников. Они решили, что эта же участь ожидает и их. Было очень тяжело.

День разбивался выводами в уборную, завтраками, обедами. Бывало, ждешь не дождешься, когда поведут оправляться. Хотя в камере и стояла параша, но пользоваться ею не хотелось, чтобы не заражать воздуха. Сначала знакомились друг с другом, разговаривали, а потом брали из тюремной библиотеки книги, и кто-нибудь читал вслух. Помню, читали «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского. /.../

Долгое время меня не вызывали на допрос. Наконец, как-то ночью позвали к следователю. Собственно, допроса как такового не было, а следователь в пространной речи убеждал меня не запираться и, не затягивая дела, признаться в своих преступлениях. Откуда же я знал, какие у меня преступления?

Через некоторое время меня почему-то перевели в другую такую же одиночную камеру. Тут я встретил двух сидельцев. Один из них оказался племянником артиста Ста-

ниславского, врач-прозектор Алексеев. Другой молодой человек мне не запомнился. С Алексеевым мы подолгу разговаривали. Он вращался в кругу артистов, был знаком со многими художниками. Рассказывал много про Станиславского. /.../

/.../ Когда водили нас в уборную, то подолгу держали там взаперти. В это время Алексеев вытаскивал из мусорного ящика и других злачных мест обрывки газет, тщательно, не брезгуя, отмывал их от нечистот, а затем в камере эти газетные клочки с жадностью прочитывались. Иногда сведения попадались весьма интересные.

/.../ Затем меня перевели в общую камеру. Одновременно привели еще несколько человек. В камере было полно народу, и нас с трудом втиснули в дверь и потом дверью же еще и прижали. На первое время пришлось устроиться тут же у двери рядом с парашей, так что моча чуть не подтекала под мою постель, разостланную, конечно, на полу. Лишь через несколько дней мне удалось перебраться на середину камеры. Население в ней достигало примерно 70-ти человек при нормальной вместительности в 25 человек. Располагались частью на нарах, которые были настланы вдоль длинных стен. Остальные заключенные на ночь устраивались в проходе на полу. На полу было тоже так тесно, что часть заключенных подлезала под нары, снаружи выглядывала только голова. Некоторые так долго были в камере и так здесь обжились, что один, например, обзавелся в углу целой слесарной мастерской и с самого утра все что-то сверлил, обтачивал.

У обитателей камеры было много вшей, и обычно после обеда мы стаскивали нижнее белье и из складок начинали извлекать этих насекомых.

Кормили плохо, давали только нечто среднее между супом и кашей. С утра каждому выдавали порцию хлеба в 800 граммов. Этот-то хлеб и спасал. /.../ Сильно поддерживали меня передачи, которые довольно часто приносила мне жена. Но переписка с ней не разрешалась. Она заваливала меня бельем, булками. Это чрезвычайно обременяло меня, так как на продукты жене приходилось тратить много денег. Обо всем этом нужно было бы написать ей, но писать запрещали.

Окна камеры выходили во двор. С основания тюрьмы они ничем не ограждались и можно было видеть заключенных, которых выводили на прогулку. Но все в жизни усовершенствуется. То ,что было допустимо до революции, оказалось совершенно неприемлемым после нее. Усовер-

шенствование применили и здесь. В один прекрасный день, который всем заключенным совсем не показался прекрасным, к окнам снаружи прикрепили деревянные колпаки. Они напрочь перекрыли обзор и позволяли видеть только кусочек неба.

/.../ По вечерам, когда заканчивались все процедуры — чай, обед, хождение в уборную и на прогулку, — почти всегда начинались рассказы. Вспоминали события из своей жизни, читали стихи, а иногда и пели вполголоса — громко петь не разрешалось. /.../

В каждой общей камере есть свой староста из заключенных. Если приводят партию арестованных в свободную еще камеру, они первым делом выбирают старосту из наиболее заслуживающих доверие и уважение. Староста выбирается для сношения с надзирателями, для закупки продуктов, если при тюрьме имеется ларек. Староста следит за порядком в камере, разбирает споры заключенных, в нужных случаях даже наказывает провинившихся, не доводя дела до начальства. Вообще староста облекается заключенными довольно большой властью. Анархия в камере самими заключенными не допускается. Другое дело в камерах малолетних — обычно воришек. Там царит полная анархия. Каждый делает, что хочет. /.../ В нашей камере старостой был татарин, по-видимому, из торговцев. Все относились к нему с почтением, и он действительно заслуживал этого. /.../

Часто поздно вечером или глухой ночью дверь с грохотом отворялась, и надзиратель вызывал на допрос. Если надзиратель называет фамилию и говорит: «Соберитесь с вещами», — это означает перевод в другую камеру и чрезвычайно редко на волю. Если вызов гласит: «Соберитесь с вещами по городу», — то это значит, что заключенного переводят в центральную тюрьму при ГПУ на Лубянку. Тогда у вызываемого уходит душа в пятки. Перевод в центральную тюрьму — это начало длительных допросов с различными способами «уговаривания» сознаться в несодеянных преступлениях. А способы эти бывали различны — лишение сна, сидение на ребре доски, длительное стояние на ногах, пребывание в жарких камерах, накаливаемых калориферами, удары в грудь и другие.

Сидеть с двумя-тремя компаниями в одиночной камере физически легче. Но морально лучше быть в общей камере, где много народу. Здесь находятся люди, с которыми интересно поговорить,и вообще пребывание на людях както бодрит, не дает падать духом. А бодрость духа для узни-

ков — это великое дело. Правда, в общих камерах иногда бывают встречи, которые сильно расстраивают и бьют по нервам. Например, встреча с человеком , у которого шрам на горле, свидетельствующий о том, что он пытался покончить с собой. А рассказы людей, бросавшихся с этой же целью с верхних этажей в пролеты лестниц, где в предупреждение смертных случаев внизу натягивались металлические сетки. Да мало ли каких ужасов приходилось там видеть и выслушивать!

Наконец, пробил и мой час — мне объявили, чтобы я собирался с вещами. Вывели и поместили в какую-то унылую комнату на нижнем этаже. Вскоре сюда же привели Шлосберга, сотрудника Главного хлопкового комитета при ВСНХ, владевшего до революции хлопкоочистительным заводом. Сидели вместе с ним долго, все строили догадки, что же с нами будет. В конце концов явились двое красноармейцев, вывели нас на двор, все четверо уселись на грузовую машину и поехали. Приехали на вокзал, только-только успели заскочить в вагон, как поезд тронулся. Освободили от пассажиров две лавочки, на одной уселись мы, заключенные, на другой — наша стража. /.../

Выяснилось, что едем в Ташкент. По приезде туда нас поместили в тюрьму при местном отделении ГПУ, само собой понятно,в разные камеры.

Места заключения при ГПУ — это нового типа помещения, выработанные уже после революции. На описании их следует остановиться. Управления ГПУ помещались зачастую на центральных улицах, поэтому, чтобы скрыть камеры от взоров проходящей публики, их устраивали в подвалах управлений. Если стоишь в такой камере, то от головы до уровня земли остается еще промежуток не менее аршина или двух. Под самым потолком узкое окно, так что на улицу никак не выглянешь, не видны даже ноги прохожих, тем более что здание стоит не рядом с тротуаром, а отделено от него палисадником. Чтобы в камеры не проникала от земли сырость, стены подвала бетонированы. Отопление центральное. При надобности в одиночную камеру устанавливаются четыре койки, и, конечно, параши, умывальников нет, водят в общую уборную.

Вот в такую подземную келью поместили и меня. В ней я нашел уже двух жильцов — туркмена, чахоточного юношу, и узбека, школьного учителя. Туркмен был молчаливым человеком, а узбек все время возмущался, что его по делу привязали к людям, с которыми он даже не был знаком. Но, тем не менее, у него как истого партийца выры-

валось иногда, что в привлечении его к ответственности он видит политически правильный шаг.

На питание в этот раз нельзя было пожаловаться. На обед нередко давали мясо, туркмен мясо не ел, поэтому мне попадала двойная порция. В дороге на копченой рыбе я сильно отощал и тут имел возможность восстановить свои силы. /.../

В первую же ночь после приезда меня вывели на допрос, и затем эти допросы стали повторяться довольно часто. Сначала шли уговоры — сознаться в несовершенных преступлениях. «Зачем вы хотите ссориться с Советской властью?» «Арестовывая и обвиняя людей, ГПУ никогда не ошибается». «Сознайтесь, вам будет легче». Затем последовали угрозы: «Не будете сознаваться, будет плохо». «Мы уничтожим вашу семью — это осиное гнездо, его нужно выкорчевывать с корнем». Еще дальше дело перешло к прямым пыткам. Правда, меня не били, как это делали с другими, но начали применять бессонные ночи. С вечера приведут к следователю, он некоторое время поразговаривает, а затем уходит, оставив за себя практиканта. Этот последний при попытке закрыть глаза сейчас же окликает и предупреждает, что спать нельзя. /.../

Время от времени по камерам ходила с обыском летучая бригада из комсомольцев. /.../

Кончился и этот многомесячный период моего сидения в подвалах Ташкентского ГПУ. Однажды предложили собираться с вещами и вывели в коридор. Захлопали и другие двери, откуда вышли и остальные, всего со мной 8 человек... /.../

Посадили с вещами на грузовик и повезли в концлагерь под Ташкентом. Здесь же объявили приговор. Я с Никольским был приговорен к высшей мере наказания с заменой десятилетним тюремным заключением. Остальные на меньшие сроки от 5 до 10 лет. Приговор этот, несмотря на его жестокость, ни на кого как-то не произвел особенного впечатления. /.../

В концлагере помещалось около 2000 человек, жили в деревянных бараках тесно, койки в два этажа. Клопов было неимоверное количество. Чтобы хоть несколько избавиться от них, койки время от времени разбирались, выносились на улицу и вытряхивались.

Заключенных выводили пилить дрова и на различные черные работы по городу. Некоторые работали в мастерских при концлагере. Мастерские были — столярная, слесарная, игрушечная, бочарная, жестяная.

Нас почему-то поместили не в общие бараки, а в достаточно большую полотняную палатку.

... И день проходит, и два, и неделя, и другая — на работу нас все не выводят. Только и привлекают к составлению карточек на заключенных, прибывающих с этапами. Наконец, мы сами, насидевшись без дела, попросили администрацию пристроить нас на какую-нибудь работу. Дело, конечно, нашлось. Я занялся токарным мастерством по дереву. Нужно было вытачивать деревянные втулки для бочек. Работать было легко, так как привод к станку был электрический. /.../

Кормили нас так же, как и всех заключенных в лагере, плохо. Жидкий крупяной суп и пшенная каша без масла. Отсутствие жиров стало быстро сказываться. Однажды с голодухи я наелся холодной дыни, и у меня сделалось разлитие желчи. Положили тут же в лагере в лазарет. Там в большой камере лежало человек 15-20. Врач, тоже заключенный, был знаменитостью во врачебном деле, но лазарет содержался отвратительно. Белье и постельные принадлежности не простирывались, на них были пятна гноя, на одеялах присохшие комки кала. Но приходилось пользоваться всем этим, ничего не поделаешь. Поправился я довольно быстро.

День в колонии начинался тем, что рано утречком подвода вывозила два или три трупа, покрытых дерюгой, — это умершие накануне. Обреченные на смерть содержались в особом бараке на задах с особым двором. Мне как-то удалось там побывать. Люди, в большинстве старики-туземцы, в последней стадии истощения, только что и осталось — кожа да кости. Их уже и не лечили, при плохом питании это было бесполезно.

Во всей колонии был только один вольный человек — начальник. Вся же остальная администрация и врачи — заключенные. Регистрация и учет организованы из рук вон плохо. Многие заключенные в списках не числились, человек до скончания жизни мог просидеть в лагере только потому, что его не было в списках.

За время нашего там пребывания в лагерь поступило несколько этапов, все больше почему-то из Закавказья, очевидно азербайджанцы, так как у всех была приставка «оглы» — бедный, почти дикий народ в плохой одежонке.

В лагере мы пробыли несколько месяцев. Наконец, по одному нас начали рассылать в разные места. Меня с конвоиром направили в Алма-Ату. В дороге он почти не наблюдал за мной, был уверен, что я никуда не сбегу.

Сначала я попал в Казахское ГПУ. Там, не прочитав всех документов, распорядились отвезти меня в лагерь за городом. Лишь в этом лагере администрация разобралась в бумагах и установила, что в Алма-Ату я направлен не для сидения в лагере, а для вольного проживания. Вернули в город в управление ГПУ. Здесь я переночевал на столах в конторе, а на другое утро мне предложили пойти в Казахский хлопковый комитет. Там меня тотчас же приняли на работу. Жить я должен был с другими бездомными сотрудниками этого учреждения в общежитии.

/.../ Через определенные сроки я должен был являться в ГПУ для учета. Однажды прихожу, уполномоченный спрашивает, когда я еду в совхоз Пахта-Арал? Я удивился и ответил, что никуда ехать не собирался. «Ну, так собирайтесь». И вот я поехал в этот совхоз, который расположен километров на 150 южнее Ташкента в Голодной степи./.../ Там меня приняли в сельскохозяйственный отдел и я начал работать по составлению различных планов./.../

Предложили было мне преподавать агрокультуру на курсах сельской молодежи, но начальство нашло это неудобным.

Так я жил в совхозе. Сначала ни к кому на учет не являлся, а потом обязали меня ездить раз в месяц в ближайшее село километров за 25 в районный центр для явки к уполномоченному. Трясешься, бывало, в слякоть, дождь с тем, чтобы просидеть у уполномоченного минут пять. Но вот пришла ему мысль сделать из меня осведомителя — доносить на агрономов, которые работают в совхозе. «Мы вам дадим ружье, ходите с ними на охоту». Я наотрез отказался от такой роли. Уж он убеждал, убеждал меня, а когда увидел, что ничего не выходит, взял с меня расписку, что я обязуюсь никому не говорить о том, к чему он меня склонял.

Следующий мой жизненный этап — проживание в областном городе Чимкенте./.../ Меня сейчас же приняли на работу в Казхлопок, а потом в сельскохозяйственный институт и техникум читать агрономические дисциплины. Я получил хорошую квартиру в две комнаты с кухней. Сюда ко мне приехали жена с сыном. Пожив некоторое время, жена уехала в Москву, где сохранялась старая наша квартира, а сын остался жить со мной./.../

Питались мы с сыном дома, я накупал провизию, варил суп, жарил мясное второе, и жили мы неплохо. Я был сильно занят,так как приходилось работать и в хлопковой

организации, и в учебных заведениях. Кроме того, много времени уходило на подготовку к лекциям./.../

/.../Должен сказать, что, когда я еще работал в техникуме, приезжала из Алма-Аты комиссия по ревизии этого учебного заведения. По весьма благоприятному отзыву о моей преподавательской деятельности на основании ходатайства Наркомзема срок моей ссылки был сокращен на два года. Но еще до наступления конца срока я снова был арестован. Это случилось в 1937 году. Предвестники ареста уже были. Арестовывали то того, то другого, с кем приходилось встречаться на явках. Однажды уполномоченный спросил меня, где я живу, хотя, конечно, хорошо знал это и сам. Я решил, что арест состоится на днях. Так и случилось. Как-то вечером я гулял на всполье, вижу, к соседнему дому на тележке подъехал человек в военной форме. Ну, думаю, за мной. Так и есть. Через некоторое время меня кличут. Подхожу к дому, встречает уполномоченный и прямо говорит: «А я за вами». Попросил передать ему сберегательную книжку. И вот тут я сделал большую глупость — отдал книжку. Нужно было взять ее с собой, а я сел в тюрьму всего с семью рублями и этим самым поставил себя в крайне тяжелое положение.

На своей тележке уполномоченный повез меня прямо в тюрьму, в общую камеру. Она была битком набита народом. Кое-как удалось найти для себя узенькое местечко.

Сколько я переменил камер в этой Чимкентской тюрьме, и всюду страшная теснота. Обычно нар не было, располагались и спали прямо на цементном полу, причем каждому староста камеры отмеривал несколько сантиметров пространства. Иногда из-за тесноты лежать на спине было нельзя. Лежали боком, и, чтобы перевернуться на другой бок, нужно было приподняться и снова ложиться. Очень трудно было ночью выходить на парашу, перешагивая через плотные ряды спящих. Как ни балансируешь, а непременно на кого-нибудь наступишь. Тогда начинается брань./.../

Дня через три после прибытия меня вызвали в тюремную канцелярию. Здесь, в отдельной комнате, уполномоченный попросил меня сесть, но не у самого стола, а подальше, у противоположной стены. Вытащил печатный бланк и начал заполнять его. Сначала шли вопросы установочного характера — как зовут, кто такой, сколько лет и т.д.... Затем уполномоченный пишет в бланке первый вопрос ко мне и зачитывает его: «До сведения ГПУ дошло, что вы последнее время занимаетесь контрреволюционной

деятельностью. Отвечайте». Я говорю, что никакой контрреволюционной деятельностью не занимался и не занимаюсь. Уполномоченный записывает мой ответ и пишет в бланке второй вопрос: «ГПУ с достоверностью установлено, что вы занимаетесь контрреволюционной деятельностью. Ваше запирательство принесет вам только вред. Отвечайте». Я снова даю отрицательный ответ. Уполномоченный пишет и зачитывает третий вопрос, в котором опять фигурирует угроза, если я не буду сознаваться. Мой отрицательный ответ записывается. Больше вопросов со стороны уполномоченного не было. Затем он предлагает расписаться на бланке, и на этом допрос заканчивается.

Дня через три меня снова вызывают в тюремную канцелярию, и заместитель начальника тюрьмы объявляет мне постановление тройки ГПУ. Я приговариваюсь к 10 годам тюремного заключения без поражения в правах после отбытия срока наказания. Зачитывая это постановление, заместитель начальника держит верхнюю часть бумаги закрытой. Я задаю ему вопрос, за какое же преступление я должен нести такое суровое наказание. Он отвечает: «Это вас не должно интересовать». Хорошенькое дело! Да, суд быстрый, но милостивый ли?

Так начался новый срок пребывания в узилищах. Сначала в продолжение нескольких месяцев он протекал в Чимкентской тюрьме.

/.../ Состав заключенных был самый разнообразный — служащие, торговцы, священники, узбеки, казахи, уголовники — так называемые «урки» ... и политические. Все это составляло своеобразный людской клубок. Всем при такой скученности приходилось как-то приспосабливаться друг к другу./.../

В Чимкентской тюрьме я просидел несколько месяцев. Но вот кончился и этот срок. Однажды меня вызвали из камеры, выдали мои вещички, усадили вместе с другими на грузовую машину и отвезли на вокзал. Посадили в специальный тюремный вагон с решетками на окнах и повезли. Как выяснилось, в поезде было несколько таких вагонов, партия отправлялась не маленькая. /.../ Довезли до г.Илийска, расположенного на реке Или, впадающей в озеро Балхаш, и здесь высадили. /.../ На другое утро после скудного завтрака двинулись в путь. Вещи были сложены на подводы, на них же усадили больных и немощных, остальные должны были идти пешком. Направились в Каскеленский лагерь № 5, расположенный на реке Каскелен, в 25 км от Илийска. Шли с остановками.

Лагерь только начинал свое существование. Бараки еще не были достроены и оборудованы. Поэтому прибывших заключенных на некоторое время поместили в полотняные палатки. Хотя наступала уже осень, но было не холодно.

Затем переселили в бараки. Они были большие, построенные из саманного кирпича с соломенными, обмазанными глиной, крышами. Потолки фанерные, поэтому зимой в бараках было очень холодно.

В лагере была своя сапожная мастерская, портновская, прачечная, парикмахерская. Во всех этих мастерских ремонты и прочее обслуживание производилось бесплатно. Если и приходилось платить, то только за специальные заказы./.../

Сапожник сшил мне туфли из голенищ кирзовых сапог. Это стоило двух паек хлеба по 800 граммов.За такую же пайку я выменял фанерный чемодан. Вообще меновая ценность хлеба была весьма высокой, ведь кормили очень плохо — изо дня в день суп из пшенной крупы с небольшим добавлением масла. Мяса никакого. Хлеба по своей должности я получал один килограмм и весь его съедал. Кстати сказать, те туфли я ношу и теперь, спустя 15 лет.

Лагерь был организован на базе большого участка орошаемой земли, размером около 1800 га, расположенного полосой вдоль берега р. Каскелен. Высевались главным образом зерновые хлеба — пшеница, овес, ячмень, кукуруза. Кроме того, картофель, фасоль, арбузы, дыни. Значительная площадь отводилось под овощные культуры.

Меня назначили бригадиром в бригаду по возделыванию овощей. Бригады в составе 15-20 человек отправлялись на работы под конвоем. Частенько конвоир где-нибудь под кустом укладывался спать, ничуть не беспокоясь, что кто-нибудь убежит.А побеги все же изредка случались. Километрах в семи пролегала железная дорога, и беглецы устремлялись туда. Бежали, конечно, исключительно уголовники, а они всюду имели знакомства и связи./.../

Я, как сказано, с бригадой обычно ходил на огородные работы. С весны в парниках выращивалась рассада помидоров и капусты, затем рассаду высаживали в грунт и сеяли семена других культур. Затем следовали работы по промывке, прополке и уборке.

Вначале, пока ко мне не присмотрелись, я ходил с бригадой под конвоем, а потом получил возможность самостоятельно ходить по всей площади совхоза. Летом этой возможностью я пользовался еще и для того, чтобы искупаться в каком-нибудь из больших арыков./.../

Если в начале моего пребывания в Каскеленском лагере я исполнял бригадирские обязанности, то в дальнейшем меня определили на плановую работу по сельскому хозяйству, и я стал работать в конторе.

Я не знаю, сколько лагерей было в Казахстане, наверное,не один десяток. Но недалеко от нашего Каскеленского лагеря был еще лагерь в г.Илийске. Его начальник распространял свое влияние и на наш. Равным образом находящийся там агроном являлся руководителем и наших сельхоздел./.../ В моих руках, как чиновника, сосредоточивались все сведения, касающиеся сельхозпроизводства лагеря.

В ГУЛАГе существовала своя денежная система. Эти деньги были бумажные и различной ценности. Когда заключенный поступал в лагерь, обычные деньги у него отбирались и заменялись гулаговскими. На них можно было покупать предметы и товары только в своих ларьках, в общих же магазинах на воле они, конечно, хождения не имели. Деньги эти существовали в течение нескольких лет, а затем их упразднили.

Сельское хозяйство лагеря ежегодно приносило миллион рублей убытка. Однажды даже за это были отданы под суд начальник лагеря и агроном — вольный человек, и суд для разбора дела приехал в лагерь, но подсудимые сделали какой-то отвод, суд не состоялся, а потом дело так и заглохло. Убытки продолжались./.../

Все работы на полях, в огороде и в саду выполняли заключенные. При поступлении в лагерь они обязательно проходили медицинский осмотр. Во время осмотра их распределяли на три категории — безусловно сильных, здоровых — это первая категория, самые слабые — третья. В зависимости от категорий назначалась работа. Оплачивалась она в мизерных суммах деньгами.

Одеждой, бельем и обувью заключенных снабжал лагерь. Иногда выдавали новые вещи, иногда подержанные, из армии, например,бушлаты, шинели, шапки, валенки. Белье различалось по срокам: 1-й срок — это совершенно новое, в частности, трикотажное, 2-й — несколько поношенное, 3-й — довольно-таки ветхое. Чтобы получить, например, другую рубашку, вместо изношенной, достаточно было сдать один ворот без подола и рукавов./.../

Лагерная больница и амбулатория были организованы хорошо, в них поддерживалась чистота и порядок. Это, пожалуй, было единственное, чем мог похвастать лагерь. Обычно всем приезжавшим ревизорам всегда показывали эти лечебные учреждения. Первоначально вся медицинская

часть обслуживалась одним врачом, при котором состоял фельдшер и две-три санитарки. Потом учреждена была еще должность заведующего медицинской частью. Врач обычно был заключенный и жил при больнице. Заведующий — вольный. / ... /

Заключенные, заслужившие доверие, не только получали возможность выходить из зоны без конвоира, но в некоторых случаях посылались даже в командировки по разным хозяйственным делам в Илийск, Алма-Ату. Не раз и я бывал в таких поездках.

Заключенные, работавшие в конторе, больнице и в мастерских, получали месячную плату, конечно, весьма небольшую. Я, например, получал персональную ставку, наивысшую для лагеря, в размере 100 руб. в месяц, наш врач заключенный — 60 руб. Работающих в поле и на огороде рассчитывали в зависимости от выполнения норм. Заработанные деньги на руки полностью не выдавались, а записывались на личный счет заключенного. Получать с личного счета можно было небольшими суммами по особым заявкам.

В те времена, когда я был в лагере, день работы засчитывался за день. Никаких льгот в этом отношении не предоставлялось. / ... /

Когда начал приближаться срок моего освобождения, я решил, что мне надо съездить в Алма-Ату, чтобы приискать себе работу. Начальство не возражало, я побывал в Казахском институте земледелия, где мне и предоставили место научного сотрудника на Южно-Казахстанской плодово-овощной станции. / ... /

Наконец, прозвенел звонок. На вопрос: «Сколько лет тебе сидеть?» — заключенный обычно отвечает: «Десять, от звонка до звонка». Здесь привычна цифра 10, так как большинство заключенных приговаривалось к этому сроку.

Администрация всегда была точна в соблюдении сроков освобождения. Человека не выпустят раньше, но и не задержат в лагере или тюрьме ни на один день. Если бы заключенный сам просил разрешения остаться на день, на два, то и этого ему бы не позволили. Растворят ворота и уходи куда знаешь. / ... /

Южно-Казахстанское плодово-овощное опытное поле расположено в 5 км от села Белые Воды и в 25 км — от областного Чимкента. / ... /

Что же представляло собой это опытное учреждение? Сравнительно небольшой земельный участок под полевыми посевами, довольно большой фруктовый сад с разнообраз-

ным ассортиментом плодовых деревьев, но с утерянным планом размещения этих насаждений, так что при постановке опытов нельзя было сказать, к каким сортам эти опыты относятся. Никакой лаборатории, никаких приборов, нет ни метеорологической станции, ни простого термометра. Словом, имея громкое название станции, это учреждение не могло быть даже приравненным к прежнему опорному пункту — самому простейшему из опытных организаций./.../ При постановке опытов повторялись зады, из года в год ставились на разрешение вопросы, которые давно уже были разрешены./.../

Работая на опытной станции, я начал подумывать о выходе на пенсию./.../ В результате хлопот я получил пенсию, общую для служилого лица, и в начале 1950 г. приехал в г.Халтурин и здесь поселился у своих двух сестер.

Обосноваться в Москве, где жила моя жена, я не мог как не получивший реабилитацию./.../

К. ЧЕРНИКОВА-ШУКЛЕЦОВА

ПЕРЕЧЕРКНУТАЯ ЖИЗНЬ

Я, Черникова Клавдия Федоровна, 1917 г. рождения. Мой отец, Черников Федор Васильевич, 1891 г. рождения, и мама, Черникова Евдокия Григорьевна, вместе с детьми (а нас в конце 20-х гг. было 8 человек) жили в деревне Чик Коченевского района. Имели в хозяйстве двух лошадей и жеребенка, корову с теленком и овец, наверное, 10 или 15 штук. Вот и все наше богатство.

Отец работал в сельском Совете секретарем. Мы лет с семи работали на полях, а в воскресные дни и отец с нами выезжал на поле. Старшая сестра с двоюродными братьями пахали землю, мы помогали боронить, а летом пололи пшеницу, гречиху, овес, просо. Вот так мы и жили до 1929 г.

А в 1929 г. зимой, в декабре, как сейчас помню, пришел отец на обед и сказал мне: «Меня арестовали». Мы все и мама заплакали, а он покушал и пошел запрягать свою лошадь. Через некоторое время приходит с пакетом человек из сельсовета — это был Москалев Михаил, работал дежурным в сельсовете, крестник отца: «Вот, дядя Федя, мы с тобой поедем в город». И поздно вечером мы все стали ждать отца, он приехал на лошади домой, и мы, конечно, все были рады.

А на другой день он пошел в сельсовет и быстро вернулся домой и с ним опять дежурный с пакетом. Отец запряг лошадь и зашел в дом, а нам сказал: «Не бойтесь, я ни в чем не виноват. Как вчера, так и сегодня приеду домой». Мы весь день ждали, вечер и всю ночь, а отец так и не вернулся. Из одежды привезли только тулуп овчинный с отца. Мама расспросила дежурного, где он оставил отца, и через сколько-то дней стала собираться в Новосибирск, приготовила посылку, и я со слезами выпросилась, чтобы она взяла меня с собой. Приехали в город утром и сразу же к тюрьме поехали. Сколько народу собралось, толпа качалась, как волна, как пшеница колышется, и все плакали и кричали: «Где наши мужья, скажите!» Я сидела весь

день на санях недалеко от той толпы. А к вечеру в открытое окно здания выглянул какой-то человек и громко закричал: «Разойдитесь, и больше сюда не ходите, они все расстреляны». Я тоже все слышала. Люди со слезами стали расходиться, подошла мама и сказала: «Отец расстрелян у нас». И мы в слезах поехали и жили зиму без отца.

После ареста отца с нами совсем перестали считаться. В мае 1930 г. маме объявили, что мы лишенцы. В день выселения к нам пришли несколько человек деревенских и уполномоченный (кто он, я не знала), он-то и кричал на нас: «Много не берите!» Поэтому, пока мы грузились на телегу, многие вещи отбирали, отняли отцову шубу. Хорошо, что мама испекла перед этим хлеб, наготовила сухарей, насыпала в мешок пшена, припасла немного гречки. Разрешили взять только несколько килограммов еды. На телегу посадили 4-х детей: брату Иннокентию было 9 лет, Марии — 6 лет, близнецам по 2,5 года. А мы трое и мама шли пешком до города, до самой баржи, куда нас грузили. Старшая сестра Степанида осталась в городе, вышла замуж не по любви, чтобы не ехать в тайгу.

Пароход с двумя баржами привез нас в Баранаково, в пути несколько раз причаливали, хоронили мертвых детей, а причаливали в пустынных местах, где не было населения. Помнится мне, что вообще было интересно смотреть по сторонам, мы много проводили времени на палубе. Еще нам сказали, что мы едем к отцу. Разгрузили нас в Баранаково, сошли на берег по трапу. Вот здесь у нас у всех и отобрали наши запасы муки и крупы и сложили в штабель и поставили охрану. От такого обращения люди волновались, переживали, ведь есть нечего.

Сколько пробыли в Баранаково, не помню. Потом както подошла моторка, и еще одна, и нас повезли дальше. Капитан сказал всем, чтобы набрали воды из Оби для питья, потому что дальше путь лежал по реке Чая. А воду из нее сырую пить нельзя — можно умереть от поноса. Мама набрала воды в чугунок и еще во что-то. Когда моторка свернула в реку, то мы увидели, что вода Чаи впадала в Обь коричневая, почти черная. Пока везли вверх по Чае, то каждый питался чем мог, кто сохранил сухари, хлеб.

Наконец доехали до крутого берега, капитан скомандовал разгружаться. После этого кое-как закарабкались на берег. Место было названо Крутояр, недалеко от деревни

Ершовка*. Сразу же на другой день мы пошли с мамой узнать, где есть недалеко деревни, чтобы добыть чего-нибудь поесть детям, ибо съестное, что мама приготовила, мы хоть и не досыта, но все за дорогу съели. Мы пошли, а с малышами осталась сестра. В тот день дошли до деревни Орловка, прошли еще деревню Шабуры, наменяли к вечеру немного продуктов. Мама тогда отдала свое лучшее кашемировое платье.

И вот так мы ходили все лето 1930 г. по деревням — нас потом гнали отовсюду, вещей скоро никаких не стало. Мы только просили милостыню, молились, и нам подавали, что попало. У них в деревнях тоже хлеб был зеленый (булку разломишь, а цвет зеленоватый, значит, в муку подмешивали траву). Голод тогда унес много жизней, как детских, так и взрослых. В тайге мы находили ягоду, было много малины. Частенько видели медведей, по одному, тогда бежали домой. От малины на голодный желудок была часто рвота. Еще находили и ели колбу. Ходили по деревням далеко, доходили даже до села Бакчар. Осенью собирали по огородам листья капустные, за это или с себя что-то отдавали, или отрабатывали по дому, что заставят. А от государства нам ничего не давали.

И вот полетели белые мухи — снег, а мы живем еще в палатке. А рядом жила в бараке, вкопанном в землю, женщина, звали ее Богдашиха. Она лежала на печке и так умерла с голоду, вот мы и перешли в это жилье. В то время жители Ершовки, что была рядом, вотяки да кержаки, погрузили все на плоты и уехали подальше от нас. Когда в деревне дома освободились, у кого были мужья, те дома-то и заселили, а мы остались зимовать на Крутояре. Однажды зимой мама пришла и сказала, что ее назначили везти в Томский детский дом сирот (чьи родители умерли от голода), ей доверили, так как мама была грамотной. Мама увезла сирот, а мне сказала, чтобы я ходила в Ершовку к нашему старшему в поселке и просила еду для детей.

В это время привезли мороженую картошку и муку, она с собой принесла немного, но этого недоставало. Мама собрала сирот-детей на сани, их укутали кое-как ремками и увезли. Везли на перекладных — от комендатуры до комендатуры, в деревнях устраивали на теплый ночлег. Сдала она детей в Томск, а потом сама поехала в Новоси-

---

* Поселки Крутояр, Ершовка, Бундюр располагались на территории Тоинской комендатуры, около ее границ с Парбигской и Галкинской комендатурами.

бирск. Ходила там по родным, рассказывала о своем горе и ей помогли купить лошадь с санями и кое-какие продукты.

А я с четырьмя детьми осталась одна (сестра постарше раньше тайком ушла с подругами в Новосибирск) и боялась, чтобы нам не умереть с голода. Пришла в Ершовку к т. Лесникову и рассказала, что мы сидим голодом, на улице мороз. Он дал указание чистить картошку мороженую и за эту работу обещал дать немного картошки и муки. Пока мама ездила, я так зарабатывала на еду и делала затируху — насыпала в чашку муки и туда наливала водички и терла между ладоней, а потом спускала в воду, солила и все хлебали. Мама проездила тогда два месяца, и мы кое-как дожили. Тут нам дали сахара и муки, тогда я испекла хлеб в печи. Но когда уходила работать и своих младших оставляла дома, то наказывала, чтобы без меня хлеб не брали, чтобы не умереть после голодания. Я насыпала детям сахару на стол, каждому по маленькой кучке. И они пальчиком макали в сахар и облизывали и так ждали, когда я приду с работы. Для заготовки дров дали топор и пилу.

В то время в поселке стали появляться лошади, раз образовался кооператив.* Комендант строго следил за тем, чтобы никто на лошадях не убежал. Сам он жил на пригорке, деревня была в низинке, и ему было хорошо видно все, и дорогу тоже. Вот мама приехала обратно на лошади. Комендант сразу же пришел к нам и приказал маме отвести лошадь в деревню, топал ногами, кричал: «Частная собственность отменена!»** Мама до утра никуда не пошла, а утром все же угнала лошадь с санями в деревню.

С мукой были перебои. Тогда мама и несколько мужчин ездили за картошкой в Коломенские Гривы на лошадях, это 120 км, с тем и прошла первая зима. А весной 1931 года мужчины начали ездить верхом на лошадях и искать лесные гари, где можно было бы корчевать и сеять. Тогда все трудоспособные и мы, подростки, ходили на раскорчевку. Тайга непроходимая, лес лежал друг на друге и крест-накрест. Мы пилили стволы длиной по 2-3 метра, а взрослые по 4-6 человек таскали их в кучу. Затем бревна ставили на попа, как балаган, и внутри поджигали. Лес го-

---

* Речь идет, вероятно, об организации т.н. неуставной сельскохозяйственной артели — подобные артели создавались в комендатурах. Во главе их, как правило, находились специальные уполномоченные ОГПУ.

** Здесь налицо произвол коменданта. Правительственными и ведомственными постановлениями спецпереселенцам разрешалось приобретать в местах поселения лошадей и коров.

рел всю ночь, так мы работали ежедневно все лето. Люди пухли с голода и сильно болели, умирали. Живые, не лежачие деревья валили взрослые, под корни подводили ваги. Деревья падали, мы их распиливали, все это сжигали. Когда валили кедры, то у взрослых душа болела, что губили добро.

Выживали в основном при такой работе сильные духом, которые не сидели в бараках, а после корчевки ходили в лес и собирали себе на пропитание. Нам удавалось раскорчевывать маленькие полянки, так как был непроходимый лес, а сил не хватало, голодали.

Настала зима 1931/32 гг., мы все еще живем в землянке, ходим по деревням побираться, и из еды все та же мороженая картошка. Весной только дали нам лес и мужчину на строительство дома. Мы помогали, как могли. А это все делали после работы на раскорчевке. Как-то наши стали просить, чтобы давали муки побольше, чтобы люди не умирали с голода и не бежали. Комендант отвечал: «Вы работаете на себя, на вас уже государство и так большие деньги истратило. Вы их еще не отработали. Сколько дают, столько есть, а больше дать не можем».

После такого ответа люди молча уходили и работали, народ был из деревни дружный и трудолюбивый. На раскорчеванных полях сеяли лен, а осенью его убирали и куда-то отправляли. Тогда и с мукой стало легче — маме стали выдавать 16 кг, она была звеньевая по льну, а мне — 8 кг в месяц. В 1932 г. осенью я пошла в четвертый класс, а до этого не училась — меня исключили из школы, еще когда отца арестовали. Кое-как прожили мы зиму. А потом опять работали все трудоспособные и дети. Осенью 1933 г. тех, кто учился хорошо, отправили учиться в 5-й класс в деревню Бундюр — это от нас было 20 км, через деревню Орловку. Дорога после Орловки шла через тайгу, почва там была тонкая, болотистая,дорога там была из намощенных поперек бревен. Домой из Бундюра ходили раз в неделю в субботу после уроков и приходили в Ершовку ночью, а в воскресенье уже уходить надо было обратно. Из Ершовки нас 4 человека ходили. Домой мы ходили запасаться продуктами, мне мама давала с собой на неделю одну булку хлеба, немного картошки и два кружка замороженного молока.

В 1933 г. маму премировали телкой, вот потом у нас и появилось молоко. Учиться было непросто, особенно тяжело переносился голод. Я свою булочку не съедала просто так, а только во рту сосала как конфету, а картошку очи-

щенную крошила ломтиками в молоко и кипятила, тем и жила. В Бундюре я жила на квартире. Запомнилось, как ходили осенью и зимой из дома в Бундюр по темноте. В тайге по сторонам от дороги ночью виднелись светящиеся пни гнилые, и мы брали каждый себе по одной или две гнилушки и всю дорогу махали впереди себя и кричали еще. И у нас получалось такое освещение, что ни один медведь на нас за два года не нападал.

Когда я в школу пошла (а сентябрь — самые же работы), мама мне и сказала: «На тебя даже муки не дают теперь». Я говорю: «Пойду побираться, траву есть, но хочу учиться». В 1935 г. весной я закончила шестой класс, мне было уже 18 лет. Я с мамой посоветовалась и решила уйти в Новосибирск, так как у нас было безвыходное положение, надеть нечего. У нас не было даже нательного белья, мама привезла мне одно платье из Коломино, для школы, а под платьем намотано было что попало, а мне это все надоело. Дети, кто с отцами, одеты, как люди, а я , как нищенка. Мне в школе было стыдно ходить в больших маминых валенках и я от стыда сидела за партой даже на переменах.

В 1935 г. в начале лета пришла моя сестра за мной из Новосибирска (которая раньше убежала) и говорит: «Пойдем, хватит лохмотьями трясти». Если бы она не пришла, я бы 7-й класс окончила. Она меня сманила. Потом, когда мы ушли, мне написали письмо, что осенью все ушли учиться в седьмой класс. В колхозе решили,что будут потом и дальше отправлять, в Томск, учиться за счет колхоза. Кто потом выучился на ветеринара, кто еще на кого. А мне вот больше учиться не пришлось...

С сестрой моей и еще с подругой, втроем, мы должны были пройти, мама сказала, путь на Колывань в 500 с лишним километров. Всю дорогу, где комендатуры были в деревнях, мы их обходили тайгой. В деревнях нам рассказывали, где комендатуры, и старались нас уберечь, а то были случаи, что ловили по дороге и тогда гнали плеткой до самой деревни обратно.

Был один случай и из нашей деревни Ершовки, после нас уже, мне написала подружка в письме. Пошел один мой ровесник, его поймал на дороге и гнал до деревни комендант на лошади, с бичом был, и выхлестнул ему глаз, так и остался он без глаза.

Как нас Бог сохранил от такого горя... Мы когда вышли из тайги и увидели в одной деревне церковь, упали на зем-

лю и целовали ее и молились на коленях, что мы остались невредимыми, вышли из такого пекла. На пятнадцатый день мы были в Колывани, там жил мамин двоюродный брат.

Горя мыкнула, меня нигде не принимают с лишенской справкой. А тут слух прошел, что нас, спецпереселенцев, восстановили в правах, что мы уже не лишенцы. Пришла в деревню свою. Дядя Никифор мне сказал: «Иди к председателю Морозову и скажи, что ты не лишенка, вас уже восстановили. Морозов тебя не знает, но он учился вместе с твоими родителями в Колывани. А ты лицом очень похожа на мать».

Как сейчас вижу, сидит за столом Морозов. Я упала со слезами на стол и залпом: «Я Федора Васильевича Черникова дочь, дайте мне справку, чтоб учиться!» Он говорит: «Иди на улицу, чтоб тебя не видели». Я вышла и жду. Дал он мне справку, что я середнячка (она и сейчас у меня хранится), и говорит: «Вот тебе справка. Поступай учиться или работать. Получишь паспорт, а в деревню не показывайся». Боялись, что будет вторая волна, и я попаду в нее как совершеннолетняя.

Потом я получила паспорт, поступила на работу. В анкете написала, что у меня родители умерли, а другого я написать не могла. В 1936 г. пришли из тайги еще трое — один брат с 1921 г. и близнецы с 1927 г. А мама пришла в 1937 г. с сестренкой, 1924 г. рождения. Так вот мы соединились и стали жить в городе. Потом в войну брат погиб на фронте .

После смерти Сталина, уже в 1959 г., я ходила в особый отдел на ул. Серебренниковской узнать об отце, где он — жив или нет. Отца реабилитировали, а мне выписали похоронную, что умер в заключении в 1936 г. Дали справку, что он ни в чем не виновен. Мы с сестрой писали в Москву, чтобы узнать, где он жил и умер. Москва переслала запрос в Новосибирск, здесь ответили, что сведениями о месте отбывания наказания и о месте его захоронения не располагают.

Уже в сегодняшние времена меня пригласили снова и объяснили, что, по уточненным сведениям, мой отец был осужден чрезвычайной тройкой ОГПУ 8 марта 1930 г. и приговорен к расстрелу. 9 марта он погиб. Мне выдали новое свидетельство о смерти, но в нем вместо причины смерти поставили прочерк. Почему нельзя написать правду в документе? Значит, все-таки нам тогда у тюрьмы сказали правду, в 1930 г.? Если расстрелян, то должны быть сведе-

ния, где хоронили погибших. И ведь были те, кто приговаривал к расстрелу, и они не несут наказания.

В нашей жизни арест отца и ссылка в тайгу перечеркнули всю нашу не только детскую , а и последующую жизнь. Мы остались недоучками, а ведь как мы все жаждали учиться, и отец нам об этом всегда говорил и этого хотел. Моя младшая сестра хотела выучиться на телефонистку после войны, а ее не приняли, сказав, что отец — лишенец, а мама — спецпереселенка. Она обижалась на жизнь — где хотела работать, не разрешили. Вот как все перевернулось...

М. СЕРГЕЕВА

ТАК НА РОДУ БЫЛО НАПИСАНО...

Я, Мальцева Мария Дмитриевна (по мужу Сергеева), родилась в Новосибирской области Колыванского р-на в с. Ново-Тырышкино в 1923 г. Отец мой, Мальцев Дмитрий Степанович, родился в семье железнодорожника. По болезни глаз дед не смог работать машинистом, а семья была большая, и, чтобы прокормиться, уехали в село Тырышкино, где своими силами дед построил водяную мельницу, работников не имел. Родился дед, Мальцев Степан Алексеевич, в Колывани в семье пимокатов. Бабушка, Мальцева Александра Дмитриевна, родилась тоже в Колывани в семье портного. Мать моя, Анна Александровна Казанцева (по мужу Мальцева), родилась в д. Тырышкино в 1903 г. в семье крестьянина Казанцева Александра Ивановича и Казанцевой Анны Ивановны.

Я не знаю, сколько было у них земли, а вот скот они держали: 1 лошадь, 1 корову, для мяса телку или бычка, 1-2 свиньи и штук 6 овец. Зимой дед занимался извозом для поддержки семьи. Одним из первых дед с семьей вступил в колхоз, не знаю, в каком году, но до конца жизни они были колхозниками. Семья его состояла из 4-х дочерей, двое из которых умерли в голодный год, оставив детей. У старшей — двое, муж тоже умер, они воспитывались в семье деда. У средней осталось трое детей, но те росли у отца.

Бабушка, Мальцева А. Д., воспитала 12 детей, имела награду — золотую звезду «Матери-героини», двух в голодный год схоронила, младший сын погиб под Ленинградом в 1942 г., средний сын был всю войну главным механиком на пимокатной фабрике, имел бронь. Было у него семь дочерей (пятеро до сих пор живы). Старший сын, т. е. мой отец, был на передовой, вернулся инвалидом 1 группы, без обеих рук, с одним глазом, да и тот 15% зрения, т. е. почти слепой.

Дед, Мальцев С. А., потерялся в переворот (1919 г.), как я знаю от старших. Старшая сестра папы говорила, что

он был вызван в волость, в Колывань (было тогда волнение в Колыванском р-не), и он только успел ей сказать, чтобы она уходила, и передал ей, что его взяли за сочувствие красным. Она тогда работала в волости секретарем. Больше от него никаких известий не было. Вот бабушка и осталась с 12 детьми. Их надо было чем-то кормить, и она стала работать на мельнице сама, а помогал ей тогда уже подросший мой отец. Работников они никогда не держали. Бабушка была умной и сознательной женщиной, я, уже будучи взрослой, слышала о ней отзывы только хорошие. Да и мама моя говорила, какие они богачи, ребята еле-еле были одеты, но тем не менее они были раскулачены. Конечно, забрали мельницу, скота у них было всего 2 коровы, 2 лошади, овец штук 10, свиней 2-3 только для своей семьи, ведь такую ораву надо было чем-то кормить: когда я родилась, была уже 14-м человеком в семье. После моего рождения отца взяли в армию.

В 1927 г. мой отец отделился от матери, она отдала ему лошадь и нетель. Сельсовет выделил место для строительства дома, но отец так и не построил его, т. к. его назначали то на заготовку леса, то в подводы для нужд сельсовета, поэтому мы временно жили у родителей мамы. В то время председателем сельсовета был Вихорев, человек, который сыграл в жизни нашей семьи роковую роль. Я уже говорила, что в «приданое» папе была отдана лошадь, вернее жеребенок, которого отец сам растил. Он стал очень красивым конем, был очень хорошей породы. Вот этот-то конь и понравился Вихореву. Он решил его забрать у отца. Он стал его всячески донимать, но отец не хотел ни за что отдавать коня, тогда Вихорев подвел нашу семью под раскулачивание. На собрании, где составляли списки на раскулачивание, он сказал, чтобы внесли и Мальцева Д. С. Некоторые возмущались, т. к. и раскулачивать-то не за что, да и нечего, всего-то одна лошадь, да к тому же отец служил и раскулачиванию не подлежал. Но Вихорев стоял на своем, заявив, что власти виднее — кого и за что. Среди возмущавшихся была и партийная (на все село одна женщина) Бабушкина, но ее Вихорев назвал «кулацким прихвостнем». Однако люди хорошие все-таки всегда были во все времена, вот и отца отстояли. Раскулачить его не удалось Вихореву, тогда-то он решил сам забрать коня. Он и дал распоряжение забрать его на нужды сельсовета. Папа в эту же ночь выехал на дедовой лошади в Новосибирск, в РИК, узнать, имеют ли право забрать у него единственную лошадь. А Вихорев пришел и стал требовать, чтобы ему

вывели коня, на что дед ему ответил: «Надо — иди лови сам, а я еще жить хочу». Гнедко (кличка коня) признавал только отца и к себе, кроме него, никого не подпускал. На помощь себе Вихорев привел комсомольцев, они всю ночь мучили животное, но так ни с чем и ушли. А наутро приехал отец из города и привез бумагу, в которой говорилось, что коня у него забирать нельзя. На что Вихорев ему ответил, что все равно своего добьется. Отец понял, что оставаться здесь нельзя. Все равно Вихорев его в покое не оставит. Он уехал в Новосибирск, снял квартиру и перевез семью. Он стал работать ломовщиком, возить груз. В семье нас детей было уже трое.

Мы жили тихо, спокойно, конечно, папиной зарплаты не хватало, и мама ходила подрабатывала. По соседству у нас жило три семьи евреев, к ним мама и ходила. Стирала, мыла полы, они ей неплохо платили. Жили мы на Трудовой, 74, кажется, за Оперным театром сейчас, а тогда здесь был базар. Жизнь помаленьку начала налаживаться. Но однажды ночью, это было в мае 1930 г., к нам приехала охрана, сказали родителям: «Собирайтесь!» Отец спросил: «Куда?» Ему ответили: «Не разговаривай, забирай детей, 30 кг вещей. Еды на детей не брать потому, что дети не понесут, а везти вас никто не собирается». На что отец сказал: «Зачем идти, у нас есть лошадь». Тогда, видимо, старший из них сказал: «Ну, ладно, запрягай и поехали». Мама плачет, мы тоже ревем. Привезли нас в 1-е отделение милиции, в центре оно тогда было.

Утром отправили на кирпичный завод, в сараи. Когда нас туда привезли, там уже было народу полно. Крик, плач. Нас, детей и женщин, в сарай заперли, а мужчин всех — отдельно под конвоем. Там нас держали несколько дней, конечно, нас никто не кормил. А родственникам, когда ходили узнать что-то о нас, ничего не говорили. Где мы и что с нами, они узнали по слухам и поехали разыскивать, чтобы хоть что-то передать поесть. Но это было уже позже. А вначале не каждый мог запастись продуктами, а ведь дети есть хотят, вот и представьте себе, что там творилось. Ни днем, ни ночью не прекращался крик и детский плач. А ведь были среди детей еще совсем крошки, надо было и пеленки постирать, но воды не было. Пить-то и то еле-еле давали. Матери с малыми детьми все измучились. Потом нас, детей, повезли на лошадях, а матери за нами шли пешком, сажали на воз только с грудными детьми. Мужчин вели сзади под конвоем так, чтобы они не ви-

дели, как женщины мучаются. И близко не подпускали, кругом вооруженная охрана.

Привезли в затон на пустынный берег, там уже подогнали баржи, погрузились. А баржи старые, в них уже вода стоит. Устраивался кто как мог. Доски, кирпичи, хворост, а то и вовсе на перекладинах, а вещи в воде. Наверх-то не выпускают — там конвой, только в туалет, который был пристроен на весу у баржи. Мужчин опять отдельно поместили. Помню, отец забежит взять кусочек хлеба, конвоир уже кричит: «Выходи!» В затон приехали наши тети (сестры отца) и папина мать, привезли нам немного сухарей и еще кое-что на дорогу. Так конвоир высыпал все на какую-то тряпку и заставил маму при нем все перебрать. И так у всех, кто привозил продукты. А много ли они могли привезти нам продуктов? Ведь и не знали они, куда нас везут. Но нам еще повезло в том, что мамин племянник, Костя, работал здесь матросом, хотя ему и не разрешали к нам подходить (да и ему нельзя было об этом говорить), все же он с ребятами, бывало, сварит побольше супа и как-нибудь мимоходом сунет маме кастрюлю, а относила назад я, только мама строго наказывала не называть его по имени, иначе ему тоже будет плохо.

Тащил нас пароход «Красный остяк». Пять барж было. И вот что произошло однажды ночью. Последняя баржа то ли обо что-то ударилась, то ли уж старая такая была, только она стала тонуть. Канат обрубили, началась паника, крики. Но ночь есть ночь. Ничего не понять. В общем, потонули все, только говорили, что конвой спасли. Да что тут говорить... На глазах у всех женщина стояла с грудным ребенком на руках. Баржа толкнулась о другую баржу, и от толчка она выронила ребенка. Одеялко стеганое распрямилось на воде, и ребенок лежит. Сколько она ни кричала, конвой не подпустил никого, так и утонул ребенок. Пока нас везли до Баранаковой*, сколько случаев было, что старики падали. Ведь качает, а туалет-то на весу.

А когда привезли нас в Баранаковую и стали выгружать, многие умирали то ли от воды грязной, то ли вообще от грязи и таких нечеловеческих условий. Особенно болели

---

* Пристань Баранаково на Оби близ г. Колпашево с 1930 г. служила перевалочным пунктом, «накопителем» спецпереселенцев, которых направляли затем сухопутным или водным путем вверх по реке Чая и далее по ее притокам — речкам Парбиг, Бакчар, Галка. Здесь дислоцировались три комендатуры: Тоинская, Парбигская, Галкинская. Во время описываемых событий (весна — лето 1931 г.) в Баранаково, где скопилось несколько тысяч человек, свирепствовали эпидемии сыпного тифа, дизентерии.

старики и дети. Люди начали умирать. У нас тогда уже тяжело болел корью младший братишка. Когда подогнали два маленьких парохода, была дана команда грузиться. Мертвых бросали, т. к. закапывать не давали. Те, кто лежали при смерти, тоже были брошены, т. к. конвой брать их не разрешал. Я сама помню, что недалеко от нас лежали две старухи, и старик оставил им воды и родные в слезах пошли на пароход. Нас вез пароход «Тара» до деревни Истоминка, там мы выгрузились, там мы и похоронили нашего брата. Похоронил отец. Он успел выпросить у старожилов доски, кое-как с мужчинами сколотили их и выкопали яму, только стали закапывать, как закричали «грузиться». Они все же успели, и еще принесли старушку и девочку, так их всех вместе и положили.

Дальше снова мы ехали долго. Дети опять на лошадях. Останавливались на ночь. И снова везли. В одной деревне, точно не помню, кажется Подгорной*, стояли два дня. Там наши соседи похоронили сразу двух детей, а когда мы побежали посмотреть похороны, то увидели еще много мертвых, но конвой нас туда не пустил, а раздалась команда — «грузиться». Опять поднялся крик и плач, кто прощался с мертвыми, кто кричал, что не дают похоронить, но никто на это не обращал внимания. Конвоиры были очень жестокими, все какие-то злые, обращались с нами так, как будто мы самые страшные преступники. И обругают, и прикладом в спину толкнут, особенно женщин.

Так нас довезли до Высокого Яра. В этой деревне нас распределили. Нашу новосибирскую сотню (мы все были разбиты на сотни, по районам по сто семей**) определили в поселок Светлозеленый Парбигского района***. Старожилов в деревне было домов 5 или 6. Нас же поселили, если можно так сказать, на небольшой поляне возле дороги, в мелком кустарнике. В общем, корчуйте и селитесь. У некоторых были маломальские палатки, сшитые из разного тряпья. Потом, к осени, стали рыть землянки. Старожилы были по всей местности кержаки-староверы, в дом к себе не пускали. Воды напиться — и то у них была отдельная

---

* Село Подгорное — ныне центр Чаинского района Томской области. Расположено на реке Чая. В 1930 г.— центр Тоинской комендатуры.

** Принцип деления семей спецпереселенцев на сотни, десятки устанавливался для жесткого контроля над выселением, пребыванием в дороге, последующим расселением в поселках, а затем для упорядочения организации работ.

*** Поселок Светлозеленый располагался на реке Парбиг, несколько выше его по течению было село Парбиг, ставшее районным центром. Сюда переместилась и резиденция Парбигской комендатуры.

кружка и ведро, у сенок стояло, вот из него еще дадут попить, а со своего — ни за что.

Комендатура первое время у нас была здесь же, кажется, эту деревушку Доронинской заимкой называли. Потом все старожилы уехали, т. к. им с мирскими нельзя было жить. Снабжения никакого не было. Выдавали муку, я не знаю по скольку, но помню, что на нашу сотню мужчины на месяц получали по полмешка и делили стаканами, а потом и ложкой.* От старших я слышала, что ходили к коменданту узнать о том, сколько положено муки, но там даже разговаривать не стали, выгнали всех, а охрана пригрозила: «Если будете ходить, постреляем всех, и отвечать никто за вас не будет». Комендант же говорил: «Скажите спасибо, что это даем, а то вообще ничего не получите, вам, мироедам, и этого много». Как хотели, так и называли. Комендант вообще был и царь и бог. Особенно женщинам было тяжело, плакали и молчали. Хлеба совсем не было тогда, варили только заболтанную похлебку с колбой, т. е. диким чесноком и луком.

В это время, где-то, наверное, в августе, точно не помню, получился бунт. Знаю, что ехали мимо нас ребрихинские (эта сотня немного дальше нас стояла) с белым флагом и кричали, чтобы наши мужики присоединялись к ним, у них были топоры и вилы**. Папа рыл яму для землянок, подошли еще несколько человек, это были наши деревенские — Филатовы д. Митя, д. Иван, Инютин дед. Папа сказал: «Мужики, это к добру не приведет, давайте уйдем от греха подальше!» И они ушли на реку, она от нас недалеко была, и там сидели в кустах. Проехали ребрихинские днем, а вечером появился отряд вооруженных милиционеров. За логом в черемушнике были слышны вы-

---

* Нормы выдачи муки в 1931 г. для спецпереселенцев официально определялись цифрами в 16 кг (для работавших) и 8 кг (для иждивенцев). Однако в реальности выдача была вдвое, а то и втрое меньше, к тому же с перебоями. На это обстоятельство обращали внимание не только медики, но даже сами работники СИБЛАГа.

** Речь идет о самом крупном стихийном выступлении протеста летом (конец июля) 1931 г., когда взбунтовалась размещенная на стыке двух комендатур — Тоинской и Парбигской крупная партия спецпереселенцев из Алтайского края («ребрихинцы») Кроме спецпоселков указанных комендатур, алтайские крестьяне пытались вовлечь в протест и спецпереселенцев Галкинской комендатуры. Волнение грозило охватить более 50-ти поселков, где размещалось до 50 тыс. спецпереселенцев. Однако протест, не получив массовой поддержки, был локализован и затем жестоко подавлен в течение нескольких дней. Это произошло в нескольких километрах от пос. Светлозеленый — в районе пос. Высокий Яр.

стрелы. А утром мужики пошли туда посмотреть. Там лежали убитые. На следующий день приехала охрана и всех мужчин забрали. Остались только больные да старые. Так что строить бараки было некому. Нас вселяли по 4-5 семей в землянки, которые успели вырыть мужчины.

Насчет медицины. Откуда? Какая там медицина. Свирепствовала корь и дизентерия. В это время у нас тоже сестренка маленькая болела. Она вроде бы стала поправляться от кори, но есть-то нечего было. У нее началась водянка, как и у многих тогда детей, а медикаментов у нас не было, лечить было нечем. Сестра умерла. Представьте себе такую картину. Сестренка лежит мертвая, а у мамы начались роды, а мне 7 лет было. Я перепугалась, выбежала из палатки и оставила ее открытой. Побежала за бабушкой — соседкой, а маму охватило холодом, и у нее свело ноги. Ноги не действовали полгода. Да спасибо женщинам, они парили ей ноги мхом да травой разной, так понемногу мама поправилась. А у меня родился брат (он потом тоже умрет). Вот такая была медицина, медсестры-то не было, не то что врача. Маму унесли в землянку, а я осталась одна. Есть нечего. Папа, до того, как его забрали, ходил в какую-то деревушку, там тоже кержаки жили. Он выменял за мамино венчальное платье котелок картошки и кочан капусты. Так вот, я очищу 2-3 картошки, сварю их с листом капусты и несу маме, а себе — очистки, я очень боялась, что мама тоже умрет, и я тогда останусь одна. Мама плакала, глядя на меня и на маленького. Потом, когда сестренку похоронили,— она 4 суток лежала в палатке,— нас перетащили в землянку, там уже было 4 семьи и на нарах лежали больные. Это были старики, сына у них, как и всех мужчин, забрали, они лежали никому не нужные. А дочь их была угнана на строительство дороги на Галку, как и многие другие девушки*. Редко кто из них возвращался, умирали от непосильного труда и простуд. У т. Федоры, нашей соседки, взяли 4-х дочерей, и ни одна не вернулась,

---

* В условиях массового принудительного переселения десятков тысяч крестьянских семей в районы Нарымского края возникали и прорабатывались самые различные проекты использования дешевой рабочей силы. В частности, предусматривалось создание силами спецпереселенцев гигантского агрокомбината в районе реки Галки (территория нынешнего Бакчарского района Томской области). СИБЛАГ в 1931-1932 гг. бросил основные усилия на строительство улучшенной дороги, призванной связать кратчайшим путем Томск с будущим комбинатом через населенные пункты: Мельниково — Татьяновка — Плотниково — Панычево. Дорога, протяженностью более чем в 150 км, проходила по густотаежной и болотистой местностям (Бакчарские болота). Здесь в 1931-1932 гг.от каторжной работы, эпидемий и голода полегли сотни людей.

так она с горя и задушилась. Да мало ли было таких случаев, всего и не расскажешь.

Отец пришел где-то в марте, оборванный, худой, ноги опухшие. Из нашей новосибирской сотни 5 человек умерли. Отец рассказывал, что его два раза пугали — на расстрел выводили. Но так как отец был невиновен, его все-таки отпустили, и остальных мужиков тоже. Дело еще в том, что в списках мятежников был тоже Мальцев Д. С., только не совпадал год рождения, поэтому отца дольше всех и держали, но потом, как выяснилось, был задержан однофамилец отца.

Зима была морозная, градусов под 40, а отца выпустили как забирали, в сапогах и дождевике. Спасибо, какие-то старики пригрели его да пимишки старые дали, полушубок драный, так он и пришел к нам. Брат, который родился, осенью умер от голода, ведь негде было взять стакан молока, помню, кричит, весь сморщенный, как старичок, мама плачет, я тоже реву, жалко его было. Когда вернулся отец, я осталась одна из четверых детей. До сих пор не пойму, как я осталась жива, как я-то выжила? Так было во многих семьях. Такой голод был, просто страшно вспоминать.

Весной 1931 г. и летом, пока ждали овощей, а есть что-то надо было, ходили по миру. Нас, побирушек, было полно, а подавать было некому. Ходили дальше по деревням, к старожилам. Просили милостыню, но редко, кто давал, а больше ругали. Я ходила с девушкой больной, соседкой. У нее были замедленные движения, плохая речь, а сама красивая была, высокая, стройная, с большой косой. Звали ее Стюра Миракина, из деревни Чик они были, отец умер. Осталась она со старухой матерью и малолетним братом. Даром кержаки не давали, так мне приходилось и за себя, и за нее работать. Прополю в огороде, сколько скажут, получу кусок хлеба на двоих. Вернусь домой еле живая, а родители с работы придут, мама плачет, а отец со стыда отвернется и молчит. А что он мог сделать, жить-то как-то надо.

Когда в 1932 г. мы пошли в школу, всего набралось один — первый класс, один — второй, один — третий, один — четвертый, но там были уже дети старше 14-15 лет. Наши два поселка, Новосибирский и Здвинский, объединили в один колхоз и общими силами построили школу. Учились в две смены. Мы считались малышами, но и нам было уже по 8-9 лет, учились в первую, а старшие — во вторую смены. Ходить было далеко, километра 3, осенью

шлепаем по грязи, все одеты плохо, обуви не было. Многие ходили в лаптях, нам их дед Макарович плел, как мы им были рады.

Где-то в 1933 г. стали сдавать орехи кедровые, тогда была уже организована госприемка. У нас открыли магазин, вот тогда-то можно было хоть что-то купить. А до этого нас заедали вши, грязь. Мыла не было. Мужикам некоторым дали лошадей, чтобы работать на полевых работах. А кормить-то их нечем было, так некоторые подыхали. Пропасть им, конечно, не давали и дохлым. Охрана коменданта приедет с проверкой, не успеет отъехать, а ее уже по кусочкам растащат. Я уже говорила, что отец пришел ближе к весне. Ему тоже дали лошадь. Кое-как дотянули до весны. Только снег сошел, стали всех взрослых выгонять на работу корчевать лес. Люди голодные, слабые, едва держатся на ногах, орудия — лом, лопата, топор. А давали норму. Не сделаешь, паек не получишь. Тогда уже тем, кто работал, добавляли муки немного. Мужчины кое-как справлялись с работой, а каково женщинам!

Тут хоть немного стали стряпать хлеб. Но что это был за хлеб, в него добавляли тертые гнилушки, листья от малины, лебеды, крапивы. Сушили, толкли и добавляли. Хлеб был серо-зеленого цвета, люди тоже были с каким-то зеленым оттенком. Весной старались раскорчевать себе хоть какой-то участок, чтобы посадить овощи. Дали нам семян моркови, репы, брюквы, капусты, турнепс, лука не было. Отец раздобыл где-то мешок картошки, мы посадили ее. Урожая, думали, не дождемся. Но уродились в этот год хорошо и овощи, и картошка. И все-таки на всех этого было мало. Но хоть похлебку было из чего варить, и люди этому были рады до слез. Когда стали создавать колхоз, в него вошли все сразу. Нас называли кулаками, потом переселенцами, а уж потом стали называть спецпереселенцами, уж не знаю почему. Колхоз назвали «Новый путь». В основном также работали на раскорчевке. Гнус страшный, работа тяжелая. Сколько женщин погибло от этой работы!

В 1933 г. отца премировали телкой, и мы стали растить корову. Богатых среди нас не было, но некоторые продавали остатки вещей и наскребали с грехом пополам на корову. Хлеб уродился, стали строить амбары. Председателем у нас был Сенякин, бухгалтер-счетовод Сизиков, а кладовщиком рекомендовали отца, т. к. он был грамотный. Утверждал все и всех комендант, только с его разрешения все делалось. Отец очень переживал за эту работу, т. к. надо было содержать все в порядке.

А тогда уже и государству стали хлеб сдавать. Старались, чтобы хлеб не сгорел, чтобы сухой сдать, поэтому работали день и ночь и на складе, и на сушилках.

В 1933 г. у нас родилась девочка, а в 1935 г. еще одна, так что у меня появились сестры (они и сейчас живы), как мы их в шутку называли — «таежные». В 1935 г. у нас выстроили больницу в Комаровке, там и комендатура была. У мамы признали камни в печени, врач сказал, что без операции не обойтись. Нужно везти в Томск или в Новосибирск. Зимой, когда было поменьше работы на складах, отец выпросился у коменданта увезти маму в Новосибирск, на операцию. Комендант дал разрешение и справку для выезда. Еще и тогда были случаи, что люди сбегали, их ловили на Галке или даже дальше и возвращали обратно. Отец оставил за себя своего помощника. Они успели доехать только до Подгорной, и их вернули. Непонятно, почему в отсутствие отца внезапно решили сделать ревизию. Отец не боялся, он знал, что у него все в порядке — и документация, и склад. Он очень добросовестно относился к своей работе, да и вообще он был человек очень порядочный.

Обстоятельства оказались более чем странные. Не имея никакого права, комиссия без отца вскрыла шкаф, в котором лежали документы. И при таких странных обстоятельствах пропала ведомость на выпеченный хлеб, которым осенью в полях кормили людей. В Парбигскую комендатуру увезли председателя Сенякина, счетовода Сизикова и папу. Пока шло следствие, ведомость нашлась (отец и впоследствии никак не мог понять, кому это было надо). Но все равно их осудили, приписав халатность, дали всем по 4 года. Отец отбывал срок в Томске, ходил он свободно, был расконвоирован. Он был воспитателем на музыкальной фабрике. Коммуна им. Заковского.

Все это время — с 1930 по 1936 гг. дедушка, мамин отец, везде писал и писал, чтобы нас восстановили в правах, собирал всякие бумаги. Ему даже предлагали так — пусть ваша дочь разойдется с кулаком,— это ему в РИКе сказали. Дед был сильно возмущен: «Какой он кулак, ведь он служил в Красной Армии, а там ведь тоже знают, кого брать, а кого нет». Много он помотался, прежде чем добился, чтобы наше дело пересмотрели. И вот, в 1936 г., когда отца не было, нас восстановили. Осенью мы выехали к деду в Ново-Тырышкино. Но нам, видно, на роду было написано испить чашу горькую до дна. Мы приехали к дедушке, но он вскоре умер.

Вот тут-то и начались мытарства матери. То в Колывань ее пошлют за справкой, может ли она здесь проживать, то того подпись требуют, то другого. Председатель сельсовета Земляника, был такой, ко всему придирался, всячески унижал мать. Кое-как поступила она в больницу техничкой. Там же в подвале дали ей комнату, так он и главврача запилил за то, что тот взял ее на работу. А врач, помню, хороший такой был, Трошин, он очень сочувствовал маме. Ведь все-таки трое детей. Земляника все стращал мать: «Загоню все равно туда, где Макар телят не пас». А за что? Мать его так боялась, что даже по деревне днем не стала ходить. И, как нарочно, пойдет больную бабушку проведать и встретит его. Прибежит и плачет: «Что мне делать, ведь он мне проходу не дает, как увидит — кричит: не смей, кулачка, здесь ходить, чтоб я тебя не видел!..» И вот решилась она в отпуск к отцу в Томск поехать, рассказала ему все. Он разрешения у начальства добился, чтобы она с детьми приехала к нему. Она забрала свою больную мать, сестренок и уехала в Томск Там устроилась на фабрику пошива, где работали девушки-колонистки.

Я осталась в Новосибирске у папиной матери. А в 1939 г. родители приехали в Новосибирск, т. к. у отца закончился срок. Устроился он на мельницу разнорабочим, где и работал до самой войны. Работал, как всегда, добросовестно, никто его не попрекал, ценили и уважали. Когда началась война, его призвали. В военкомате он сказал военкому, что был спецпереселенцем и осужден. На что военком ему ответил: «Мы все о вас знаем, взяты были ошибочно, сами знаете, какое было время, но, надеюсь, к Родине у вас нет претензий». «Конечно, нет, Родина — это все, и она у нас одна». Вернулся он с войны в 1943 г. инвалидом 1 группы, без обеих рук и почти слепой. Пришел отец ст. сержантом, награжден был медалью «За отвагу» и еще медали были. После войны прожил 17 лет, 3 года лежал парализованный — все сказалось на его здоровье.

О себе. Учиться мне пришлось мало, да и пошла поздно. Да еще с переездами сколько раз приходилось из школы в школу переходить. Мать одна, конечно, такую семью прокормить не могла, вот и пришлось идти работать. А там и война, и осталась недоучкой. Теперь уже давно пенсионерка, имею награду за работу в тылу — «За доблестный труд», сейчас «Ветеран труда». Вот только еще хочу все-таки сказать. Ведь сколько народ пережил в то время, но никогда не было слышно, чтобы ругали Сталина. Только

на местное руководство были обиды, только его ругали. Из-за них мы все страдали, а сколько погибло людей неизвестно за что. Не знаю, может, я не права, но скажу, что в 1938 г. многих забрали, так, может, это наши слезы им отлились, значит, было за что их брать, я так думаю.

Вот сейчас все пишут о репрессиях. Так это пишут о людях высшего класса, а кто о наших погибших позаботится? Кому это нужно, что там погибли люди? Вся дорога усеяна костями, особенно, где ее прокладывали, там вся молодежь легла. А сколько полегло на раскорчевке, особенно женщин? А посмотрите, какие поля разрабатывали «кулаки». Мама встречала Золотареву (имени ее не помню), которая говорила: «Вот сейчас я кулачка — и скот, и машину имею, а когда нас раскулачивали — я всего и имела, так это ребятишек».

В.ГРЕБЕННИКОВ

МОЙ АРХИПЕЛАГ

Это лишь немногие зарисовки времен «моих университетов»,куда я был определен ровно двадцати лет от роду, чудом остался жив, и неожиданно окончил сокращенный — всего лишь шестилетний курс счастливейшим теплым летом 52-го, вместо полного 20-летнего срока, дарованного мне сталинско-бериевскими сатрапами (поначалу прокурор требовал расстрела).

Мой лагерный архипелаг — Южный Урал: Златоуст, Челябинск, Карабаш, Кыштым, Увильды... Рисунки — документальны: все это так врезалось в память, что через черыре десятилетия рисую это, считайте, что с натуры.

Кошмарные лагерные сновидения преследуют меня и сейчас, и хоть зла на Советскую власть не держу, страстно желаю, чтобы наша многонациональная страна не служила больше полигоном для правящих супостатов-садистов, угождающих им извергов, выбившихся в начальники подонков и убожеств. Сейчас, под покровом снизошедшего на нас милосердия, они спешно заметают следы злодейств своих кумиров. Но есть еще живые, вроде меня, свидетели!

Поэтому заклинаю вас: не давайте сталинистам, бериевцам, лысенковцам, брежневцам, их последышам — андреевцам, примазывающимся к ним некоторым «неформалам» даже малейшего повода для повторения этих страшных времен и деяний!

Ради свободы и жизни детей ваших и внуков: смиритесь с грошовыми неудобствами и недостатками, на чем играют сталинцы, искусственно их создавая, не поддавайтесь на любые другие их провокации! Иначе — поверьте моему горькому опыту, вспомните Тбилиси и Фергану, вспомните сказанное на съезде, иначе будет поздно, и вернутся в страну столь же черные дни и годы: расчет-то у этих исчадий зла тонкий, программа — «что надо» (длительное массовое оболванивание — погромы, взрывы, резня — дефициты, карточки,голод — забастовки, анархия — переворот, обезглавливание государства — жесточайший, почище

бериевского, террор); опыт у них — богаче некуда, преемственность — железная...

Опереться у них теперь есть на кого — начиная с городских шаек духовно выхолощенных ими вооруженных юнцов, кончая системой мафий и ее покровителями. Мечтают они именно о «той», кровавой сталинской власти (ведь слышите, как они каркают в открытую: «Сталина бы на вас сейчас!»), и готовят расправу над всеми вами (мне терять нечего — 64 года), как сейчас видите — если не совсем слепы — умело и споро. Оторвитесь же от телевизоров и вдумайтесь: никто ведь сейчас — никто! — не гарантирует безвозвратность бериевщины. А старых шахт на том же моем Урале на всех на вас и на ваших детей более чем хватит...

Прозрейте же, дорогие мои соотечественники!

Мой архипелаг:

1. Миасс, 1947: мне 20 лет. Арест, КПЗ, первые тюремные ужасы.

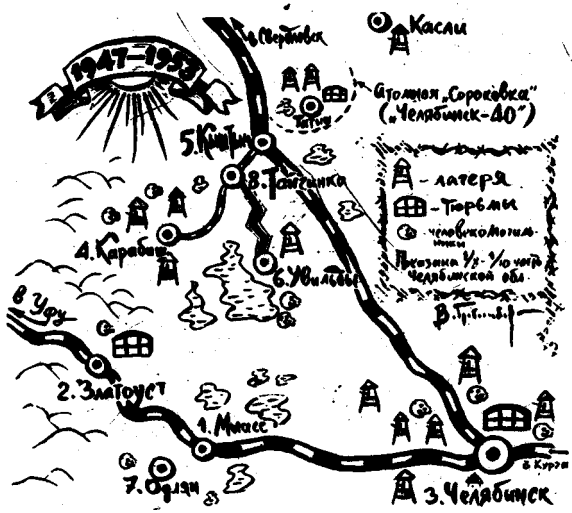
2. Златоуст, 1947—1948. Одна из самых страшных и крупных тюрем СССР. Следствие. Выездная сессия обл. суда: 20 лет лагерей (Указ от 4.6.1947). Этап в Челябинск.

3. Челябинск, 1948. Пересылка. Я уже доходяга, едва жив, духовно сломлен.

4. Карабаш, 1948—1950. Лагерь: начальник майор Дураков, изверг, садист. Уголовники и 58-я статья, 1000—1200 чел. Медные шахты, торфодобыча, известковый карьер, столярка. Недолго в ней поработав, угодил в «нулевку» — почти на верную смерть. В Карабаше и сейчас закрытые зоны.

5. Кыштым, 1950—1951. Лагерь, около 800 «врагов народа» и уголовников. Перевал руды и меди с узкоколейки на широкую; стройки, заводы. Я работал художником.

6. Увильды, 1951—1953. Лагерь, около 1000 чел. 58-статьи, уголовников. Начальник — майор Лавров (редкий случай — неплохой мужик). Работы на стройках, графитовом и др. заводах, лесоповал. Я — художник; геодезист. Издох Сталин, и счастливейшим летом 53-го я — на свободе.



Другие запомнившиеся объекты неподалеку:

7. Одлян — лагерь для малолеток. Оттуда к нам, во взросляк, регулярно поступало подросшее пополнение с уже богатым «опытом». Одлян и сейчас продолжает свою страшную «работу» (Новый мир, 1989, №№ 6-7).

8. ЛЭП Тайгинка — Увильды. Я не подозревал, что в 1952—1953 годах воздвигаю своими руками памятник лагерникам этих мест — трассу высоковольтной линии. Пусть этот мой многокилометровый мемориал (вместо крестов — опоры) стоит здесь вечно.

9. «Челябинск-0» — район озера и пос. Татыш и мн. других пунктов. Первый в СССР комбинат ядерной смерти. Масса лагерей. «На атоме» работали смертники. Атомная авария 1957-го меня тут уже не застала. Многое скрывается и сейчас, в частности, человекомогильник «сороковки» под Увильдами. Поэтому верных карт этих мест не добыть, и за неточности схемы приношу извинения.

Камера в Златоустовской тюрьме. Койки и стол вварены в пол. Камеру „держат" урки (сверху). Вблизи их — полуцветные, шестёрки. Фраера — у параш. На столе — пайки, трогать которые без урок нельзя. В этой тюрьме (видна сейчас с вокзала) я просидел более полугода. 1947. В. Гр.

Наши трупы выводят за зону, пробивая молотком головы.
Карабаш, 1947. В.Гр...н

Доходяга из нулёвки. Многие из них варили искрошенную пайку в крутосолёной воде. В результате — опухание, мор?, ствол старой шахты...
Карабаш, 1948
В.Гр...н

Медная шахта — один из „малых филиалов" нашего лагеря. Когда такие шахты вырабатывались, в стволы их сбрасывались наши трупы. Вдали — медеплавильный завод.
Карабаш, 1948. В.Гр...н

Автопортрет. Мне 22 года: сидеть ещё 18 лет. Карабаш, 1949. В.Гр.-Л.

Карабаш, 1948.

„Нулёвка" в бане. У нас были натуральные хвосты — выступал кончик. Я свободно охватывал свою талию — сходились пальцы. В.Гр.-Л.

„Враги народа" — обитатели эстонского барака. Слева — скрипач по фамилии Римус. Карабаш, 1949. В.Гр.-Л.

Начальник КВЧ — культурно-воспитательной части — ст. лейтенант Рязанцев даёт мне задание. Карабаш, 1949.

Единственный мой учитель живописи — ленинградский художник А.Г. Александров — статья 58-10, срок 10 лет. Карабаш, 1949. В.Г.

Наглядная агитация у вахты (табличка — моей работы). Карабаш, 1949. В.Г.

Вор Васёк-Борода. Рисунки для наколок урки приходилось в тюрьме делать мне.
Златоуст, 1947. В.Т.

Полуцветные (воры не в законе).
Мушкатан — неунывающий казах. Карабаш, 1949.
В.Т.

Развод контрагентских бригад на объекты работ.
Карабаш, Челябинск 1950. В.Т.

Карабаш, 1950.
Пишу лозунги в секции (комнате) жилого барака. – Наши 4-местные нары; х/б 3-го срока.

Иду, как геодезист, на прокладку трасси ЛЭП от графитового комбината до лагеря, с эскортом для большесрочника. К ребятам, что справа, это не относится: они расконвоированные.
Тайшина-Увильды, 1952.

Кыштым-Увильды, 1950-1952 гг.
Наши надзиратели.
Ст. сержант Столбинский.

О.МАЗОНКИНА

ЭТО БЫЛИ ГОДЫ НАШЕЙ МОЛОДОСТИ

Мой отец, Мазонкин Кирилл Ефимович, крестьянин Черниговской губернии, был взят в солдаты во время русско-японской войны и отправлен на Дальний Восток. После перемирия в 1905 г. отца вместе с другими солдатами привезли в Маньчжурию на строительство Китайско-Восточной железной дороги, где он работал десятником

Мама моя, Матрена Алексеевна, в возрасте 13 лет приехала из деревни в Самару, работала там подмастерьем белошвейки, а потом и сама научилась шить. Мамин дядя в 1906 г. пригласил маму в Маньчжурию, где она познакомилась с моим отцом и вышла за него замуж. В то время в Маньчжурии проживала колония русских солдат, привезенных из Японии.

Родители поселились на ст. Ханьдаохэцзы, где мы жили до трагической гибели отца при тушении пожара на железной дороге.

В 1924 г. всей семьей, а у мамы нас было трое: два брата и я, — переехали в г. Харбин, где мама купила небольшой домик и где мы росли и учились.

В этом же году в Харбин прибыл представитель советского правительства Карахан для зачисления в подданство Советского государства проживающих там русских. Большинство приняли советское подданство и получили советские паспорта, но многие отказались и остались эмигрантами. Когда мне исполнилось 16 лет, я получила советский паспорт, а для проживания на китайской территории имела временный вид на жительство. Железная дорога была выстроена на паритетных началах, и та половина, которая принадлежала советской стороне, в 1935 г. была продана китайскому правительству. Всем советским подданным было предложено выехать в Советский Союз. В Харбине я закончила индустриально-транспортный техникум и в июне 1935 г. вместе со старшим братом покинула Харбин. Млад

О. К. Мазонкина
и В. Ф. Гельшерт.

ший брат приехал в Москву еще в 1932 г. и работал на строительстве метрополитена.

Переехав границу, мы прибыли на ст. Отпор Забайкальской ж.д., а уехавших из Харбина было около 70 эшелонов. Всех прибывших встречали торжественно, играл духовой оркестр, был митинг. Выступающие говорили о притеснениях и о пережитом советскими служащими во время советско-китайского конфликта в 1929 г. Все советские работники отказались выйти на работу из солидарности с советским правительством во время вооруженного конфликта. Отказавшихся от работы начали арестовывать, и брат вместе с другими был заключен в китайский город Сумбей, где они содержались до окончания конфликта и перемирия сторон.

В Иркутске комиссия по распределению прибывших предложила местожительство во многих городах Советского Союза. Мы были направлены в Воронеж, но, так как там не было для нас жилья, брат выбрал ст.Узловую Московско-Донбасской ж.д., где были выстроены двухэтажные дома для размещения прибывших.

На ст. Узловая Тульской области брат работал помощником машиниста, а я в ОРСе Трансторгпита.

Так мы жили до сентября 1937 г. Мама умерла 3 сентября, брата арестовали 14 сентября, а меня 6 октября 1937 г. С братом я больше не встречалась, в 1939 г. получила от него единственное письмо из Котласлага в то время, когда сама находилась в Ивдельлаге.

В одну ночь 6 октября нас, группу молодых девчонок (21 чел.), одновременно арестовали, а наутро по грязи погнали на вокзал, погрузили в вагонзак и отправили в Тульскую тюрьму.

Несколько слов об этой тюрьме. Она была построена буквой «Е» из массивного камня. Мы сидели всей камерой в подвале , в карцере, низкие сводчатые потолки, сырость, толщина стен усугубляли подавленное настроение.

Знакомство с тюрьмой началось с личного обыска. Отобрали деньги, часы марки «Женева», золотое кольцо, чемодан с вещами «сдали в камеру хранения». Первая камера, куда всех нас поместили, была большая, пустая, с вымытым полом. На одной из стен нацарапаны надписи: «Пусть скажет всяк сюда входящий, оставь надежду навсегда», и «Кто не был, тот будет, а кто был, тот не забудет». Эти изречения запомнились на всю жизнь.

Не успели расположиться, как все были вызваны и переведены в одиночную камеру, где, кроме каменной лежанки, каменных стула и стола, находилась «параша» и железное кольцо, вделанное в стену для кандалов. Теснота была такая, что не только лечь, но и сесть было негде. Единственное окно, расположенное ближе к потолку, было заделано тремя рядами решеток. Яркая лампочка над дверью горела день и ночь.

Как-то раз зашло тюремное начальство, и один из них спрашивает: «За что сидите?» Отвечаем хором: «Не знаем, ни за что!» И в дальнейшем, доходя до нашей камеры, как только открывалась дверь, один из них говорил: «А эти все ни за что». И все. Дверь камеры закрывалась. Вскоре нас перевели в подвал, в карцер. Здесь было намного свободнее, мы могли расположиться — четыре человека на подоконнике, а ночью спали по двое под лавкой. Нам не объяс-

нили причины перевода и отказали в прогулке, бане, ларьке, медпомощи. Камера находилась рядом с туалетом и часто при засорении нечистоты заливали пол камеры. Многие болели. Часто ненадолго подселяли в камеру человек по 8 монашек. Они ни с кем не разговаривали, даже друг с другом. Но после их увода нам приходилось бороться с насекомыми, которых они оставляли.

В один из дней мы, а нас уже было человек 40, отказались принять хлеб и «баланду», требуя вызова к начальству... Быстро пришли трое, спросили, почему бастуем. Мы ответили: «Требуем положения, как для всех заключенных». И в этот же день нас перевели наверх, устроили ларек, баню, прогулку и медпомощь больным. Среди нас оказалась одна женщина, которая доносила начальству все разговоры в камере, она и указала на самых активных в организации голодовки. Еще до перевода в другую камеру они были вызваны «с вещами» и вместе с ними «стукачка». Больше мы ничего о них не слышали.

В новой камере жизнь шла своим чередом: утром давали 300 г черного хлеба, «баланду» из гнилой, мороженой капусты и ржавой кильки. Первые дни никто не мог есть такую пищу, все выливали в «парашу».

За все пять месяцев, которые мы провели в тюрьме, — с 6 октября 1937 г. по 8 марта 1938 г., — ни в одной из камер не было даже намека на кровати, не говоря уже о постелях. Спали все на полу. Постелью был голый пол, а подушкой — собственная рука или кулак. Отвыкли сидеть нормально. За все время пребывания в тюрьме сменили 14 камер, много раз просили разрешить взять из чемодана необходимое и только один раз разрешили взять полотенце. Все остальное было похищено.

В бане среди надписей на стенах, нацарапанных чем-то острым, я узнала почерк брата — прочитала, что он находится в этой же тюрьме. У меня был листок бумаги, и я написала заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой перечислить на его лицевой счет половину суммы с моего счета. Дело в том, что его арестовали на работе, он был совсем без денег. Мою просьбу удовлетворили, и я была безмерно рада, что он тоже может пользоваться ларьком, где продавали хлеб, сахар, махорку, чеснок, правда, всего на 5 руб. в месяц.

Узнав, что таким путем можно найти своих близких, многие стали писать заявления, но начальство догадалось и прекратило принимать заявления.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Лагеря „Н"

„5 октября 1947 г.

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ. ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

Выдан 2-ВН 31/X-47 93 г.

СПРАВКА № 13166 МИЛИЦИИ

Выдана гражданину (ке) Мазонкиной Ольге Кирилловне

1917 года рождения, уроженцу (ке) ...ий Ханьдаожедзи, Ив. Манчж.

гражданство (подданство) СССР национальность

осужденному (ой) По делу УНКВД Тульской области.

„2 января 1938 г. по ст.ст. УК

к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на

года, имеющему (ей) в прошлом судимость не судимая

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения МВД по „5 октября 1947 г. и по отбытию наказания.

С применением ст. 39 положения о паспорт.

Освобожден (на) „5 октября 1947 г. и следует к избранному месту жительства Московский р-н, Кемеровской области.

(город, село, дер., район, область)

до ст. Новокузнецк Томск жел. дорога.

Зам.

Начальник лагеря (ЦТК)

Капитан Григорьев

Нач. ОУРЗ (УРЧ)

Ст. л-т Мартусевич

Печать

«Волчий билет» О. К. Мазонкиной. Выдан в день освобождения

Выдано продовольствие на 1 сутки с 8 октября 1947 г.

Выдано денежное пособие в сумме рублей _____ (прописью)

Выдано денег на питание в пути рублей _____ (прописью)

Выдан билет на проезд до ст. _____ плацкартный вагон

стоимостью рублей _____ или деньгами на билет в сумме

Возвращено летных денег в сумме

Подпись начальника ОУРЭ (УРЧ) _____
или секретаря парткома

Подпись начальника [illegible]

Подпись освобожденного

Отметки о выдаче продуктов и денег в пути следования.

Хлеб	6.5
Рыба	1.560
Сахар	0.570
Соль	0.066

Дата и подпись лица, производившего выдачу _____

Расписка освобожденного _____

5 октября 1947 г. согласно ст. 39 положения о паспортах.

СССР

Форма «А»

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Лагерь, Н

Паспорт сер 1631

Выдан 10 XI 1947

2-ВН

СПРАВКА № 14611

10 ноября 1947 г.

Выдана гражданину (ке) Гельшерт Владимиру Федоровичу

1918 года рождения, уроженцу (ке) г. Ульяновск

гражданство (подданство) СССР национальность русский

осужденному (ой) по делу УНКВД Новосибирской области

8 января 1938 г. по ст.ст. _____ УК

к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на _____ года, имеющему (ей) в прошлом судимость не судим

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения МВД по 10 ноября 1947 г. и по сокращению срока наказания с зачетом рабочих дней за хорошие производственные показатели

С применением ст. 39 положения о паспортах

Освобожден (на) 10 ноября 1947 г. и следует к избранному месту жительства Терепановский р-н Новосибирской области (город, село, дер., район. область)

до ст. Терепаново Томской жел. дороги.

Начальник лагеря (НЛК)

Капитан (Григорьев)

Нач. ОУРЗ (УРЧ)

Ст. лейтенант (Мартунян)

Печать

«Волчий билет» В. Ф. Гельшерта. Выдан в день освобождения

До ст. Черепанова 2180 км

Выдано продовольствие на 11 суток с 10 ноября 1947 г.

Выдано денежное пособие в сумме рублей _____ (прописью)

Выдано денег на питание в пути рублей _____ (прописью)

Выдан билет на проезд до ст. _____ железной дороги

стоимостью рублей _____ или деньгами на билет в сумме

Сто двадцать пуд. /120/ за счет и/денег

Возвращено личных денег в сумме Одна тысяча сто двадцать /1111-20/

Подпись начальника ОУРЗ (УРЧ) или секретаря юрьмы _____

Подпись начальника финчасти _____

Подпись освобожденного _____

Отметки о выдаче продуктов и денег в пути следования.

хлеб	5,5
рыба	1,320
соль	0,055
сахар	0,110

Дата и подпись лица, производившего выдачу _____

Расписка освобожденного _____

10 ноября 1947 г. согласно ст. 39 положения о паспортах.

Один раз во время прогулки в группе мужчин я увидела брата. Он махнул мне рукой, я ответила, за что все были возвращены назад и лишены прогулки, но никто из женщин не высказал недовольства, наоборот, были довольны, что я увидела брата, что мне повезло.

Настал день, когда нас коллективно вызвали для отпечатки пальцев и фотографирования. В комнате, куда нас привели, было жарко от горящих юпитеров, свет от которых при фотографировании направляли прямо в глаза, запрещая жмуриться. Все десять пальцев последовательно мазали черной мастикой и, каждый в отдельности, прикладывали к полоске бумаги. Потом долго оттирали с пальцев мастику. Мыло в бане давали примерно с четверть спичечного коробка, которым надо было помыться, постирать и умудриться оставить кроху для мытья рук.

Каждое утро часов в 5 в камеру входили дежурные с проверкой. Мы должны были сесть, соблюдая ряды, и нас считали по головам.

Собственной посуды не было—баланду разливали в миски, принесенные раздатчиками, и тут же отбирали. На камеру было несколько кружек, пили из них по очереди. Сахар давали колотый, одним куском на всех. Норма сахара —20 г на человека. Надо было делить так, чтобы всем досталось поровну. Приспособились краем кружки разбивать на более мелкие. Учитывалась каждая крошка, и, чтобы было по справедливости, одного ставили спиной к сахару и спрашивали, кому отдать порцию. Остальные наблюдали.

Продовольственные передачи в тюрьме были запрещены. Разрешалось один раз в месяц приносить определенные вещи. Зная о том, что мне принести будет некому, при аресте я собрала чемодан с необходимыми вещами, но, как я уже писала, получила только одно полотенце.

После двух месяцев пребывания в тюрьме начались вызовы на допрос. Следователь вызывал меня два раза. Кстати, фамилия следователя — Чижов, имени и отчества я не помню. После 1947 г. он жил в Черепанове Новосибирской области, где жила и я. Знал ли он о том, что его подследственная живет вместе с ним в одном городе? О том же, что он живет в Черепанове, я узнала случайно, т. к. его жена работала вместе со мной на фабрике. Из разговора с ней выяснилось, что до Черепанова они жили в Туле и что ее муж работал в органах НКВД. Кроме того, он имел характерные отметины оспы на лице.

Чижов был груб, оскорблял, предъявил обвинение по ст. 58-6 «шпионаж в пользу Японии»; после составления

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических Республик

31 октября 1955 г.

№03-5[illegible]-с-55

СПРАВКА

Дана гр. МАЗОНКИНОЙ Ольге Кирилловне, 1917 г.р. в том, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 октября 1955 года Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 2 января 1938 года в отношении ее отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

/С. [illegible]/

Справка о реабилитации О. К. Мазонкиной. 1955 г.

Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

30 октября 1956 г.

№ 4н-015531/56

Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ГЕЛЬШЕРТ Владимира Федоровича пересмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР 6 октября 1956 года.

Постановление НКВД СССР от 2 января 1938 года в отношении ГЕЛЬШЕРТ В.Ф. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/ БОРИСЕНКО /

МЗ

Справка о реабилитации В. Ф. Гельшерта. 1956 г.

протокола допроса требовал подписать его и назвать своих сообщников, которых у меня не было. Альбом с фотографиями, изъятыми при аресте, валялся у него под ногами. Он выругался и сказал: «Отправлю тебя в этой белой шапочке (на голове у меня был белый берет) туда, куда Макар телят не гонял».

В начале февраля 1938 г. нас вызвали целой группой в отдельную камеру. Там находились два человека с пачкой бумаг, размером в пол-листа. Вызывали по фамилии, зачитывали приговор Особого совещания за контрреволюционную деятельность — заключение в исправительно-трудовые лагеря, сроком на 10 лет каждую, и только двум выпало по 8 лет, наверное, для разнообразия, так как они ничем не отличались от нас. Процедура эта заняла не более 30 минут. За ознакомление с приговором требовали роспись.

В день 8-го марта (другого дня выбрать не могли) нас погрузили на грузовую машину, по углам которой сидели охранники, и повезли на вокзал. Прошли пересылки в Сызрани, Челябинске, где долго не задерживались, а потом привезли на ст. Сама Свердловской ж. д.

В Челябинской пересылке мы пробыли больше недели и немного подкрепились, т. к. там сидели жены чсир (члены семьи изменников родины). Им разрешались продовольственные передачи, чего в Тульской тюрьме не было. Всю тюремную пищу они отдавали нам, а кормили там намного лучше, бывал даже суп с макаронами. Для нас это было радостно, так как за 5 месяцев тюрьмы мы основательно «дошли».

Пробыли мы на ст. Сама до апреля. Ежедневно прибывали большие этапы и их отправляли в первую очередь по лагерям. До нас очередь дошла в самую распутицу. Утром погрузили в открытые платформы, продержали до вечера и вернули назад. Думали, что замерзнем там совсем, а потом снова открытые платформы и путь до конечного разъезда железной дороги, а дальше пешком по грязи, около 100 км до поселка Северный Ивдельлага. Этап был около 150 человек, из них 51 женщина. В пути дважды останавливались на ночлег в маленькой плотницкой мастерской, где спать было негде, и в бывшей конюшне, испарения в которой после растопки «буржуйки» заставили проситься на мороз. Многие теряли сознание.

В лагпункте «Северный» нас, женщин, отправляли на болото собирать клюкву. Целый день в ледяной воде, в разбитой обуви, а клюквы было очень мало. Затем строили

лежневку», т. е. настилали бревнами дороги через болота, работали в конторе — при лучинах заполняли формуляры прибывающих с этапа заключенных. Потом другие лагпункты Собянинского отделения Ивдельлага, рубка и сжигание сучьев при лесоповале и т. д.

На лагпункте «Пристань» я работала в стационарном бараке медсестрой. Поступало много заключенных из западных областей Советского Союза, а в начале войны немцы с Поволжья. Они очень трудно приспосабливались к суровой лагерной жизни Севера. Возвращаясь с работы (а на повал леса гоняли ежедневно за 6 км), очень быстро слабели и попадали в барак для «слабосильных». Главный врач Николай Иванович Торопов посылал нас с санками встречать бригады с работы, и тех, кто не мог идти и падал на снег, мы подбирали и привозили в бараки. Температура тела таких больных была не выше 35°. Ничто уже не могло их спасти. Когда смертность была невысокая, хоронили в белье, а во время войны снимали все догола. Зимой, когда земля была скована морозом, похоронная бригада выкапывала небольшую канавку и туда складывали умерших. В некоторых лагпунктах на месте захоронения ставили столбик, а в других могилу просто сравнивали с землей.

В таких условиях я прожила все десять лет, как говорят, «от звонка до звонка». Выжила, наверное, потому, что была молода и верила в то, что разберутся и освободят. На жалобы, посылаемые во все инстанции, получала один и тот же ответ, как на телеграфной ленте, в одну строчку: «Ваша жалоба рассмотрению не подлежит». Позже перестала писать их, заранее зная, какой будет ответ.

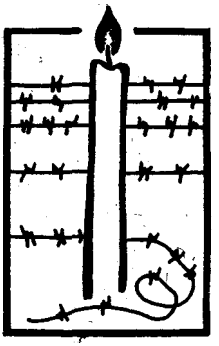
В конце срока, ожидая освобождения, очень волновалась, так как были случаи, когда срок продлевали без всякой причины или давали высылку. У меня из родных никого не осталось. Ехать было не к кому, и мне было безразлично, где жить. Дали направление в Мысковский район Кемеровской области, со статьей 39 положения о паспортах. Это значит, что я не имела права проживать в областных центрах и крупных городах, а только в местах, расположенных не менее, чем в 100 км от них.

Я приехала в г. Черепаново Новосибирской области. Первое время не могла найти работу. Нигде не брали, и только случайно устроилась на швейную фабрику бухгалтером. Трудно было найти и жилье. «Волчий билет» ст. 39 положения о паспортах обязывал сидеть на месте и никуда не выезжать, даже с отчетом в Новосибирск.

Только в 1955 г. я была направлена в Ленинград на повышение квалификации на трехмесячные курсы, но по приезде мне сразу же поставили условие — в течение 24 часов выехать обратно. На следующий день мне удалось добиться прописки в Главном управлении НКВД Ленинграда. Это означало, что «лед тронулся», т. е. после смерти Сталина наши дела были пересмотрены. После возвращения из Ленинграда я получила справки из Верховного суда и Прокуратуры СССР о том, что приговор по моему делу от 1938 г. отменен и дело прекращено. Осталось только сменить паспорт, избавиться от 39 статьи.

В 1957 г. я переехала в Новосибирск и до 1974 г., т. е. до ухода на пенсию, работала главным бухгалтером Управления кинофикации

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ



ВИКТОР ВАСИЛЬЕВ

ТРИ РАССКАЗА ИЗ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

Виктор Николаевич Васильев — брат известного поэта Павла Васильева — родился в 1919 г. У их родителей — Николая Корниловича и Глафиры Матвеевны было четверо детей, Павел — второй, Виктор — четвертый.

Виктор до Великой Отечественной войны окончил курсы учителей и преподавал в школе историю и географию. Несчастья в семье Васильевых — а жили они тогда в Омске — начались в 1937 году после того, как арестовали Павла и уволили с работы отца. В 1940 г. Николай Корнилович тоже был арестован. Умер он в юргинских лагерях под Новосибирском в 1941 г. Глафиру Матвеевну сослали в заброшенную деревню...

Виктор Николаевич в 1942 г. окончил полковую школу в Кунцеве под Москвой, участвовал в боях под Сталинградом и Харьковом. Имел звание сержанта, орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». 16 августа 1943 г. был арестован и получил 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

После освобождения в 1953 г. смог устроиться только грузчиком в речном порту, затем фотоагентом. Стал писать рассказы на лагерную тему. Вместе с С. Поварцовым подготовил книгу «Детство Павла Васильева», которая вышла в Западно-Сибирском книжном издательстве в 1974 г.

Рассказы и повести Виктора Васильева долгое время не публиковались и писались «в стол». Сегодня пришло время и для них.

Доцент

Все кругом ожило — бригады входили в барак. Хлопали двери, скрипели мерзлые лапти, слышалась ругань и смех слышался тоже — как-никак позади была тяжелая работа в зоне оцепления, а впереди их ожидала небольшая, но все же радость — барачное тепло, скорая пайка хлеба, баланда и каша, а кое-кому — и рекордные запеканки из перловки, а потом тяжелый сон в тепле...

Почти каждый из них нес с собой небольшую вязанку сушняка. Сушняк бросали в сенях барака, в тамбуре и он звонко грохотал. Некоторые вносили вязанки в барак и клали их около огромной пылающей печи. А он сидел на

нижних нарах, сжавшись, весь в ожидании, весь синий: на нем была синяя телогрейка, рядом лежал синий бушлат и армейская шапка-ушанка. На ногах у него были новые лапти и белые стежные пайпаки. Все это ему дали сразу после санобработки в каптерке.

Он уже сидел в ожидании бригады часа три. Старик-дневальный двенадцатой бригады сказал, когда новенький явился в барак:

— Садись и жди. Тебе дадут место и приоденут...

И вот он дождался. Он даже знал, что будет дальше, какие ему будут задавать вопросы и как он будет отвечать. Ведь до этого он уже побывал на пересылках и в тюрьме.

А зэки уже все знали, что днем в зону пришел этап, и поэтому не особенно удивились, увидев новенького. Они топтались между нар, раздеваясь; бросали на нары бушлаты и телогрейки, вешали на крестовины нар оттаявшие лапти, ругались; некоторые гремели котелками, готовясь к ужину.

Один, небольшого роста, но плотный, увидев новенького, спросил:

— С этапа? К нам, в двенадцатую?

Новенький кивнул и тихо ответил:

— Да. В дорожную бригаду Черного.

В это время дневальный открыл у печи дверцу и поток красного света ударил между нар, вырвав из полутьмы сидящего на нарах человека. Он был небольшого роста, худ... Его худое лицо было чисто выбрито. Глаза прикрывали очки в роговой оправе. В них весело плясало печное пламя.

Маленький зэк, глянув на этапника, весело засмеялся и закричал:

— Черный! Ленька! Смотри-ка, кого нам в бригаду сунули. Очкарика!

Подошел Черный — высокий, худой верзила с темным лицом. Сгрудились бригадники. Черный, презрительно глядя на очкарика, хмуро спросил:

— Ты откуда?

— Нас пригнали с Чердыни...

— Да нет, на воле где жил?

— А-а-е-е, простите. Я — москвич,— его голос был вежливым и робким.

Зэки загалдели, засмеялись.

— Московский фрайер!

— Вот это работяга! По две нормы будет давать!..

— Кликуха-то какая у тебя?

Он уже знал, что это такое, но тихо и вежливо ответил:

— Бочаров я, Евгений Павлович.
— Ха, ха, ха!
— Евгений Павлович?!
— Вот дает!
— А ты на воле-то кем был, чай, учителем?
— Бухгалтером?
— Может, профессором?!

Ему очень не хотелось отвечать на эти вопросы. Можно было что-нибудь придумать и солгать. Но лгать он не умел. Он приподнял голову на тонкой чистой шее, которая виднелась из-под синего воротника телогрейки, и твердо, даже с каким-то достоинством, произнес:

— На воле я был доцентом кафедры марксизма-ленинизма. Честное слово...

Зэки так и грохнули:
— Доцент!
— Марксизма-ленинизма!
— Кафедры!
— Ой, урки, я не могу!
— Здесь елкам будет рассказывать о Карле-Марле!

И с этой самой минуты к Евгению Павловичу Бочарову крепко прилипло прозвище — Доцент.

У него тотчас отняли все то новое, которое выдали в каптерке. Взамен дали сменку — все старое, второго срока — от лаптей и до шапки. И превратился доцент Бочаров в обыкновенного зэка, ничем не отличающегося от остальной серой лагерной массы.

На следующий день Доцент вместе с бригадой вышел на работу в зону оцепления, в тайгу. Оцепление было новым — его только начали рубить, и поэтому бригада Черного занималась копкой волоков. Черный расставлял людей, а те, вооружившись широкой деревянной лопатой, знали уже,что им надо делать.

Доцента Черный поставил последним. Коротко сказал:

— Шестьдесят метров, четыре метра ширины. Короче, шестьдесят больших шагов. И не вздумай темнить, к съему чтоб выкопал.

Доцент со страхом и умоляюще посмотрел на бригадира:

— Я столько не прокопаю. Никогда...

Черный усмехнулся:

— Захочешь жрать — прокопаешь. Это тебе не в галстуке на кафедре. Снег менее, чем в метр.

— Нет,— тихо произнес Доцент.

Черный разозлился:

— Я тогда, Доцент, лопату тебе о хребет обломаю. И получишь, птенчик,— триста граммов, понял? — и, выругавшись, Черный ушел.

Доцент, растерянный, поникший, стоял, опершись на лопату, с ужасом глядя на простиравшееся перед ним между деревьями снежное пространство. Было тихо. Только едва доносились сюда какие-то очень далекие звуки. Как гренадеры в белых киверах стояли сосны и ели, да далеко впереди свечами поднимались в хрустальное морозное небо дымы костров.

Он сделал взмах лопатой. Один, второй. Лапти его коснулись твердого наста, и Евгений Павлович начал копать. Вскоре ему стало жарко. Он скинул бушлат и остался в одной телогрейке. Но вскоре он быстро устал, ибо никогда в жизни не занимался подобным. Он часто отдыхал, присев на откопанную валежину или упав на бруствер волока. Часа через четыре он совершенно выбился из сил и, бросив лопату, уселся прямо на снег. Болели руки, ломило спину, а он и половины не прокопал.

Близко к сьему пришел Черный. Посмотрев на работу Доцента, он выругался и, как обещал, подняв лопату, ударил очень сильно Бочарова по спине. Плашмя.

Доцент повалился на волок, очки у него слетели, а на худых щеках появились слезы.

— Сука дохлая! Я тебя научу работать! Марш в бригаду, шибздик поганый!

Доцент подобрал очки, вытер их о бушлат и поплелся за Черным, который, крупно шагая, шел впереди, действительно, черный на фоне снегов и заснеженных деревьев.

Так началась для Бочарова лагерная жизнь — страшная и мучительная. Потекли день за днем. И каждый день, кроме воскресенья, одно и то же — подъем, развод, работа и сон. Теперь он старался изо всех сил, поняв, что иначе погибнет. Он начал прокапывать эти проклятые шестьдесят метров, но все равно силы его падали. Работяга из него не получался. Он постепенно доходил, становился доходягой. Но не стал им. Как говорили здесь, в лагере, масть похезала Доценту...

Начальник лагеря Лев Сергеевич Шугаев, или Лева, как его называли зэки, прослышал, что в его зоне есть человек с университетским образованием, да еще доцент марксизма-ленинизма. Конечно, образованные люди в ла-

гере были, но чтоб вот такой ученый-марксист, такого Лева еще не встречал... У него возникла мысль использовать Бочарова с определенной целью. Прошлым годом их всех, начальников лагерных пунктов, вызвали на совещание в управление лагеря и полковник Тарасюк, начальник лага, указал на отсутствие политико-воспитательной работы среди заключенных. И вот Леве пришла в голову мысль использовать этого доцента именно в этом плане. Смущало лишь то, что Бочаров был зэком, а не вольным, в то время, как начальство предписывало проводить политзанятия офицерам дивизиона охраны. Но какие занятия они могли проводить, если у любого здешнего офицера образование исчислялось семью-девятью классами школы? Он бы, Шугаев, с удовольствием заставил этого доцента читать лекции всему личному составу дивизиона, но делать этого нельзя. А вот заключенным... Им, пожалуй, можно будет при определенном контроле, а то этот доцент может наговорить черт знает что.

И Лева вызвал к себе Бочарова. Начальник, увидя Доцента, поморщился: слишком уж неказистый вид был у последнего. Лева даже засомневался: неужели это действительно доцент, ученый? Однако, кивнув на стул, вежливо сказал:

— Садитесь, Бочаров.

Евгений Павлович несмело сел. Он терялся в догадках: зачем это сам начальник лагеря вызвал его?

А начальник осматривал его маленькую фигурку, которая по сравнению с его фигурой была просто смехотворна. Леву почему-то особенно раздражали очки Доцента, наполовину закрывающие худое личико.

Наконец, Лева начал:

— Вы до ареста состояли в партии?

Бочаров удивленно посмотрел на Леву. Его удивило то, что этот человек назвал его на «Вы», чего он не слышал давным-давно. И потом: разве он, доцент марксизма-ленинизма, мог быть вне партии? Он и сейчас в душе с ней, несмотря ни на что.

Бочаров с достоинством так и ответил:

— Я не мог не быть членом партии, если преподавал теорию и тактику.

Лева с некоторым уважением посмотрел на Бочарова. Потом слегка улыбнулся:

— Тогда почему вы оказались здесь?

— По недоразумению. Сюда многие по этой причине угодили...

— А если точнее?

— Просто поспорил с деканом факультета. Сказал, что коллективизация была проведена не ко времени и что, уничтожая кулака как класс, мы подорвали веру в партию, а сельскому хозяйству вонзили в сердце нож...

— Вон оно что... Надо было держать язык за зубами.

— Я привык к правде и лгать не могу,— твердо сказал Доцент.

— Значит, вы жалели кулаков — классовых врагов?

— Нет. Было много несправедливости, и зря погибла масса людей.

Лева нахмурился: слова Бочарова ему не понравились.

— Ладно. Прекратим это. Вы хорошо знаете предмет?

Доцент вопросительно уставился на Леву.

— Какой?

— Ну, марксизм-ленинизм.

На лице Доцента появилось выражение удивления и даже легкого возмущения:

— Я окончил университет, аспирантуру, я...

— Хватит, Бочаров. Как вас по батюшке? — прервал его начальник.

И снова удивление изобразилось на лице зэка:

— Евгений Павлович...

— Вот что, Евгений Павлович... У меня к вам есть предложение. Повторяю, предложение, а не приказание.

— Да?

Лева полез в ящик стола и вынул книжку. Доцент сразу узнал ее. Это был учебник Сталина «Основы марксизма-ленинизма. Краткий курс».

Он поднял учебник и приблизил к лицу Доцента обложку.

— Узнаете?

— А как же... Я ее узнаю из тысячи. Я ее знаю наизусть.

— То есть?

— В буквальном смысле. Знаю наизусть слово в слово, главу за главой,— невозмутимо произнес Бочаров.

— Наизусть? По памяти?

— Да. У меня феноменальная память. Я могу цитировать по памяти Бакунина и Оуэна, Кропоткина и Каутского, Канта, Гегеля, Маркса и Ленина...

Почти все эти имена Лева слышал впервые. Легкой волной удивление пробежало по лицу начальника. А доцент мучился вопросом: зачем эта комедия? Зачем он понадобился начальнику лагеря?

Шугаев тем временем раскрыл учебник:

— Ну-ка, давай на память, Бочаров.

И Доцент начал. Он говорил спокойно, внятно, округляя слова, с усмешкой смотря, как водит Лева пальцем по тексту.

Убедившись, что доцент не соврал, Лева довольно улыбнулся:

— Очень хорошо. Вы будете читать заключенным лекции. Вернее,— начальник хлопнул по учебнику широкой ладонью,— пересказывать вот это, раздел за разделом, главу за главой, без отсебятины. Просто, доходчиво и ясно. Каждое воскресенье с утра и до отбоя.

Наступила пауза. Доцент несколько секунд изумленно смотрел на начальника.

— Но... простите. Какие же это лекции? Это же штамп, я не робот, не попугай. Могут быть вопросы, потребуются разъяснения.

Лева нахмурился снова:

— Никаких вопросов, никаких разъяснений. Ваше дело доходчиво донести массе основные положения учения товарища Сталина. И только. А дай вам волю свободного чтения лекций — где гарантия, что вы не извратите это учение? А вас проверить мы не сможем — у меня и моих офицеров слабоваты знания. Вам зачем было выучивать текст учебника, а?

Бочаров задумался, заерзал на стуле, но затем, глядя сквозь очки на Леву, откровенно сказал:

— Для страховки. Без этого,— он кивнул очками на учебник,— невозможно было изучение и преподавание предмета.

— То-то оно! Вот и я себя страхую,— засмеялся начальник.

— Но ведь любой ваш подчиненный может читать текст.

Опять Лева нахмурился:

— Хватит! Текст читать можно по-разному. Но так, как прочтешь его ты,— никто не прочтет. Итак, Бочаров, мы договорились?

Перед глазами Доцента вдруг всплыли дубленые лица конвоиров, оскаленные клыки овчарок, сугробы снега, угрюмые сосны и длинная фигура Черного...

И Доцент, еще раз посмотрев на Леву, ответил:

— Хорошо, гражданин начальник.

После этого разговора судьба Доцента изменилась, как по мановению волшебной палочки. Он был переведен в барак к придуркам, включен в список отдельного питания. Ему выдали все новое — костюм из хэбэ, гимнастерку и ботинки. Спал он теперь на железной койке с ватным матрацем, спал сколько хотел.

Свои лекции он начал с первого барака, а в каждом бараке размещалось несколько бригад. На первую лекцию пришел Лева. Зэков согнали к передним нарам, ближе к дверям. Они, кто в чем, расселись на передних нарах, прямо на полу. В их гущу зашло несколько надзирателей. Для порядка. Ближе к дверям сидели два офицера. Один — с учебником.

Доцент начал лекцию неуверенно, но потом вошел во вкус. Он ходил возле нар, размахивал руками, сверкал очками и говорил, говорил, стараясь придать своей речи больше выразительности.

Лева следил за ним, следил и офицер, сверяя слова Доцента с текстом учебника. Изумленно следили за ним и зэки, вертя стрижеными башками, ничего, в большинстве своем, не понимая. Их поразило то, что Доцент чешет почерному, наизусть. Но по мере того, как тот говорил, а время шло, в толпе возник недовольный шумок, перерастающий постепенно в возмущение.

— Шестерка!

— Животное!

— Лапшу вешаешь!

— Завязывай, черт!

Поднялись надзиратели, поднялись офицеры, поднялся Лева.

— Молчать! Я вас научу, как относиться к занятиям!

Надзиратели вытолкнули вперед троих, в белье, босых.

Лева коротко и жестко сказал:

— По трое суток шизо. Пусть подумают на досуге.

Его возненавидела вся зона. Особенно уголовники. Политические его понимали, понимали, что Бочарову некуда было деться, ему надо было сохранить свою жизнь, ибо в тайге он рано или поздно погиб бы...

Как это так! Единственный день у зэков свободный — воскресенье. Можно покайфовать, отдохнуть, переброситься в стиры, поговорить о воле, жратве, позаниматься мужеложством, а тут тебе — Доцент.

А он продолжал заниматься своим делом. Шли недели, месяцы. Наступила весна. Доцент раздобрел: лицо его ста-

ло полным и розовым, очки блестели. Ему только не хватало манишки и галстука. Слыша постоянные угрозы и чувствуя опасность, он сказал об этом Леве. И теперь надзиратели сопровождали его всюду. Даже ночами заходили в барак проверять его особу. Все это вызывало еще большую злобу уголовников. В то же время у Доцента начала, как здесь выражались, ехать крыша. Он заговаривался, подолгу задумывался, а при разговоре часто вздрагивал. Ночами он метался на койке и кричал цитатами, известными ему одному. Его сосед по бараку, бухгалтер продстола, а в прошлом подполковник интендантской службы, Мишин, как-то сказал Доценту:

— Вы, Евгений Павлович, зря за это дело взялись. Святое учение втаптываете в грязь, опошляете. Нехорошо...

Бочаров развел руками:

— А что мне делать, по-вашему? Погибнуть?

— Да. Если у вас есть партийная совесть и честь!..

Доцент ехидно улыбнулся:

— Громкие слова! Хорошо так рассуждать с вашей колокольни. Вы здесь продовольственный король. А вот если б на лесоповал, в снег, под лучок! Как бы вы запели?

Мишин сердито ответил:

— Ренегат вы, Бочаров, и подхалим.

Он, да и все придурки барака тоже недолюбливали Доцента: он им читал свои лекции, и не только по воскресеньям.

Карьера Доцента кончилась, когда над зоной, над тайгой, вовсю бушевал апрель.

Его нашли мертвым в сортире: голова была проломлена, а полное лицо залито кровью. Рядом, в дерьме, торчали очки Доцента. Целехонькие.

1 ноября 1968 г.

Чертова дюжина

Мы стоим у вахты и ждем. Нас тринадцать человек, пригнанных сюда надзирателями из разных бараков, и поэтому мало кто знает друг друга. Сегодня мы не вышли на работу в зону оцепления и сейчас думаем, кто нас погонит туда доводом.

Мы стоим серой невзрачной кучкой, почти не переговариваемся, равнодушные ко всему, и ждем. Единственное, чего нам хочется,— это жрать. Но жратва будет вечером,

когда в зону войдут рабочие бригады. Одним словом, мы — отказчики, а с таковыми здесь поступают сурово. А я думаю, что если нас погонят в оцепление, то я едва ли дойду. Лучше откажусь, пусть делают что хотят. Разве я пройду шесть верст до зоны? Конечно же нет, ведь во мне нет и пятидесяти кило. Так думают, наверное, все отказчики. Но мы хорошо знаем, что БУР* и шизо забиты до отказа и едва ли нас туда впихают...

Я обвожу взглядом лица зэков. Это уже форменные доходяги, худые, бледные лица с синевой под глазами, тусклый взгляд безразличных глаз. Одеты во что попало, но все старь — грязное и рваное. Кто в майке, кто в лагерной нижней рубахе, кто в саржевой куртке, а кто в телаге**, несмотря на июньскую теплынь. Мы переступаем лаптями и ждем.

Наконец на крыльце вахты появляется дежурный надзиратель Логинов. Он высок, худ и черноглаз. В руках у него связка ключей. Он помахивает ею и ключи блестят на солнце.

Логинов произносит лениво и равнодушно:

— А ну давай, братва, по одному на вахту...За вахтой сразу строиться по два.

Мы понимаем, что он не открыл ворота только потому, что нас мало. Можно ведь и через вахту. Там, за зоной, нас, конечно, не ждет конвой. Мы нехотя, по одному, идем через вахту. Логинов нас считает. Прямо смех. Что нас считать-то? Мы ведь давно сосчитанные, нас считают целыми днями...

В коридоре вахты, за вертушкой, нас по одному быстро шмонает еще один надзиратель. Что у нас искать-то? Но таков устав, и этот его исполняет. И вот мы, выстроившись по два, стоим за вахтой. Никакого конвоя. Только стоит у загородки, отделяющей вахту от ворот, младший лейтенант охраны Родин. Мы его тоже знаем. Он мягко стелет, но на этой подстилке — жестко спать. Либеральный офицер. Он никогда не кричит, не свирепеет, не бьет. Он — большой выдумщик и любит шутку. Родин стоит стройный, при полной форме: гимнастерка, шикарные галифе темно-синего цвета и блестящие сапоги-джимми. На плечах — защитные погоны, на каждом по звездочке. Он в пилотке, лихо надетой набекрень. Словом, Родин — при форме. У ног его лежит Корнет — огромный пес, сверху почти со-

---

* БУР — барак усиленного режима.
** Телага — телогрейка.

вершенно черный, только подпалины на брюхе светлые. Этого Корнета мы тоже давно знаем. Он смотрит на нас внимательно и злобно.

Родин окидывает нас полуироническим взглядом. Толстые губы его изображают улыбку. Лицо полное, с рыжеватым пушком, волос из-под пилотки виден рыжеватый, а глаза бесцветные, как у немца, с белесыми ресницами.

Распяливая толстые губы теперь уже в настоящую улыбку, он восклицает:

— Ну и контингент, беспризорники какие-то! Чучела гороховые! — Родин смеется, поправляя ремень портупеи, и кобура с пистолетом шевелится. Потом он поворачивает башку к собаке:

— Корнет, встать. Пойдем учить уму-разуму эту шантрапу. Вперед, чертова дюжина!

Родин и Корнет идут впереди. Собака без поводка — у ноги хозяина. Мы плетемся сзади, глядя на широкую спину младшего лейтенанта. Сворачиваем налево и идем широкой тропой, заросшей по боковинам травой-муравой, в гору. Теперь мы видим сверху домики вольнонаемного поселка, за ним веселую, извилистую речку Вильву; легкий ветерок доносит до нас из поселковой пекарни запах свежего хлеба, от чего начинает кружиться голова. До чего же прекрасен этот запах!

Наконец я понял, что Родин ведет нас к лагерной конюшне. Чистить конюшню можно, это не лесоповал...Даже можно кое-чем поживиться от лошадок. Мы останавливаемся около конского двора. За изгородью расположено несколько рубленых конюшен и зеленый домик старшего конюха, бишь заведующего конюшнями.

Родин зычно кричит:

— Ефим!

Из домика выходит мужик в пестрой ситцевой рубахе, с реденькой бородкой. Узнав Родина, спешит.

— Чего вам, гражданин начальник?

— Мне бочка, Ефим, нужна, да чтоб целехонькая. Найдется?

— А как же.

В глазах Ефима удивление: зачем это бочка понадобилась начальнику? Но он идет к конюшням и вскоре возвращается, неся на горбу бочку.

— Пойдет?

— Пойдет,— весело говорит Родин.

Ефим подневольный человек, хотя и бесконвойный, но все же он говорит:

— Она, гражданин Родин, на мне числится. Расписочку бы...

Родин улыбается:

— Все в порядке будет, Ефим. В случае чего — спишем. Это я тебе говорю. А расписки мне писать некогда.

Ефим понимает верно, что и он, и начальник делают неправильно, но возразить прямо старший конюх тоже не может. Поэтому он пожимает плечами и неуверенно говорит:

— Ваша воля...

Родин оборачивается к нам:

— Берите бочку и к Вильве.

Но как ее взять? Двоим бочку не унести, а если вчетвером, то тоже получается ерунда.

Видя нашу бестолковую суетню, он смеется:

— Да катите ее, черт возьми!

Волей-неволей наше построение смешивается, но Родин не возражает. Так рваной толпой мы катим бочку. Она под гору сама идет, скорее приходится придерживать. А Родин вместе с Корнетом сзади похохатывает. Про себя мы удивляемся: зачем нам эта бочка? На душе становится нехорошо: что еще этот Родин придумал.

Но вот мы подкатываем бочку к пожарке, которая расположена совсем недалеко от поселка. Здесь нам вручают каждому по ведру и нам становится кое-что понятным. Предстоит, значит, таскать воду. Но куда и зачем? В бочку? Но она слишком мала для тринадцати человек... В нее вольешь не более десяти ведер. Но здесь мы привыкли ко всему и нас вряд ли чем удивишь. Поочередно, передавая друг другу ведра, мы катим злополучную бочку к Вильве.

Вот и она — узкая, извилистая, сверкающая на солнце. Родин указывает нам, где поставить бочку. Это метрах в пятнадцати от воды. Потом он выстраивает нас и говорит, что проведет с нами краткую политбеседу. Шутник, язви его в душу... Корнет лежит в тени ивняка, хотя еще и не жарко. Смотрит за нами, не отрываясь.

Младший лейтенант говорит:

— Вы все виноваты — не вышли на работу. Значит, вы не хотите выполнять государственный план. Сову видно по полету и вас тоже видно. Не работать — грех и вред здоровью, друзья мои. Короче, вы нарушили лагерный режим и должны нести наказание. Вы должны,— он указал пальцем на бочку,— наполнить ее во что бы то ни стало...

Он усмехнулся, обвел нас взором и продолжал:

— Работать будете как обычно, нормально, но темнить я никому не позволю. Мой Корнет может все же вырвать из вашего тощего зада кусок мяса...Перерыв через каждый час по пятнадцать минут. С тринадцати ноль-ноль по четырнадцать ноль-ноль — обед. А теперь одну минутку...

Родин расстегнул кобуру, вынул пистолет и, подойдя близко к бочке, начал стрелять. Летели мелкие щепки; пули, пробивая бочку, поднимали фонтанчики в светлой воде Вильвы.

Мы тихо и покорно смотрели на это безобразие.

— А теперь снимайте обувь, загибайте штаны и вперед, господа заключенные,— весело скомандовал он, направляясь под куст к Корнету.

Мы быстро сбросили с ног портянки и лапти. Завернув штаны, принялись за работу. Родин разлегся под ивняком. Он снял сапоги, расстелил портянки на траве и протянул потные, прелые ступни Корнету. Тот, повизгивая от удовольствия, начал жадно лизать пальцы своего хозяина. А Родин щурился от удовольствия и поглядывал на нас.

Сразу же у нас ничего не получилось: никто не мог донести полного ведра до бочки. Некоторые падали, проливали воду и снова лезли в Вильву. Я, вцепившись обеими руками в дужку, едва донес ведро до бочки, но поднять и вылить не смог. Мне помогли. Мы начали по двое таскать одно ведро, зачерпывая по полведра. Это заметил Родин и, поднявшись, босиком подошел к нам:

— Темните, мальчики? Филоните? Не-е-е-хо-о-ро-о-шо-о,— нараспев протянул он.

Один из зэков, сидящий около полного ведра, слабо взмолился:

— Гражданин начальник, сил нет никаких. Разрешите хоть по полведра...А?

Родин подошел к бочке, из которой били струи воды, заглянул в нее и горестно вздохнул:

— Мда-а-а, только половина...

Видимо поняв, что зрелище не будет так красочно выглядеть, как бы он хотел, наш мучитель милосердно произнес:

— Хорошо. Таскайте хоть по полведра, но не меньше. Кто нарушит, того поставлю до отбоя под вышку или он попробует клыки Корнета. Давай!..

Потом мы сидели пятнадцать минут обессиленные на песке под лучами уже палящего солнца. Некоторые тихо ругались, с ненавистью глядя на Родина и его пса. Но

большинство, поникнув, молчали. Мой сосед, высокий, с рябоватым лицом, злобно сказал:

— Вот какая сука...Попался бы мне такой на фронте — враз бы прищил.

— На фронте нет таких и «бы» тебе здорово мешает,— тихо и устало ответил я.

В обед, которого и в помине не было, Родин великодушно разрешил нам искупаться. Мы скинули все свое шмотье и полезли в реку. Увидев нас голыми, Родин рассмеялся от души. Со стороны, вероятно, мы действительно были смешны: треугольники поджатых задов, выпяченные ребра и руки-плети. Но простит его бог...Он ведь самый образованный офицер в дивизионе охраны; он нас не трогает, а только заставляет всего лишь носить воду...

А вода эта в речке была прохладной и чистой. Я начал ее пить, и в моем пустом желудке она заиграла...Но мне было все же приятно. Потом лежали на песочке. Отогревались. Я думал о своем. Думал, что мне уже пора собираться в дорогу, в царство теней, что меня зовут к себе казненный в тридцать седьмом брат мой и замученный в лагере отец. Впереди было еще восемь лет срока... Разве я выдержу? Но ведь мне всего двадцать шесть. Жаль накидывать веревку на крестовину нар. Странно, но такие мысли приходят мне в голову уже не впервой. И тут я решил: завтра пойду на работу в оцепление и там отрублю себе четыре пальца левой руки. Стану инвалидом четвертой группы и буду копаться в жилой зоне. Но один, большой, палец я оставлю. На всякий случай...

Когда солнце потихоньку начало падать, Родин, посмотрев на свои кировские, объявил съем. Мы снова покатили свою бочку, но теперь уже в гору. Сил у нас почти не осталось, и мы часто спотыкались и падали; на лицах, теле и лохмотьях оседала пыль. А сзади слышался ласковый смех и скалил клыки Корнет.

У вахты нас тоже встретили смехом. Два надзирателя, стоя на крыльце и лузгая семечки, хохотали, указывая на нас пальцами:

— Вот дал им товарищ лейтенант! Вот дал!..

— Будут знать, где раки зимуют!

А мы стояли, безразличные ко всему. Нам скорее хотелось в зону через ворота и, слава богу, еще один день закончился...

18 апреля 1989 г.
г. Омск.

Двое

В лагере на этого человека все смотрели с ненавистью и страхом. Он каждое утро обязательно присутствовал на разводе. Высокого роста, худощавый и сутулый, серым коршуном горбатился он в стороне от остального начальства, молча наблюдая, как из широких ворот лагерной зоны выводят заключенных, как их считают, отделяя четверку за четверкой, и как дает начальник конвоя предупреждение бригадам. У его ног всегда лежала, положив большую голову на лапы, овчарка по кличке Витязь — огромный черный пес со светлым брюхом, с щенячьего возраста натасканная на заключенных. Витязь пристально и настороженно смотрел желтоватыми глазами на людей, молчаливый, как и его хозяин. У оперуполномоченного лагпункта Красова было длинное, худое и всегда хмурое лицо, изрезанное глубокими морщинами. Никто, никогда не видел, чтобы он улыбался. Смотрел он всегда вприщур, словно ему было нелегко поднимать синеватые и тяжелые наплывы век. А если он и поднимал их, то глаза оперуполномоченнного были тусклы, будто подернуты оловянной пеленой, за которой не увидишь даже зрачков. Такие глаза бывают только у мраморных статуй, выставленных в музее.

Красова и его Витязя знали далеко окрест. Если случался в зоне побег, оперуполномоченный с собакой вместе, с опергруппой шел на поиски, хотя ему это делать было не обязательно. И от Витязя никто не уходил. Но то было полбеды. Дело в том, что Красов никогда не приводил пойманного живым. Такой уж у него был характер. По его приказанию окоченевший труп убитого клали на рогожу около ворот лагеря и бригады, проходя, видели сгустки крови на худом лице мертвеца от пулевых ранений, стриженые, торчком стоящие волосы и неподвижный, остекленевший взгляд мертвых глаз. Если начальник лагпункта или кто-нибудь из начальства спрашивал, почему был убит беглец, Красов коротко бросал:

— Пытался бежать.

Ему нравилось, что его все боялись и не любили. Даже приближенные. Зато никто не скажет, что на лагпункте был плохой порядок. Его послало сюда политуправление КОЛП*, навести должный порядок. И он навел его. За маленькое нарушение он бросал людей в изолятор и БУР, направлял в режимные бригады, отсылал на штрафные ко-

* КОЛП — командный лагерный пункт.

мандировки. Если он появлялся в зоне, то заключенные боялись попадаться ему на глаза.

У Красова была молодая жена, и жил он на краю поселка в срубленном заключенными новом доме. Таков был старший лейтенант, оперуполномоченный Красов.

И один только человек на всем лагпункте не боялся Красова. Таким человеком был Димка Бояркин. Родился и вырос Димка в Сибири, в дремучих тобольских урманах. Среднего роста, широкоплечий, крепко сбитый, он еще держался здесь, и лагерь не успел совершенно наложить на Димку свою тяжелую лапу. В быстрых светло-зеленых, как иртышская вода, Димкиных глазах редко можно было увидеть печальное, обреченное выражение, как у многих здесь, и даже в трудных лагерных условиях Бояркин, как выражался он сам, «не терял марки». И только он во всем лагере имел гитару, с которой не расставался никогда. Совершила та гитара с Димкой долгий путь, если считать дороги, исхоженные им этапами, и называл он ее любовно «подружкой». Была «подружка» неказиста на вид, с облупившимся лаком и многими надписями на своем теле. Но, несмотря на то, пела она под Димкиными пальцами великолепно, ибо владелец ее был мастером своего дела. Висела она всегда в холстяном чехле над нарами, и никто ее не трогал, даже не помышлял об этом, потому что Димкину игру любили все, да и хозяина тоже уважали. Даже тогда, когда арестованного Димку впервые пригнали на пересылку в Соликамск и заблатненные в бараке сняли с него хорошего сукна шинель и итальянские, снятые им на фронте с убитого офицера, бриджи, гитары он не отдал. Стоя в одних трусах в темном углу барака, где его раздевали, и, прижимая «подружку» к груди, он чуть не плача сказал:

— На хрена она вам, голуби. Играть вы едва ли умеете, а продать — кто за нее что даст. Заберите все, а ее оставьте.

Видя такое Димкино состояние, пожалели его и оставили гитару. Любой мотив Димка схватывал быстро, и голос у него был неплохой. Гитара в руках Димки пела, смеялась и грустила, как живая. Песен знал он множество, а за три года пребывания в неволе выучил Димка много блатных, за что особенно его уважали воры. Даже Никола Лорд, вор в законе и бог на командировке, сказал:

— Хорошо играешь, фрайер.

Такая похвала вора — не шутка в лагере. С этих пор никто из шпаны к Димке не приставал и на его особу никто не покушался. Часто после ужина, по чьей-нибудь

просьбе или сам, взяв гитару и поджав по-воровски под себя ноги, садился Димка на нары и играл. Иногда, прищурив глаза, пел, и некоторые, не выдержав, подпевали ему. Особенно полюбились Димке некоторые блатные песни за то, что чувствовалось в них лицо правды, много такого, что он выстрадал сам.

Ночами, просыпаясь и уставившись глазами в закопченный потолок, Димка вспоминал волю, свою недолгую еще жизнь. Он искал выхода из создавшегося положения и не находил. Ему казался вечностью оставшийся семилетний срок, и он понимал, что едва ли доживет эти семь лет. Постепенно он все больше и больше приходил к выводу, что выход один — бежать. Бежал же он в сорок третьем из немецкого плена. Тогда, забравшись в пустой ящик из-под хлеба, чудом оказался вывезенным за черту концлагеря. Да только на следствии он этого не мог доказать. Зато следователь хорошо знал, что в плен-то он сдался. Да, Димка Бояркин и не отрицал, что, будучи помкомвзвода полковой разведки, он вместе с полком летом сорок второго, отрезанный и окруженный гитлеровцами в районе Изюмова, раненный в ногу, с пустым автоматным диском, поднял руки. Ему в последний момент так захотелось жить. И он не один сдался, а тысячи, успокаивал он потом себя. После бегства из плена, в сорок четвертом, он снова воевал и получил второй орден Красной Звезды за то, что спас штаб дивизии, уничтожив огнем трофейной автоматической пушки почти полностью роту гитлеровцев и броневик, прорвавшихся в наш тыл. Но никакие заслуги не помогли. Уже в конце войны, на территории Германии, Димку арестовала контрразведка «Смерш». Было ему тогда двадцать три года и первая звездочка замерцала на его погонах.

В лагере он работал на общих работах. В бригаде грузчиков,— в оцеплении багром катал на вагоны лес. Это была адская, тяжелая работа. Представьте: двое людей, воткнув в торцы полутонного бревна острия своих багров, упираясь, катят его на пятый или шестой ряд. Он был настоящим работягой и понимал, что, если не будешь работать,— погибнешь. Начальство было хорошего мнения о Бояркине, за исключением оперуполномоченного старшего лейтенанта Красова.

А все началось с того, что как-то раз зимой, перед отбоем, Красов зашел в барак вместе с нарядчиком. Дневальный закричал: «Встать!» — и побежал с рапортом к оперуполномоченному. Красов шел между нарами, и Димка, не отрываясь, смотрел на этого человека. Он подошел к боль-

шой железной печи, на которой доходяги расставили банки с водой и баландой, некоторые сушили рыбьи кости и картофельные очистки. Поравнявшись с печкой, оперуполномоченный наклонился, поднял лежащую около печи шуровку и смахнул все это на пол.

— Чтоб я больше не видел этой гадости в бараке. Что, вам пайка не хватает?

Молча жались к нарам доходяги, грязные и оборванные. За спинами других кто-то зло выругался, и Красов повернул туда голову. В это время, соскочив с нар, к оперуполномоченному подошел Димка.

— Да, представьте, не хватает, гражданин начальник,— произнес он, глядя своими светлыми глазами прямо в лицо Красова,— а вы вот последнее у нас на пол сбросили.

Брови оперуполномоченного сошлись, а морщины резче обозначились на лице.

— Значит, и тебе не хватает. Что-то по тебе не видно, шустрый больно.

— Мне-то хватает. Вот так,— Димка чиркнул ладонью по горлу.— Мне, знаешь, что не хватает? Воли,— дерзко закончил он.

Никто из заключенных оперуполномоченного еще так на «ты» не называл.

— Воли, значит, захотел,— Красов повернулся к нарядчику.

— Фамилия?

— Бояркин, гражданин старший лейтенант.

— Статья?

— Пятьдесят восьмая.

— Понятно,— Красов тяжело, как бы с трудом совладав со своими веками, посмотрел на Димку.

— Горе-воин,— повысил он голос.— Ты и в армии разлагал дисциплину, из-за таких вот и гибли другие. Родину продавал, а теперь на волю хочешь?

Димкины глаза сузились, загорелись по-рысьи, затрепетали крылья ноздрей. Он до крови закусил губу.

— Но не стрелял безоружных, даже врагов,— почему-то хрипло ответил он, удерживая желание броситься на этого человека. И вдруг замолчал, поняв, что вот сейчас он может погубить себя. Как сквозь сон он услышал голос Красова:

— Сопляк.

После отбоя пришел надзиратель и увел Димку в изолятор. Лежа раздетый до белья на голых изоляторских на-

рах, он рвал и метал, строя один за другим планы мести. Целую неделю потом Димка не мог толком ни спать, ни есть, ходил хмурый и молчаливый, забыв о гитаре.

* * *

Шла весна, последняя весна в Димкиной жизни. Солнце, пробивая лучами таежную хвою, плавило снег. Он темнел и оседал, скалился клыками по склонам оврагов и падей. Черные тяжелые валежины, освободившись от снега, лежали, пропитанные влагой, издавая тяжелый запах гнили и прели. Зацвели первые подснежники, и робко начал выпускать свои листики таежный клевер. В начале мая на вырубках и полянах, обильно освещаемые солнцем, зазвенели у берез первые молодые клейкие листья. Прошлогодние пеньки, еще сохранившие жизнь, выпускали зеленые побеги. Засуетился и птичий мир, неслышимый зимой: чаще стучали молотками дятлы, в таежных зарослях слышалось воркование лесного голубя, а на поляны огоньками выпархивали синицы.

За зиму Димка здорово отощал и сдал. На работе он уже не чувствовал былой упругости мышц. Какая-то слабость охватывала его ноги, когда он, напрягая силы, ногами и руками упирался в багор. И если бревно юзилось по лежке, он с трудом удерживал его. Тяжелая работа при плохой кормежке делала свое дело: Димка постепенно слабел, «доходил», как здесь было принято выражаться. Его напарник Степан Павчук, выходец из Западной Украины, детина огромного роста, казалось бы, несгибаемый, уже дошел и лежал теперь опухший и никому не нужный на стационарной койке. Димку немного выручала гитара: блатные, видя Димкино состояние, подкладывали иногда хлеб, овсяную запеканку или миску баланды. Раньше такие дары Димка не принимал, не позволяло самолюбие, но теперь брал, махнув на все рукой. Он по-прежнему иногда, взяв гитару, играл. Но это случалось все реже и реже. И все-таки, будучи оптимистом, он не терял надежды вырваться на волю. Однако убежать не было никакой возможности. Сперва он думал, что при следовании на работу бросится на рывок прямо из строя бригады, но этот вариант был слишком рискованным. Наконец в его голову пришла блестящая идея. Димка не сомневался, что ему помогут товарищи. Иначе и не могло быть. Он постепенно начал посвящать в свой план некоторых, самых надежных грузчиков. Все шло гладко, и надо же было так случиться, что Димка

и старший лейтенант Красов снова сошлись на одной стежке. Как-то в июне, когда над тайгой стояли теплые и светлые ночи, а солнце, не успев опуститься, уже поднималось, в барак, где жил Димка, опять явился оперуполномоченный Красов. На этот раз он был под хмельком, бледнее, чем обычно, но и веселее, чем обычно. Говорили, что если Красов выпьет, то больше похож на человека.

Димка стоял возле нар с гитарой в руках, он только что играл. Красов сразу узнал его и, подойдя, дружелюбно сказал:

— Здорово, как тебя там, Бояркин, что ли. Помешал веселиться. Садись, продолжай.

Димка молчал и чувствовал, как кровь приливает к его лицу. Он не забыл того зимнего вечера.

— Ну, что же ты...

Если б даже его стали сейчас насильно заставлять играть, Димка бы не стал. Он заметил, как Никола Лорд, дернув щекой, мигнул ему: не вздумай, мол.

И Димка, спокойно положив гитару на нары, ответил, опять дерзко смотря своими зеленоватыми светлыми глазами в лицо оперуполномоченному:

— Нет.

— Сыграй, Бояркин, для меня.

— Для отдельных личностей не играю.

— А жаль. Сегодня у меня день рождения. Вот и пришел. Думаю: приглашу-ка я Бояркина к себе, пусть повеселит гостей. Может, пойдешь? Я тебе буду и конвоиром. А?

— Нет. Слишком много чести, гражданин оперуполномоченный.

Димка сказал это так, что получилось: много чести Красову.

— Брезгуешь, значит, Бояркин, мной. Смотри, только пожалеешь,— и Димка почувствовал в голосе опера скрытую угрозу.

Хмуро посмотрев в последний раз на Димку, Красов направился к дверям.

А через некоторое время надзиратель, сказав Димке, чтобы он прихватил гитару, повел его на вахту. За столом сидел Красов. Ворот гимнастерки был расстегнут, а пальцы правой руки нервно барабанили по столу — верный признак того, что оперуполномоченный не в духе. Возле стены на табуретках сидели двое охранников — широкоплечих, один к одному.

— Садись, Бояркин,— Красов кивнул на стоящую табуретку.— Уж очень хочется послушать тебя. Все говорят — виртуоз.

— Сесть сяду, а играть не буду тебе все одно,— чувствуя плохое, тихо проговорил Димка.

— Будешь. У меня не такие играли.

И тут Димка, чувствуя, что ему уже терять нечего, нагло улыбнулся и ответил, садясь на табуретку:

— Нет, для тебя не буду, гад.

У охранников побледнели и вытянулись лица.

— А коли не будешь, значит, и гитара тебе не нужна.

Красов подошел к Димке и вдруг сильным и ловким движением вырвал гитару из его рук и, размахнувшись, ударил ею об стол. Раздался треск, и в последний раз жалобно запели струны. И тут Димка бросился на Красова, тот увернулся, и в то же время охранники кинулись на Димку, скрутили ему руки.

— Вот ты еще на что способен, щенок,— словно во сне услышал он слова оперуполномоченного.

Димка стоял, отвернувшись, невидящим взглядом смотрел в окно. Он не видел Красова, и слова опера едва касались его слуха.

— Я ведь боксер, Бояркин...

Подойдя вплотную к Димке, Красов сильно, снизу вверх ударил ему в живот, потом еще раз, потом в лицо. От страшной боли Димка сник, а изо рта на пол закапали капельки темной крови. И, прежде чем потерять сознание, он прохрипел:

— Считай себя мертвым, гад.

И в это время оперуполномоченный Красов улыбнулся. Да, человек, который никогда не улыбался, вдруг улыбнулся: слишком наивной и смешной показалась ему эта угроза парня, валявшегося теперь перед ним без сознания на полу.

Двое суток Бояркин отлеживался на нарах: болел низ живота, грудь и затекший левый глаз. Несмотря на такое состояние, его хотели гнать на работу, но за него горой встали все: и фрайера и блатные. Утром, когда работяги начали выходить на развод и нарядчик начал требовать того же и от Димки, Никола Лорд спокойно, но внушительно сказал:

— Отвали, паскуда. Не видишь, что ли, легавые человека уделали?

Нарядчик отошел, ничего не сказав, так как связываться с вором было бессмысленно и опасно.

За это время Димка все обдумал и взвесил, окончательно решив бежать. Все равно Красов его доконает.

Утро было по-июньски солнечным и ясным. Словно клочья ваты, плыли небольшие, редкие облака, цепляясь за верхушки деревьев. Димка оделся. Засунул в небольшой мешочек две больших пайки хлеба, кисет табака, припасенного заранее, и еще кое-какую снедь — слишком много нельзя было брать — и пошел на развод. На разводе было суетливо и шумно. Синие дымки самосада порхали над толпой: каждый перед выходом старался накуриться. Доходяги, оборванные и худые, клянчили бычки. Слышались ругань, смех и препирательства. Но все это сразу кончилось, когда зэки выходили за ворота — здесь уже вступали в силу другие законы — законы сильного. Выходя, бригады выстраивались, бригадиры получали инструмент из инструменталки и раздавали его. Конвой давал предупреждение: «Внимание, конвой делает предупреждение — при следовании на работу идти четверками, не растягиваться, не курить и не разговаривать, шаг в сторону считается побегом и конвой применяет оружие без предупреждения. Вперед!»

Бригада двигалась в тайгу, в зону оцепления. Как всегда, в стороне, со своим Витязем стоял оперуполномоченный Красов, такой же хмурый и молчаливый, как всегда. Димка прошел мимо в строю, исподлобья недобро взглянув на него.

Бригада грузчиков грузила лес в оцеплении на лесобирже, посредине которой проходила узкоколейная дорога. По ней маленький паровозик проталкивал под погрузку несколько платформ. Каждую из них грузили в пять-шесть рядов бревнами различной толщины. Грузчики работали полуголые, в одних выпачканных смолою штанах, потные и усталые. На бирже пахло смолой и хвоей, штабеля леса громоздились с двух сторон узкоколейки. Два-три раза за смену на биржу приходил начальник оцепления и пересчитывал людей: отлучаться далеко от места работы было нельзя.

Сегодня Димка, да и все работали усерднее, чем когда-либо. Баланы* катились и катились вверх, ложась на еловые прокладки. Грузили первый состав — восемь платформ. Через час погрузка была закончена, оставалось погрузить одну платформу. И тут Димка, подойдя к Ваське Дубцу — их бригадиру, сказал:

— Пора, Васек.

---

* Балан — бревно.

— Давай, я отвлеку машиниста, а то, чего доброго, продаст. Скажи кому-нибудь, чтоб постоял на стреме. Шуруй...

Через несколько минут началась погрузка восьмого вагона. Его грузили березовым швырком. Димка был на платформе. Вокруг него быстро росли стены из поленьев. Он присел, и его заложили с головой, вбили стойки и скрепили их между собой проволокой. Платформа была нагружена по всем правилам — ни к чему не придерешься. Пришел машинист, который точил балясы у десятника, с Васькой Дубцом и десятник. Последний посмотрел на вагон, замерил. Все было шик шиком. Паровозик, выпустив белую струйку пара, коротко свистнул и поволок, набирая скорость, вагоны. Бригада уселась на перекур. На контрольно-пропускном пункте паровозик остановился и начальник оцепления, мельком осмотрев вагоны, велел двигаться. Опять раздался свисток и вагоны, постукивая, покатились из оцепления. Димка стоял на коленях в небольшом пространстве посредине платформы. Подождав с полчаса, он начал постепенно разбирать стенку: выталкивая и сбрасывая поленья. Наконец образовалась достаточная брешь, и Димка в телогрейке с топором за поясом, прихваченным на всякий случай, прыгнул на насыпь в тот момент, когда состав, замедлив ход, шел на подъем. Встал, отряхнулся и огляделся. Стуча, убегали прочь от него вагоны, белея торцами бревен. Вот их перестук замер вдали, кругом стояла ничем не нарушаемая тишина. Димка был свободен. Он это почувствовал сразу, хотя и понимал, что свобода эта была еще относительной. Что ожидало его впереди? Димка знал, что еще никто не мог с концами уйти из этого гиблого места. Он сразу же направился в тайгу, и, чем дальше он в нее входил, тем труднее становилось идти: под ногами хлюпало, чаще стали попадаться валежины и завалы из бурелома. И вдруг он вспомнил о Красове. Димка даже остановился и ощетинился весь, как собака, напавшая на след зверя. В нем заговорил инстинкт разведчика, как будто ему приказано достать языка. Он двинулся вперед, обдумывая созревший в голове план, полный мстительной злобы. Сердце толкало его на это, но здравый рассудок подсказывал: «Что ты делаешь, остановись». Пройдя несколько километров, Димка выбрал место посуше, забрался на огромный ствол ели, сваленный бурей, и лег, сделав себе роскошную постель из пихтовых лап.

Он знал, что его хватятся через час-два и еще часа два будут искать в оцеплении, думать и гадать, куда он девал-

ся. И он знал, что к вечеру на поиски пойдут в разные стороны опергруппы. И с одной из них, конечно же, старший лейтенант Красов. При одном воспоминании о нем Димка зло выругался. Он решил запутать свои следы. Поднялся и снова пошел сквозь тайгу, навстречу неизвестному. Места эти он знал хорошо. За три года исходил Димка с бригадой окрест тайгу вдоль и поперек; рубили просеки, прокладывали лежневки, заготавливали дрова для зоны.

По его предположению, до лагеря было километров двенадцать-пятнадцать. Димка норовил идти краем болота, чтоб след его топила ржавая болотная жижа. Выйдя к таежной речке Вильве, прошел метров пятьсот по колено в воде. Вильва, образуя серьги и делая замысловатые петли, была похожа на лассо ковбоя, брошенное небрежно на землю. Она была очень узка, в некоторых местах всего несколько метров. Два раза Димка, привязав одежду поясом к голове, переплывал Вильву, держа свое единственное оружие — топор — в руке над водой. Устав, он, как зверь, залег в буреломе и заснул тревожным недолгим сном. Боясь, он не разжигал костра, трое суток провел в буреломе, вылезая лишь для того, чтобы набрать морошки и голубики, которой здесь было в изобилии. Димка был уверен, что запутал следы. И он их действительно запутал. Опергруппа наткнулась на поленья, выброшенные Димкой с платформы, и собаки взяли след. Взяли и все же потеряли. Даже знаменитый Витязь Красова ничего не мог поделать: мотал оперуполномоченного на поводке туда и сюда, а толку не было. Считая, что беглец ушел далеко, Красов распорядился прекратить поиски в окрестностях лагеря, оставив лишь секреты. О беглеце были оповещены все лагпункты всего Усольлага и доложено в Главное управление.

А Димка ждал. И, наконец, убедившись, что сейчас даже сам Пинкертон его не разыщет, светлой июньской ночью двинулся в лагерь.

А в лагере только и было разговоров, что о Димке. Втайне все желали ему успеха, хотя мало на это надеялись: тайга велика, а выход из нее один — смерть. Были такие беглецы, которые, поплутав по тайге недели две, возвращались к лагерю, обросшие, голодные — с повинной. И бригады, выходя из лагерных ворот, смотрели в сторону: не лежит ли Димкин труп на заветном месте или не стоит ли сам Димка, опустив голову, возле вахты. Но прошло трое суток, и никто этого не увидел. Димка исчез.

Тогда бывалый лагерник, рецидивист Никола Лорд изрек:

— Все, урки. Смылся фрайер, факт.

Такого же мнения были и товарищи по бригаде, и все. Еще бы! Хоть один из тысяч, но ушел, хоть один подышит всласть волей и пройдет свободно по земле.

Но Димкин след отыскался. К лагерю Димка вышел под утро. Прислонясь к дереву, оглядел все кругом. Откуда-то издалека разносилась лягушачья песня, ухал филин и бормотал в чаще лесной голубь. С востока длинной узкой полоской шел рассвет и бледным светом мерцали звезды. В молочно-сером тумане его вырисовывались вышки с часовыми и темная плотина забора с проволокой наверху. Лаяли сторожевые псы. Из глубины тайги тянуло утренним холодком. Вдали, словно пни, темнели домики вольнонаемного поселка. И Димка, обойдя лагерь кромкой тайги, двинулся к поселку. Он шел осторожно, кошачьей походкой, часто останавливаясь и прислушиваясь. Вот и знакомый овраг, заросший крапивой и репейником. Сюда обычно выбрасывали разный хлам и отбросы. Димка полез по его склону и выбрался наверх. Прямо перед ним, метрах в ста, темнел дом оперуполномоченного Красова. Димка точно знал, что Витязя в доме нет, он обычно оставался на псарне, и это придавало Димке больше уверенности. Беглец подошел к окну и смело постучал, отпрянув в сторону. В доме зажегся свет, раздалось шарканье шагов и женский голос спросил:

— Кто там?

— Дарья Ильинична, товарищу оперуполномоченному срочная телефонограмма из управления. Секретная.

Он давно уже знал имя и отчество жены Красова, о красоте которой часто толковали зэки.

— Сейчас. Входите, а я его разбужу.

Звякнула щеколда, дверь распахнулась, и в тот же момент правая рука Димки намертво прижалась ко рту женщины. На мгновенье Димка растерялся. Что с ней делать? Если отпустить руку — закричит наверняка. Тогда он, прижав женщину головой к стенке, вполсилы ударил по ней обухом топора. Она сразу обмякла и, потеряв сознание, сползла на пол. Димка бросился в комнаты. Навстречу ему раздался голос Красова:

— Дарья, что ты там шумишь?..

Первое, что увидел Димка, влетев в комнату, была голова оперуполномоченного, редковолосая, с небольшой лысиной на макушке. Димка не знал, что Красов лыс, потому что никогда не видел его без головного убора. При виде беглеца с топором в руках лицо Красова вытянулось, губы

побелели, а глаза стали как у филина. Таких глаз у него еще никогда никто не видел.

— Ты-ы,— скорее прошептал, чем проговорил, Красов.

— Собственной персоной, как видите. Вы же меня приглашали.

Красов покосился в сторону, и Димка только сейчас заметил висевшую сбочь кровати на высоте человеческого роста портупею с кобурой. Неожиданно оперуполномоченный швырнул в Димку подушку, вскочил и бросился через спинку кровати к кобуре, да так и повис на портупее: Димкин топор по самый обух вошел ему между лопаток. Стоял и смотрел Димка, как, корчась, сучит этот человек ногами по полу, и ни жалости, ни сострадания не было в его душе. Он, размахнувшись, еще раз ударил его по затылку обухом, после чего Красов дернулся и затих. Димка вытащил из кобуры пистолет и запасную обойму. Сунул за пазуху. Он знал, что у Красова должно быть еще оружие. И действительно, он нашел два подсумка с патронами и карабин, из которого Красов одинаково хорошо бил и лосей, и людей. Открыв буфет, он взял оттуда два круга колбасы и только тогда вспомнил о жене Красова. Димка бросился в сени, но там никого не было. Распахнул двери и почти сразу же услышал истошный женский крик:

— Караул! Убивают!

Увидел, как в одном, потом в другом доме засветились окна. Не раздумывая больше, бросился к темной стене тайги.

След был свежий и слишком небольшое расстояние отделяло Димку от преследователей. К полудню его настигли. Тогда он залег за валежину, загнал в казенчик патрон и улыбнулся, подумав: «Спета твоя песенка, Бояркин. Хватит, пожил». На фронте он всегда улыбался, когда попадал в тяжелое положение. Такой уж был у него характер. Может, смертный час свой чуял, а улыбался. С тыла его на время оберегал огромный завал бурелома. Впереди же была поляна, обыкновенная таежная поляна с кочками, с трухлявыми пнями, с торчащими между ними лезвиями грубой осоки-травы. Сперва он увидел серую, как волк, овчарку, спущенную на него с поводка. Она ощерила морду и, выбрасывая передние ноги, остервенело неслась на него. Он повел дулом карабина, на мгновенье замер и плавно нажал спуск. Простреленная насквозь собака крутанулась и замерла. Потом появились оперативники: один, второй, третий и еще и еще. Димка опять повел дулом, отыскав

мушкой голову человека, который шел быстро, пригнувшись, к нему, но не выстрелил.

«Зачем я буду их убивать. Это же русские, может, даже и земляки. Но живым вам меня не взять. Немцам сдался, а вам — прошу прощения»,— и он, бросив карабин, вынул из-за пазухи пистолет и выстрелил себе в голову.

Утром следующего дня на разводе заключенные молча проходили рядами по четыре мимо Димкиного трупа, угрюмо косясь на него, и печаль, и жалость таились в глазах у каждого. А Димка лежал на рогоже со спокойным окаменевшим лицом, вперив впадины мертвых глаз в синее-синее июньское небо.

ГЮНТЕР ТЮРК

Тюрк Гюнтер Густавович родился в Москве 1 января 1911 г. Отец Густав Адольфович работал врачом Кремлевской больницы. Известен как высокообразованный, интеллигентный человек. Погиб в 1937 г. на Соловках.

В 1928 г. Гюнтер окончил Московский электрофизический техникум. Его брат Густав Тюрк окончил астрономо-математический факультет Московского университета. Оба брата увлеклись идеями Л. Н. Толстого и в 1931 г. уехали в толстовскую коммуну «Жизнь и труд», где занимались сельскохозяйственным трудом и преподаванием в коммунарской школе.

В 1936 г. оба были репрессированы в Новокузнецке. Прошли Новокузнецкую, Томскую тюрьмы и Мариинские лагеря. В 1946 г. Гюнтер был освобожден и отправлен на 5 лет в ссылку в г. Бийск. В лагерях заработал чахотку, от которой умер 24 марта 1950 г.

* * *

Без остроты былой печали
Спокоен, сумрачен и тих.
Глаза давно уже устали
Среди далеких и чужих.

Глядеть в былое бесполезно —
Оно рассыпалось, как дым,
Лицо любимое исчезло
И стало призраком немым.

Сперва одно, потом другое,
Старик отец, малютка дочь,
Все незабвенное, родное
Великая объемлет ночь.

И, повинуясь повеленью
Судьбы веков, судьбы людей —
Я тоже скоро стану тенью
Среди оплаканных теней.

Гитя Т.

* * *

О, как судьба моя сурова!
Трясиной рабства окружен —
Я в ней тону: к чему мой стон?
Живой в тюрьму я замурован.

Не плачь, рыдания напрасны.
Напрасно слезы щеки жгут.
Жена, ребенок, мирный труд —
Все отнято, надежды гаснут.

Цветок любви и жизни юной,
Так рано сорванный, поник.
Моей тоски смертельный крик
Рвет сердца трепетные струны.

Пусть так... пусть мне уже недолго
На свете остается жить,
Но я не раб всеобщей лжи,
Я в жизни шел своей дорогой.

Не бойся смерти! Духом взвейся
В лазурь, в сияющую высь.
Там тучкой синей обернись
И теплым дождичком пролейся!

Мильон сверкающих росинок
Заблещет на лугу весной,
Цветок распустится лесной
В тени молоденьких осинок.

Не бойся! Вечный дух взовьется
Орлом в заоблачную высь.
А с личной смертью примирись:
Больное сердце разорвется.

Не плачь! Рыдания напрасны,
Напрасно слезы щеки жгут,
Страданья жуткие пройдут —
Ведь все мы вечности подвластны...

Гитя Т.

* * *

Покоя нет — и не проси:
Его тебе не надо.
Ты слышишь, слышишь, на Руси
Какая канонада?

Рассеется гнилая мгла
С погибелью Вампира!
Ты слышишь, как кипит смола
В крови горящей мира?

Несокрушима жизни твердь
Великого народа.
Ты слышишь, брошен жребий: Смерть
Поправшая Свобода!

1937-1938 гг.

* * *

Когда ж ты прекратишь, тюремная рутина,
Штыком своей тоски больную грудь пронзать?
О память! О любовь! О светлые картины
Счастливых прошлых дней, воскресните опять!

Любимое лицо, руки прикосновенье,
И воля, и простор, и милый дом родной,
Воскресните, молю, хотя бы на мгновенье,
Чтоб позабыть мне этот холод погребной!

...И нынче, как вчера, и завтра, как сегодня,
Тюремный долгий срок — один бесцельный день,
Один кошмарный бред, безумный и бесплодный...
И этой жизни зной смягчит лишь смерти тень.

* * *

Когда растают наши сроки
— А каждый — айсберг иль торос,—
Нас захлестнет волной в потоке
Немых отчаяний и слез.

И захлебнутся в нем надежды
Достичь причала светлых дней;
Их унесет в простор безбрежный
Валов и пенистых гребней.

Так пусть же будет то, что будет!
Кто не страдал — тот не любил.
А может быть, людей разбудит
Тоска безвременных могил.

* * *

В мгновенья наших редких встреч,
Во тьме неволи,
Понятна глаз живая речь
До слез, до боли.

Ты сердцем названый мне брат,
И в ласке взора
Средь всех невзгод, средь всех утрат
Нашлась опора.

1938 г.

* * *

Я лег одиноко на край
Дороги, чью тяжесть не снес.
Мой старший товарищ, давай
Простимся без жалоб и слез.

Иди так же бодро вперед,
Осиль роковую межу,
А я свое тело под гнет
Безвестного камня сложу.

Хоть страха в душе моей нет,
Но дальше с тобой мне нельзя.
Жене и родным и друзьям
Снеси мой прощальный привет.

Прощай! Продолжайте свой путь.
А я...я хочу отдохнуть.

Т. РУСЛОВ

Т. Руслов родился 19 ноября 1928 г. в г. Орше (Белоруссия) в учительской семье, до войны жил в Минске, который покинул вместе с родителями в ночь на 27 июня 1941 года, накануне захвата его немцами, едва не попав к ним в окружение... Бомбы, эшелоны, Воронежская область, снова бомбы и эшелоны, Казахстан, башкирская глубинка, Уфа, Свердловск... Бездомный «эвакуированный», воспитанник воинской части, ученик школы ФЗО, токарь на танковом заводе; родители в армии. После войны — монтажник на телефонном заводе, вечерняя школа, энергофак Уральского политехнического института, ранняя — в 18 лет — женитьба, двое детей. Редактор курсовой сатирической газеты, руководитель студенческого научного общества при кафедре электропривода. В мае 1951 года арест отца (С. М. Трус, партстаж с 1916 года, участник революции и гражданской войны, исключен из партии в 1937 г., чудом избежав тогда ареста, участник Великой Отечественной, фронтовик; контужен, медаль за Прагу, орден Красной Звезды; приговор: расстрел с заменой 25-ю годами лагерей и 5-ю годами поражения в правах. Освобожден и реабилитирован после XX съезда, заявлений о восстановлении в партии не подавал. Умер 85 лет в Новосибирске). В декабре 1952 года арест, 16 марта 1953 года суд Военного Трибунала по обвинению в подготовке террористического акта по отношению к «одному из руководителей Партии и Правительства» (обвинение поддерживают жена, ее родственники, сокурсники). Стандартный приговор: 19—58.8, 58.10, расстрел с заменой 25-ю годами лагерей и 5-ю годами поражения в правах.

«Столыпинский» вагонзак, конвой с автоматами на боевом взводе, подаяние неведомых женщин «несчастным арестантам». Красноярский пересыльный лагерь, первый «инструктаж» старого лагерника: «...не шакаль — этим не спасешься, себя потеряешь, не бегай к «куму» — свои убьют». Первый опыт лагерного сопротивления: саботаж строительства тюрьмы. Этап: трюм парохода «Мария Ульянова». Первые стихи («Мы долго плыли вниз по Енисею...»). Дудинка, Кайеркан, ГОРЛаг (государственный особорежимный?, горный?), разгрузка вагонов, исписанных сообщениями о забастовке в других лагерях ГОРЛага, потом — о ее кровавом подавлении. Шахта 18/16. Крепильщик, бурильщик, газомерщик, электрик. Стихи («Смерть шахтера» и др.), их обнаружение во время обыска. Понимание ответственности за слово.

Производственная травма, отказ в неотложной медпомощи, потеря ног. XX съезд, амнистия, возвращение в институт, завершение учебы, работа на металлургическом заводе в Челябинске, изобретения, организация лаборатории, отказ в допуске к собственным изобретениям, обращение в Прокуратуру, полная реабилитация («за отсутствием состава преступления» — 1961 г.).

Переезд в Пензу (1962 г.). НИИ управляющих и математических машин, столкновения с дирекцией по поводу неучастия в фальсифицированных выборах. Руководство литобъединением при местном отделении Союза писателей. Знакомство с Б. Слуцким. Пристальный интерес КГБ. Переезд в Новосибирский академгородок (1968 г.), еще более пристальная опека со стороны КГБ, отказы в приеме на работу с прозрачными намеками на «обстоятельства». Институт экономики, отдел социальных проблем, статьи по тематике отдела, диссертация (кандидат географических наук), статьи по литературе, стихи. Знакомство и дружба с Б. Окуджавой, Л. Петрушевской.

Участие в редактировании и распространении Обращения к Президиуму Верховного Совета СССР о создании Мемориального комплекса в память о жертвах репрессий сталинизма, один из инициаторов организации общества «Мемориал» в Новосибирске, делегат учредительной конференции Всесоюзного общества «Мемориал», член его Правления. Заместитель председателя Координационного Совета Новосибирского общества «Мемориал».

Ты и я

Над тобою купол неба так высок.
Надо мною — камеры грязный потолок.

Светят тебе солнце, звезды и луна.
Мне лишь часового тень в окне видна.

Ты идешь, куда захочешь, куда ноги понесут.
Я тюремный узкий дворик вижу в сутки пять минут.

Ты идешь, куда захочешь? — Так-то так, да и не так.
Дни и ночи, дни и ночи маета и колгота —
Дети, стирка ли, стряпня,
В очереди толкотня,
Да работа, да забота...
Лета зной, зимы мороз,
Неохота ли, охота,
Можешь, нет ли — тянешь воз.

Но без зависти к тебе
Думаю я с болью:
Хоть в ярме, да не в тюрьме!
Хоть ярмо — да воля!

Февраль 1953 г.

Красноярск — Дудинка

Мы долго плыли вниз по Енисею.
Из трюма были видны берега:
Врастая в скалы, зеленью синея,
К реке вплотную подошла тайга.

Чем дальше плыли мы, короче
Ночь становилась, дни — длинней,
И, наконец, совсем не стало ночи —
Полярный день на много дней!

Кружилось обезумевшее солнце,
Но лед по берегам лежал пластом.
Лишь отблески в прибрежных изб оконцах
Рождались под его лучом.

Тайга ушла. Безжизненные скалы.
Бескрайние бескровны небеса.
Прощай, жена, прощайте, дети малые!
Не жги щеку, горючая слеза!

...Зеленоватую, похожую на пиво,
Все гнал на север Енисей свою волну.
Под плеск ее, то злобный, то игривый,
В неведомую плыли мы страну.

Июнь 1953 г.

Вселенная существует!

Черная пурга.
Ветер
плотен и беспределен.
Содрогаются скалы и останавливаются поезда,
а провода
лопаются, как струны.
И невозможно
сделать самый маленький вдох.

Неистовым воем,
секущим и режущим снегом
заполнена, кажется, вся вселенная,
если она еще существует.

Да что вселенная —
не видно собственных рук,
собственных обмороженных рук,
которыми мы — товарищ и я,
вцепившись стальными когтями в опоры,
натягиваем лопнувшие провода
ЛЭП.
Вокруг — кипящая белесая муть.
Скалы — содрогаются. Поезда — останавливаются.
Но мы — товарищ и я,
вцепившись стальными когтями в опоры ЛЭП...

Где-то на юге
живет женщина.
Что она делает там сейчас?
Спит, стирает, моет посуду,
читает в уютном свете торшера, закутавшись
в теплый платок?
Но, значит — должна существовать
вселенная.

Потому что
где-то на юге
живет
эта женщина,
которую
я люблю!

Февраль 1955 г.

Мы!

«...Построили этот город герои — советские люди...»
«Советские люди»?...«Герои»?...
«Герои» — да это ведь мы!
Не думали, не гадали ни прокуроры, ни судьи,
которые нас загнали в тот край холодов и тьмы.

Не думали, не гадали, что нас назовут героями,
а не врагами народа, как нас называли они.
Да! Под конвоем с собаками мы этот город строили
все эти белые ночи, все эти черные дни.

Ты видишь, как написали: «Герои...» и все такое...
Вот только забыли добавить, что эти герои — мы...
Но мы-то с тобою помним. Да только ли мы с тобою?
Не вычеркнуть это из памяти — от Бреста до Колымы!

1963 г.

6 марта 1953 года

Ну что вам сказать? Не верьте,
Пусть тысячи раз вам твердят,
что плакали мы в день смерти
загадочного вождя.
Да нам и не сказали
в тот день ничего про смерть.
Мы, как всегда, ковыряли,
долбили промерзшую твердь...

В бригаде у нас был мальчишка,
семнадцатилетний пацан.
Был он еще не вышколен
лагерем до конца.
Еще на него накатывала
по временам тоска
от ржавого слова «каторга»,
от мерзкого слова «зэка»...
Должно быть, тоски вот этакой
не выдержал он в тот день:
бросил кайло и, запретку
перешагнув, как плетень,
в тундру побрел...Прожектор
в спину ему светил...
Охранник стрелял метко,
первой же пулей свалил.
С номером пятизначным
на спине его рдел лоскут...
Выстрел был удачным:
враз оборвал тоску...
А в остальном обычным
был этот день.
Никто ничего не слышал
про траурный бюллетень.
Была обычная стужа,
на вахте — обычный шмон,
в столовой — холодный ужин,
в бараке — голодный сон...

И только лишь наутро
узнали мы, что вчера
скончался наш самый мудрый
и самый лютый тиран.

Мы не играли в прятки
и, хоть свирепела пурга,
мы побросали шапки,
мы закричали: «Ура!..»

Еще впереди были годы
каторги...Что нам крик?
Но будто самой свободы
глотнули мы в этот миг.

А там — хоть вырви горло нам,
мордуй с утра до утра!

Ах как это было здорово —
вот так прокричать: «Ура!»
5 марта 1963 г.

Родина

Жизнью моей оплачена
неотступная тема твоя,
и, как ни переиначивай,
ты мой единственный яд.
Но ты же и противоядие,
единственное мое —
боль моя ненаглядная,
радость моя безотрадная,
оковы и окоем.
1954 г.

Мое!

Куда уж мне масштаб вселенский,
я весь до жилочки вот здесь,
в своей стране — пускай довеском,
пускай обсевком — здесь я весь.

...Болит душа моя в Китае,
и во Вьетнаме я горю,
и клановцы меня пытают
и «грязный ниггер» мне орут...

Но болей всех больней и горше
мне боль вот этой вот страны,
где от сумы да от тюрьмы
и добродетели и корчи;
где отродясь не знают права,
где произвол зовут судьбой,
где за расправою расправа
неотвратима, как запой...
Где от опричнины Ивана
до сталинских концлагерей
и палачей и бунтарей
связь неразрывна и кровава.
Где что ни путь — то бездорожье,
и что ни год — неурожай,
и что ни стон тоски острожной,
то песня... слышишь?
Слу-у-шай!...
1968 г.

Нахальная песенка

Ты, начальничек, да ты, начальничек,
перестань ты меня фаловать.
Что ты можешь дать, я не стану брать,
А что взял бы, тебе не дать.

За твою доброту надо кланяться,
добротой твоей дорожить.
А мне кланяться — смерть не нравится.
Я уж сам по себе буду жить!

Не сули ты мне своего добра,
ты не теща мне, а я не зять.
Что ты можешь дать, я не стану брать.
А что взял бы — тебе не дать.

Не хозяин ты сам своей судьбе —
о моей судьбе не тужи.
Будь ты сам по себе, а я сам по себе,
а я сам по себе буду жить!
1968 г.

Помню

Колючей проволоки звезды
уродовали небосвод.
А там, за проволокой,— тревожно,
неистово пылал восход.

Пыталась ржавая колючка
его перечеркнуть, закрыть,
но он пылал — багрово, жгуче,
как яростный мятежный крик.

Упрямо полыхал вполнеба,
презрев законы и права...
И был бессилен ржавый невод,
хотя б на миг его прервать.
1966 г.

* * *

«...В моей руке такое чудо —
твоя рука!»
А. ФЕТ

...А если завтра уведут
меня опять в тюрьму за слово
и тайный и трусливый суд
наденет на меня оковы.

Конвой, «столыпин», рабский труд,
Смерть от цинги и силикоза
«Во глубине сибирских руд»,
и матери ослепшей слезы...

Опять газетная строка
Дымиться будет клеветою...

Как мне нужна твоя рука —
Чтобы не снилось мне такое.

* * *

В. П. Т.

Нас изуродовали годы —
не только тот,
тридцать седьмой.

Нас отвращали от свободы —
кого сумой, кого тюрьмой,
но больше страхом. Что оковы?
Привычный, как протезы, страх
стал нашей плотью,
нашей кровью.
Здесь каждый —
раб, палач и страж.
И все, что требует свободы,—
открытье душ, открытье дум,—
нам, добросовестным уродам,
уродством кажется в бреду...

Но ты, любовь моя, ты — чудо:
как милосердная сестра,
ты взглядом отторгаешь худо;
к тебе не липнет общий страх.
Нет, ты не чудо, ты отсюда,
ты знаешь горе и беду...
Но так любить, быть может,
будут,
как ты —
в трехтысячном году.

И значит — не всесильны сети
обманов, страхов и клевет —
раз ты живешь на белом свете —
пусть и одна на целый свет!
1968 г.

* * *

Нас скверно учили —
отсюда досюда.
Нам стало
сужденье одно по плечу:
«Стихи —
это как бы подобья сосудов,
хранящих вино наших мыслей
и чувств.
Вот это — сосуд,
то есть ритмы и рифмы,
а это — вино —
содержанье стихов...»

Недаром же
бред о простом алгоритме,
творящем стихи,—
он из наших голов.
Стихи сотворит он
отсюда досюда,
вложив в них
мыслишки из наших голов
и форму придав им
изящных сосудов —
асадовских и щипачевских стихов.
Модели поэта и поэтессы
вполне достижимы — рукою подать.
Но Дант оборачивался
Дантесом,
как позой — поэзия,
ядом — еда...
Виновны ли мы,
неповинны ли в этом,
что втиснуть пытались
поэзию в штамп?
Но это при нас
погибали поэты
живые —
Цветаева,
Мандельштам,
Есенин,
Маяковский,
Корнилов,
Клюев,
Квитко,
Галич...
Господи, как длинен
этот список...
1980 г.

Речи палачей

Обожаю речи палачей —
нынешних,
особенно же — прошлых.

Самый утонченный книгочей
в век не скажет
столько слов хороших
о гуманности,
о красоте и прочем,
сколько эти — отошедшие от дел,
отправлявшие, бывало,
на расстрел
походя и между прочим...
1970 г.

Гордость

Я не сумел решиться
открыто вступить в борьбу
против лжи и насилья,
я только роптал на судьбу.

Но даже за эту малость
меня упекли в тюрьму,
чтобы внушить почтенье
к всеобщему ярму.

Меня наказали сурово,
без меры и без конца —
как самого настоящего
последовательного борца.

Я чести такой не достоин
и до конца моих дней
буду считать ее гордостью
неприметной жизни моей.
1956 г.

Убежден

Читатель
отвечает за писателя,
болеет за него, переживает.
Иначе — умирает обязательно
литература, плоть ее живая.

И с нею вместе погибают
авторы —
прозаики, поэты, драматурги.
Их место занимают
трубадурни,
бездарности и плагиаторы.

А следом погибают
и читатели —
писателей погибших почитатели,
мечтателей и фантазеров.
Не фигурально, а реально,
окончательно,
расплачиваясь
за неотвечательство,
как за обыкновенное
предательство,—
бесчестьем и позором.

1968 г.

СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Новосибирское общество «Мемориал» начинает публиковать имеющийся в его архиве список репрессированных в период сталинизма. Первыми решено опубликовать сведения, полученные лично от репрессированных или от их родственников, друзей, знакомых, живущих в настоящее время в Новосибирске и области.

№	Ф. И. О.	Год рождения	Нац.	Парт. на момент ареста	Соц. происх.	Образов.	Место ареста, должность	Дата репрессии	Дата смерти	Дата реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Авдеев Иван Яковлевич	1875	русский		рабочий		г. Новосибирск Управление Томск. ж. д., ст. ревизор	21.06.37	26.08.37	08.03.57
2	Аглинский Казимир Егорович	1901	литовец		рабочий	нач.	НСО Венгер. р-н, д. Шадово, разнорабочий	00.05.38	06.10.46	25.08.58
3	Алямов Мустафа Нурманович	1906	татарин			нач.	Новосибирск, Енисейская, 12 шофер	09.08.37	31.08.37	30.12.56
4	Андранович Анна Титовна	1920	русская		крестьян.	нач.			жива	дата не известна
5	Андранович Григорий Титович	1900	русский		крестьян.	нач.		00.12.37	00.00.40	дата не известна
6	Андранович Тит Федосович	1876	белорус		крестьян.	нач.		00.05.33	10.02.35	дата не известна
7	Арбеньев Сергей Александрович	1892	русский		служ.	высш.	Новосибирск, врач-эпидемиолог	15.09.37	02.03.44	20.07.56
8	Беккер Генрих Генрихович	1906	немец		рабочий	сред.	Донец. обл. с. Александровское, токарь	03.09.41	07.11.43	
9	Беккер Мария Петровна	1910	немка		служащая	7 кл.	с. Курья, Алтайский край, пош. комбинат, мастер	1-й — 03.09.41 2-й — 23.04.44	жива	28.02.90
10	Белецкий Гелярий Станиславович	1915	поляк		крестьян.	10 кл.		1-й — 30 2-й — 01.38.	00.00.46	дата не известна
11	Белугин Дмитрий Евгеньевич	1897	русский			военно-техн.	Хабаровск, зам. команд. по хоз. части	02.08.37	12.09.37	23.12.61

№	Ф. И. О.	Год рождения	Нац.	Парт. на момент ареста	Соц. происх.	Образов.	Место ареста, должность	Дата репрессии	Дата смерти	Дата реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
12	Беневанцев Харитон Герасимович	1866	русский		крестьян.		Западно-Сиб. кр. с. Баратаевка, сторож колхоза	01.03.37	00.00.40	дата не известна
13	Богаенко Прокофий Сергеевич	1902	украин.	ВКП(б)	крестьян.	средн.	Житомир, облисполком, зав. отделом	28.12.37	30.09.38	27.03.57
14	Боженков Иван		белорус		крестьян.	4 кл.	НСО с. Вознесенка Болотнинского р-на, разнорабочий			
15	Боженков Назар		русский				НСО, с. Вознесенка, разнорабочий			
16	Борисов Глеб Васильевич	1903	русский		рабочий		Ленинград, арт. мастерская, электромонтер	15.10.37	11.11.43	29.12.58
17	Боряев Иван Васильевич	1894	русский	ВКП(б)	военный	высш.	г. Спасск-Дальний, комдив	00.06.37	10.09.38	29.09.56
18	Броч Иосиф Андреевич	1886	латыш		рабочий	нач.	Зап.-Сиб. край, трест «Анжеруголь», кочегар	05.12.37	00.00.38	05.11.57
19	Варенников Тихон		русский		крестьян.	4 кл.	НСО с. Боровское Болотн. р-на, пастух			
20	Варенников Федор		русский		крестьян.		НСО с.Боровское Болотн. р-на, разнораб.			
21	Василевский Иосиф Лукич	1886	поляк		рабочий	дом.	Новосибирск, ул. Фрунзе, д.8, завмаг	27.11.37	14.06.40	27.06.58

22	Вассерман Борис Моисеевич	1903	еврей	ВКП(б)	ремесл.	раб. фак.	г. Шумерля Чуваш. АССР, зам. пред. артели	03.10.37	14.05.89	25.01.56
23	Велеско Иосиф Иосифович	1899	поляк		служ.	технич.			00.00.48	
24	Верш Данила Фридрихович	1905	эстонец	ВЛКСМ	крестьян.	нач.	НСО, с. Эстонка, пред. колх.	10.08.37	жив	00.00.51
25	Вечеславов Владимир Александрович	1902	русский		служ.	сред.	Запсибзолото техник	00.09.37	неизв.	09.07.57
26	Владимиров Георгий Гаврилович	1905	русский	ВКП(б)	крестьян.	ср. тех.	Чита, следователь	00.00.37	25.12.81	освобожден в 38 г.
27	Власюк				крестьян.		НСО, с.Игрушка Болотн. р-на			
28	Волонец						НСО, с. Игрушка Болотн. р-на			
29	Воробьева Прасковья Титовна	1917	русская		крестьян	нач.		00.00.33	жива	
30	Вощакин Алексей Васильевич	1898	русский		рабочий	худ. школ	Новосибирск, т-во «Художник»,	05.08.33 25.11.37	08.12.41	29.07.58
31	Вторушин Василий Иванович	1916	русский		казак	худ. учи-лище	Китай Дунган-ская пров. охотник	04.09.45	жив	не реаб.
32	Выдрин Владимир Андреевич	1897	русский		служащ.	высш.	г. Бийск, лесотехн. техн., техник	00.12.37	25.04.46	06.08.58
33	Высоцкий Василий Николаевич	1909	русский			4 кл.	НСО, с. Вознесен-ка Болотн. р-на, разнорабочий	00.00.48		
34	Гарсюков Сергей		русский		крестьян.		НСО, с. Боровское Болотн. р-на, разнорабочий			
35	Гельшерт Владимир Федорович	1918	русский		служащ.	н/высш.	Новосибирск, мед. ин-т, студент 2 к.	01.12.37	жив	06.10.56
36	Гинзберг Давид Менделевич	1909	еврей		рабочий		Новосибирск, обув. ф-ка, раскройщик	06.09.37	11.04.40	28.09.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
37	Гинцель August Антонович	1893	немец		рабочий	сред.	г. Барабинск, управление мельниц	02.02.38	19.04.38	27.12.57
38	Глебов Владимир Львович	1929	русский	ВЛКСМ	служащ.	высш.	Ленинград, университет, студент	2 ссылки 27.01.50	жив	14.06.56 25.01.89
39	Григорьева Ирина Федоровна	1912	русская		служащ.	высш.	г. Москва, учительница	00.11.37	жива	19.03.57
40	Григорьева Наталья Алексеевна	1890	русская		из дворян	высш.	Москва, домохозяйка	00.00.37	00.00.59	30.06.56
41	Григорьев Федор Леонидович	1884	русский		служащ.	высш.	Москва, нач. кафедры	00.00.37	13.09.40	08.09.56
42	Данцаранов Буда Данцаранович	1896	бурят	ВКП(б)	крестьян.	неграмотн.	Бурят-Монг. АССР, с. Хужир, пред. колхоза	00.11.37	02.09.38	
43	Демидов Герасим Семенович	1900			крестьян.					
44	Дербилин Леонид Васильевич	1909	русский		крестьян.				01.06.67	
45	Задерновский Василий Герасимович	1895	русский	ВКП(б)	крестьян.	высш.	Новосибирск, зам. управляющего	14.03.38	14.03.38	00.00.56
46	Зарецкий Лейб Вульфович	1899	еврей				г. Боготол Красн. края, врач	12.10.37	29.06.59	22.12.56
47	Заиграев Игнатий Карпович	1902	русский	ВКП(б)			Старокузнецк, Запсибзолото, управляющий	00.06.37	00.06.49	Освобод. в 00.00.39
48	Зезюля Софья Георгиевна	1898	немка							
49	Золотченко Иван Савельевич	1919	русский		крестьян.	7 кл.	НСО, с. Григорьевка, счетовод	07.11.37	жив	19.12.60
50	Зорина Агриппина Сергеевна	1900	русская	ВКП(б)	рабочий	высш.	Краснодар, зав. отд. проп. и агит.	02.10.38	жива	Освобожд. 00.01.39.

51	Ильин Константин Трофимович	1905	русский		рабочий	высш.	Новосибирск, зам. нач. «Желдор» Томск. ж. д.	07.02.38	04.06.38	22.02.58
52	Исаев Андрей Кузьмич	1895	русский	ВКП(б)	крестьян.	высш.	Москва, Институт красной профессуры, слушатель	10.07.36	05.09.86	29.04.57
53	Исаева Надежда Георгиевна	1898	русская		из мещан	нач.	Москва, телефонистка	00.00.37	04.04.67	04.02.54
54	Каврайский Борис Александрович	1894	русский	ВКП(б)	из дворян	н/высш.	Новосибирск, Управл. коммун. банком	00.11.37	18.07.39	26.12.57
55	Казак Альберт Видрикович	1919	эстонец		крестьян.	8 кл.	НСО, дер. Верх-Эстонк, Ояшинск. р-на	16.12.37	жив	дата не изв.
56	Казак Видрик Петрович		эстонец		крестьян.		НСО, дер.Верх-Эстонк, Ояшинск. р-на	00.00.30	умер	дата не изв.
57	Казак Освальд Видрикович	1907	эстонец		крестьян.		НСО, дер. Верх-Эстонк, Ояшинск. р-на	11.08.37	00.00.57	дата не изв.
58	Казаринов Пантелеймон Константинович	1885	русский	ВКП(б)	служащ.	высш.	Дир. Зап.-Сиб. краевой библиотеки	21.01.33	00.00.39	29.07.58
59	Канашенок Петр		русский		крестьян.	7 кл.	НСО, с. Юдино, финагент	00.00.37	00.00.57	
60	Капустинский Николай Александрович	1903	русский	ВКП(б)	рабочий	сред.	Ленинград, Штаб Военного Округа, полевой адъютант Тухачевского	05.06.37	12.01.88	24.04.58
61	Карпов Александр Алексеевич		русский		крестьян.	нач.	НСО, Артамоново, пред. колхоза	00.00.37	00.00.40	
62	Карпов Николай Александрович	1911	русский	ВКП(б)	крестьян.	нач.	НСО, п. Петровский, комбайнер	00.04.37	00.00.66	
63	Кириченко Хадора		белоруска		крестьян.		НСО, с. Вознесенка			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
64	Клем-Мусатова Татьяна Яковлевна	1900	русская	ВКП(б)		высш.	Ленинград, завод «Союз», экономист	00.00.50	26.08.58	00.00.56
65	Клещинский Вячеслав Иосифович	1905	поляк		рабочий	нач.	НСО, грузчик	00.10.37	19.04.43	25.05.62
66	Клещинский Иосиф Каспорович	1879	поляк		крестьян.		НСО, ст. Инская, сторож	07.12.37.	05.02.38	11.12.62
67	Клещинский Казимир Иосифович	1910	русский		рабочий	нач.	НСО, ст. Инская, кондуктор	28.08.37	24.11.37	12.12.58
68	Клещинский Феликс Иосифович	1916	поляк		рабочий	нач.	НСО, ст. Каргат, грузчик	00.10.37	07.12.44	04.12.59
69	Климченко Гурьян Алексеевич	1892	русский		рабочий	нач.	с. Барзас, Управление Кемер. ж. д., плотник	12.03.38	23.03.44	04.04.58
70	Клочихин Даниил Силантьевич	1889	русский		крестьян.	сред. спец.	Кр. край Даур. леспр. ветеринар	00.11.37	11.04.40	дата не изв.
71	Ковалев Иван Иванович				крестьян.		НСО, с. Боровское			
72	Колпаков Григорий Федотович	1904	русский		крестьян.	неграм.	Алтайский край, с. Журавлиха, тракторист	00.00.37	24.03.43	дата не изв.
73	Корниченко Илья Куприянович	1891	русский		крестьян.	4 кл.	НСО, Здвинский р-н, с. Хапово колхозник	12.09.38	06.03.40	05.05.58
74	Котт Михаил Миронович	1915	русский		служащ.	высш.	Архангельск лесотех. ин-т, преподаватель	29.06.39 06.01.50	Жив	30.11.62
75	Кренц Андрей Янович	1910	поляк	ВКП(б)	служащ.	ср/техн.	Новосибирск Рабочая, 10, гл. механик	05.10.37	14.12.46	27.07.56
76	Криворот Николай Константинович	1910	русский				НСО, с. Игрушка, лесоруб			

77	Кропочкин Александр Евдокимович	1919	русский	ВКП(б)	крестьян.	н/высш.	Томск, Р. К. партии, студент	22.02.47	Жив	00.12.55
78	Крыжановский Вячеслав Петрович	1893	русский		служ.		г. Томск, учитель	35-36 гг.	неизв.	дата не изв.
79	Крюков Иван Алексеевич	1900	русский		крестьян.	2 кл.	НСО, д. Чемская Каменка, мельник	00.00.37		
80	Кузин Михаил Васильевич	1889	русский		крестьян.	церк.-приход. школа	Новгородская обл. заготовитель скота	00.06.31	00.06.37	дата не изв.
81	Кузина Анна Ильинична	1899	русская		крестьян.		Новгородская обл. домохозяйка	00.06.31	27.01.37	дата не изв.
82	Кульков Владимир Николаевич	1895	русский		служ.	сред.	г. Томск, хлебозавод, экспедитор	29.09.37	неизв.	30.12.59
83	Кучеренко Михаил Николаевич	1900	русский	ВКП(б)	крестьян.		Астрахан. обл., г. Харабали, секретарь райкома	06.07.37	07.06.42	08.08.56
84	Лавин Федор Иванович	1901	немец	ВКП(б)	служ.	н/высш.	Саратов. обл., г. Энгельс, 2-й секр. обкома	00.00.38	28.04.68	дата не изв.
85	Левин Петр Иванович	1903	русский	ВКП(б)	крестьян.	высш.	Ленинград, физхим ин-т, науч. сотр.	00.03.38 Казань-49 г.	00.00.83	13.03.56
86	Литвиненко Лидия Михайловна	1915	русская		из дворян	н/ср.	Хабаровск, торг. дом, инспектор	08.06.38	жива	01.10.56
87	Локотко Степан Лукич	1892?	белорус		крестьян.		Вост.-Каз. обл. с. Ленинское, кузнец	00.00.37	неизв.	дата не изв.
88	Лыхин Степан Евдокимович	1892	русский		крестьян.	н/высш.	Новосибирск, Росглавконд. бухгалтер	21.08.38	неизв.	15.07.58
89	Лютов Василий Иванович	1898	русский	ВКП(б)	крестьян.	н/высш.	Омская обл., ст. зоотехник	00.10.36	19.11.50	16.12.87
90	Лясковский Ян Францевич	1907				н/высш.	Свердловск, Горный ин-т, студент	20.03.39	жив	дата не изв.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
91	Магалиф Юрий Михайлович	1918	русский		из мещан	высш.	Ленинград, к/т «Форум», педагог	02.04.41	жив	25.10.61
92	Мазонкин Александр Кириллович	1908	русский		рабочий	сред.	Тульская обл., ст. Узловая, пом. машиниста	14.09.37	00.00.39?	дата не изв.
93	Мазонкина Ольга Кирилловна	1917	русская		рабочий	техн.	Тульская обл., ст. Узловая, транспортный бухгалтер	06.10.37	жива	05.10.57
94	Макарцев Дмитрий Фролович	1892			крестьян.		НСО, Искитим. р-н	08.02.38	00.00.44?	00.00.60
95	Мактесьян Кероп Артемьевич	1899	армянин				г. Мин. Воды, завмаг	1-й —.44 2-й —.50	27.01.54	21.09.63
96	Малакишер Вера Львовна	1909	еврейка	ВКП(б)	крестьян.	сред.	Новосибирск, полит. отдел, Томск. ж. д.	00.00.38	жива	освобож. в 39 г.
97	Малакишер Григорий Львович	1907	еврей	ВКП(б)	крестьян.		Омск, партработник	00.00.37	00.00.64	докум. уничтож.
98	Малакишер Матвей Львович	1915	еврей		крестьян.		Новосибирск, кроватная ф.,	00.00.37	00.00.46	докум. уничтож.
99	Малакишер Михаил Львович	1913	еврей		крестьян.		Новосибирск, мединститут, каф. физкульт.	00.00.37	00.00.37	докум. уничтож.
100	Малакишер Семен Львович	1911	еврей		крестьян.		Новосибирск, воен. городок, ст. лейтенант	00.00.38	00.00.49	докум. уничтож.
101	Медведев Георгий Михайлович	1909	русский	ВКП(б)	крестьян.	ср. ком. вуз.	Иркутск, политработник	27.12.36	жив	09.05.56
102	Медников Геннадий Никанорович	1915	русский		рабочий	ср/техн.	Нижний Тагил, мехзавод, техник	31.10.41	жив	16.02.89
103	Михельсон Аркадий Григорьевич	1902	еврей				Казань, кондитер	00.00.52	жив	00.00.57

104	Михельсон Израиль Юрьевич	1905	еврей				Новосибирск, маг. мехторг, оценщик	08.10.37	21.05.44	18.10.57
105	Михельсон Софья Лазаревна	1905	еврейка				фармацевт	18.10.37 — 00.00.44	01.11.73	20.09.57
106	Мовмыго Владимир Васильевич	1906	украинец	ВКП(б)		ср./техн.	г. Омск. препод. военной школы летчиков	00.01.47	18.04.80	дата не изв.
107	Мурд Оскар Юганович	1911	эстонец				НСО, Ачинск. р-н, конюх	24.02.38	неизв.	20.02.58
108	Нуортова Кертту Александровна	1910	финка		служ.	высш.			00.00.64	дата не изв.
109	Овсянников Илья Иванович	1907	русский		крестьян.	2 кл.	Томский р-н, конюх	19.10.37	00.00.43	26.08.60
110	Педяш Дмитрий Аксакович		украинец		крестьян.	неграм.	Сев.-Казах. обл., бригадир	осень.30	00.00.31	не реаб.
111	Петерсон Филипп Иванович	1913	немец		крестьян.	нач.	Сев. Кавказ, военнослужащ.	00.00.37	жив	02.07.69
112	Петровский Владимир Николаевич	1895	русский	ВКП(б)	крестьян.	сред.	Новочеркасский горком ВКП(б), 2-й секретарь	04.03.36	04.10.37	05.09.57
113	Пешков Алексей Сафронович							00.00.37	неизв.	
114	Пешков Никита Алексеевич	1907	русский		крестьян.		НСО, с. Малая Ирменка, дир. школы	00.00.37	дата не изв.	00.00.58
115	Покровский Николай Николаевич	1930	русский		служ.	высш.	Москва, МГУ, преподаватель	31.08.57	жив	03.05.89
116	Полищук Антон Тимофеевич	1914	украинец		крестьян		Болотное, рабочий	00.08.37	00.00.88	дата не изв.
117	Полищук Демьян Тимофеевич	1910	украинец		крестьян.	2 кл.	г. Болотное, бригадир вагонного участка	29.07.37	29.10.38	02.11.56
118	Полыгалин Сергей Александрович	1899	русский		из мещан	высш.	Новосибирск, театр оперы, гл. инженер строительства	15.12.37	24.12.37	дата не изв.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
119	Попов Адриан Евгеньевич	1886	русский		сын священника	дух. учил.	Хабаровск, Москва, нач. план. отдела	—.30 13.10.37	13.09.38	30.05.57
120	Попов Николай Евгеньевич	1888	русский		сын священника	высш.	Алма-Ата, комбанк	00.01.37	05.10.37	24.09.64
121	Попов Андрей Николаевич	1901	коми		служ.	высш.	Москва, МПС, инженер	—.30 —.05.41	26.02.76	дата не изв.
122	Попов Никита Гаврилович	1892	русский		крестьян.	нач.	г. Новосибирск повар промартели	23.12.37	31.12.37	12.07.58
123	Попова Рахиль Исаевна	1886	еврейка		крестьян.	церк.-прих.	Алма-Ата, магазин, кассир	00.01.37	00.00.67	дата не изв.
124	Прокопьев Осип Игнатович		поляк		крестьян.	4 кл.	НСО, д. Кр. Озеро, колхозник			
125	Прокопьев Петр Осипович		поляк		крестьян.	4 кл.	НСО, д. Кр. Озеро, колхозник			
126	Прушинский Владимир Людвигович	1888	поляк	ВКП(б)	рабочий	сред. техн.	Новосибирск, Кривощеково, мастер	27.11.37	дата не изв.	11.04.58
127	Пусеф Михаил Андреевич	1904	австриец				Зап.-Сиб. кр., с. Баратаевка, конюх	00.00.37		31.07.58
128	Радченко Анна Федоровна	1896	русская		служ.	гимназия	д. Березники Архангельская обл.	18.05.38	жива	дата не изв.
129	Радченко Григорий Иванович	1890	украинец		служ.	высш.	1-й — Москва 2-й — Нукус	10.04.36 11.08.49	00.00.54	дата не изв.
130	Радченко Яков Иванович	1895	украинец		служ.	высш.	Москва, Главагропром, инженер	10.04.36	00.00.39	дата не изв.
131	Рязановский Феофан Иванович	1897				р/уч.	Новосибирск, Упр. ж. д., экономист	00.11.37	не изв.	06.11.57
132	Румер Юрий Борисович	1901	еврей		служ.	высш.	Москва ФИАН, ст. науч. сотрудник, профессор	28.04.38	01.02.85	10.07.54

133	Савин Григорий Иванович	1897	русский		служ.	высш.	Новосибирск, Кр. здр. отд. бухгалтер	26.11.37	00.00.44?	12.03.57
134	Савина Валентина Петровна	1891	русская		служ.	высш.	Новосибирск, ин-т ус. врачей, врач	14.12.37	00.00.44?	23.11.56
135	Севенард Александр Иванович	1896	русский				Кемеровский руд-комбинат, бухгалтер	20, 29, 33 01.07.37	02.08.37	08.07.57
136	Седлецкий Иосиф	1912	русский		крестьян.	4 кл.	НСО, с. Игрушка, пилоправ			
137	Синцов Александр Петрович	1923	русский	ВЛКСМ	служ.	н/высш.	Тюмень, военное училище, курсант	00.09.41	жив	19.10.66
138	Синявский Николай Васильевич	1900?	русский				Хабаровск, Упр. Амур. пар., бухгалтер	00.02.38	20.06.41?	18.09.58
139	Скобелев Дмитрий Федорович	1903	русский		крестьян.		НСО, с. Игрушка, разнорабочий			
140	Слижевич Ефим Власович	1879	белорус		крестьян.	7 кл.	Алтайский кр., с. Островное, счетовод	12.07.38	17.10.38	06.07.56
141	Слижевич Николай Ефимович	1905	русский		крестьян.	сам.	Алтайский кр., д. Буденовка, счетовод	28.07.38	17.10.38	06.07.56
142	Смирнов Павел Павлович	1879	русский		служ.		Сталингр. обл., д. Крутец, учитель	17.11.37	01.01.42	00.00.56
143	Смирнов Николай Павлович	1928	русский		рабочий	р/уч.	Москва эксп. завод, токарь	10.03.48	жив	13.05.53
144	Соколов Анатолий Петрович	1907	русский		служ.	высш.	Лениногорск, свинц. завод, инженер	24.10.37	жив	08.10.55
145	Сонгалевич Владимир Григорьевич	1912	русский		служ.	н/высш.	Ленинград, Горно-Геол. ин-т, студент	05.11.37	00.00.42?	дата не изв.
146	Сотников Иван Семенович	1898	русский				Алтайск. кр., р. Перуново, стрелочник	00.10.37	00.00.52	01.11.62

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
147	Спарин Иван Иванович	1887	латыш	ВКП(б)	рабочий	р/уч.	Новосибирск, ком. сов. кон., ст. контролер	03.06.38	00.00.45?	03.08.56
148	Старченко Лаврентий Иванович	1902	украинец		крестьян.	4 кл.	Зап.-Сиб. кр. пред. Березовского с/с	00.10.32	жив	дата не изв.
149	Сумецкий Илья Михайлович	1917	еврей	ВЛКСМ			Новосибирск, геол.-разв. пар., рабочий	11.09.37	жив	09.10.56
150	Сумецкий Михаил Ильич	1890	еврей	ВКП(б)			Новосибирск, Запсибкрс-3, завгруп. цен	27.04.36	19.09.40	20.01.59
151	Сумецкая Анна Савельевна	1889	еврейка	ВКП(б)			Новосибирск	03.09.37	22.12.74	19.05.56
152	Сухов Александр Сергеевич	1876	русский		служ.	высш.	Томск. биол. ин-т	01.09.37	не извест.	04.12.89
153	Сухов Владимир Сергеевич	1894	русский		служ.	высш.	Томск, арт. училище, преподаватель	09.10.37	не извест.	дата не изв.
154	Тарасов Борис Фавстович	1872	русский	б. чл. партии с-р	сын свящ.	высш.	Министр земледелия ДВР, Алма-Ата	00.00.22,24 00.00.26,37	00.00.37?	дата не изв.
155	Тарасова Екатерина Борисовна	1906	русская		служ.	сред.	Самарканд, опытная станция, агроном	00.00.37	жива	04.01.56
156	Тарасова Ольга Петровна	1883	русская	б. чл. партии с-р	служ.	высш.	Москва, Самарканд	— 33/34 — 37	00.00.90	00.00.56
157	Тевс Генрих Иоганнович	1887	немец		крестьян.	нач.	респ. немцев Поволжья, машинист колхоза	02.11.37	19.11.37	16.01.89
158	Толкачев Дмитрий						НСО, с. Боровское, колхозник			

159	Теняев Федор Федорович	1899	русский		крестьян.	нач.	г. Новосибирск, с/х НКВД № 2, агент по снабжению	03.12.37	09.12.37	12.03.57
160	Толмачев Дмитрий Иванович	1886	русский	ВКП(б)	рабочий	нач.	Новосибирск, ЖАКТ «Полит-каторжанин» электромонтер	00.00.43	26.11.60	08.04.58
161	Трус Леонид Соломонович	1928	еврей	ВЛКСМ	служ.	н/высш.	Свердловск, УПИ студ. 5 курса	02.12.52	жив	07.03.61
162	Файнберг Марк Лазаревич	1902	еврей				гл. зоотехник	18.11.37	жив	01.02.58
163	Фальков Валериан Михайлович	1904	русский		служ.	сред.	Новосибирск, Упр. ж. д., бухгалтер	00.12.37	не изв.	дата не изв.
164	Хабарова Акулина Яковлевна	1885	русская		крестьян.			00.00.32	00.00.34	
165	Хинн Александр Петрович	1908	эстонец	ВКП(б)	крестьян.		Зап.-Сиб. кр., с. Ключи, дир. шк.	00.08.37	1938?	дата не изв.
166	Хиов Александр Кузьмич	1914	эстонец	ВКП(б)	крестьян.		НСО, ст. Тайга, инстр. райкома	00.00.38	дата не изв.	дата не изв.
167	Хиов Герман Кузьмич	1912	эстонец		крестьян.		НСО, Болотн. р-н, с. Баксон	05.12.37	дата не изв.	24.06.58
168	Хиов Константин Кузьмич	1916	эстонец	ВКП(б)	крестьян.		НСО, Болотн. р-н, с. Баксон	27.11.37	дата не изв.	24.06.58
169	Хиов Кузьма Густавович	1885	эстонец		крестьян.		НСО, Болотн. р-н, с. Баксон	27.11.37	дата не изв.	24.06.58
170	Хоробрых Федор Александрович	1902	русский	ВКП(б)	крестьян.	высш.	Зап.-Сиб. кр., Сузун, зав. зем. отделом	28.01.37	28.10.37	19.07.57
171	Хорликов Иван Георгиевич	1908	русский	ВКП(б)	крестьян.	высш.		02.02.37	.60-е гг.	11.06.55
172	Цветков Андрей Дмитриевич	1895	русский		духовен.	нач.	Новосибирск, Упр.-е ж. д. рабочий	17.09.37	00.00.42?	дата не изв.
173	Чмель Анна Григорьевна	1909	русская		крестьян.	2 кл.			жива	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
174	Чмель Григорий Калинович	1892	украинец		крестьян.	2 кл.				
175	Чмель Иван Калинович	1902	украинец		крестьян.	высш.		00.00.43		
176	Чмель Семен Калинович	1896	украинец		крестьян.	4 кл.		00.00.39		
177	Шарашин Евгений Емельянович	1891	русский	ВКП(б)	крестьян.	сред.	Новосибирск, зав. облсобесом	07.12.37	30.07.39	
178	Шатохина Лидия Александровна	1905	русская		служ.	гимн.	г. Харьков, Кировской обл., с. Лойно, счетовод	18.10.37 06.01.50	жива	23.10.57
179	Штейнберг Михаил Исакович	1878	еврей		служ.	высш.	г. Новосибирск, Сибстройпуть	22.03.38	01.01.42	01.06.57
180	Шатохин Николай Пименович	1903	русский		сын помещика		г. Харьков	11.09.37	23.12.43?	дата не изв.
181	Шахов Феликс Николаевич	1894	русский		служ.	высш.	Томск, ТПИ, зав. кафедрой	25.04.49	30.10.71	дата не изв.
182	Шемель Ян Станиславович	1892	поляк		служ.		Новосибирск, упр-е милиции, зав. отделом по борьбе с банд. на ж. д.	27.04.38	02.06.39	дата не изв.
183	Янцен Генрих Петрович	1912	немец		служ.	высш.	Запорожье, школа, учитель	00.00.37	дата не изв.	дата не изв.
184	Янцен Петр Петрович	1908	немец		служ.	высш.	Запорожье, школа, директор	00.00.37	дата не изв.	дата не изв.
185	Ярков Петр Савельевич	1883	русский		крестьян.	3 кл.	НСО, Маслянино, инспектор	12.02.38	15.03.38	05.07.58

Продолжение следует

Список подготовлен А. С. Жолобовым, Н. И. Израилевой и В. И. Купчиком

СОДЕРЖАНИЕ

И. Павлова. Покаяние и ненасилие 5

ПУБЛИЦИСТИКА

И. Павлова. Трагедия «стальных» людей 15
С. Папков. Заговор против Эйхе 26
И. Самахова. Лагерная пыль 38
А. Брат. История одной семьи 43
В. Исупов. Третий фронт: спецпереселенцы в годы войны . . 51

ДОКУМЕНТЫ

Письма из 37-го. Предисловие *И. Павловой* 63
Из дневника заключенного 90
Из жизни спецпереселенцев 97
Разные судьбы 105

ВОСПОМИНАНИЯ

Г. Медведев. Бывает так, что и тюрьме рад... 119
Б. Мазурин. Один год из десяти подобных 150
В. Юферев. В разломе. Предисловие *И. Лихоманова* 174
К. Черникова-Щуклецова. Перечеркнутая жизнь 191
М. Сергеева. Так на роду было написано... 199
В. Гребенников. Мой архипелаг 211
О. Мазонкина. Это были годы нашей молодости 220

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

В. Васильев. Три рассказа из лагерной жизни 235
Г. Тюрк. Стихи 262
Т. Руслов. Стихи 267
СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ 279

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

Историко-публицистический альманах

Составитель
И. ПАВЛОВА.

Редактор Т. А. ФРОЛОВА

Художник В. В. ПОДКОПАЕВ

Художественный редактор В. П. МИНКО

Технический редактор А. Н. ТОБУХ

Корректор Н. М. ЖУКОВА

ИБ № 2798

Сдано в набор 29.03.91. Подписано в печать 05.09.91. Формат 84x1081/32. Бум. офс. №2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 16,17. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 10000 экз. Заказ № 38. Цена 90 коп. Новосибирское книжное издательство, 630076, Новосибирск, 76, Вокзальная магистраль, 19. ППО «Печать», 630007, Новосибирск, 7, Красный проспект, 22.